

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 6 раз в год

№3 (13)

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. Басков (*г. Салехард*),
Т. Исламова,
Н. Коняев (*г. Ханты-Мансийск*),
Г. Куцев, Ю. Мандрика
(*главный редактор*),
А. Омельчук, С. Пархимович,
А. Петрушин, В. Рогачев,
С. Сарычев, С. Туров

Сдано в набор 20.05.2000.
Подписано в печать 30.06.2000.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «SchoolBook». Офсетная
печать.
Бумага офсетная №1.
Уч.-изд. л 9,2.
Усл.-печ. 9,3.
Тираж 300. Заказ №2006.

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень,
а/я 501.

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Тел. (345-2) 25-12-84

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Заураль».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

С. Рычкова. «Из закона простуженных луж...» 3

ПРОЗА

А. Захаров. Уха для иностранца. Глава из романа 6

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

С. Пархимович. Не без ложки дегтя..... 23

КРАЕВЕДЕНИЕ

РЕСТИТУЦИЯ НЕВОЗВРАЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. Колмогоров. Надежда Лухманова. Эссе 86

ИЗ АРХИВА

Н. Балюк. История Сибири по документам фонда
Сибирского приказа Российского Государственного
архива древних актов 29

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

С. Кубочкин. Первая тюменская газета,
или Один год из жизни города 41

В. Чупин. Тюмень. Республики, 60 114

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Ф. Зобнин. Из года в год: Описание круговорота
крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском
Тюменского округа 59

СООБЩЕНИЯ

А. Федулов. По материалам семейного архива 142

Марсен. На санях и верхом
к сибирским прокаженным. Пер. с англ. *В. Ефремова* 151

TRIVIA (мелочи)

У Чупина появилось «прибавление» 155

Федулов думал о себе лучше 157

Я И ВЕЛИКИЕ

Из серии «Почти анекдот» 158

До могильной плиты подвенечного круга
 Не сомкнется витийная вязь.

Тихая баллада

Дождь и догаресса тайною тропею,
 Где певали мессы только соловьи,
 В закоулках леса тихо меж собою
 Шли.

Дождь и догаресса встретили принцессу
 Там, где пели мессы только соловьи,
 Где дремучим лесом тихо меж собою
 Шли.

— Миленькая крошка, — дождь промолвил скупое:
 — Где твои родные, слуги и пажи?
 Тайная дорожка да ветвистый купол
 Тихо потакали лжи.
 Знают только ветер да лесные эльфы,
 Как блестели остро скользкие ножи.
 Больше нет принцессы. Дождь и догаресса
 Правят маскарадом лжи.

***

Исходя из закона простуженных луж,
 Ты царапаешь стены сердечным гвоздем
 И снимаешь цепи с затравленных душ,
 Обещая мне, что мы будем вдвоем.
 Пролетел, просвистел сизый пепельный дым,
 Изломал ребро размалеванных стен,
 Исушил дождем перекрестки дорог,
 Только мы с тобой снова не доживем.
 Изнывая от малодушных систем,
 Выжимая сок площадей из-под ног,
 Презирая то, что назвали святым,
 Все же мы с тобой Богу руку пожем
 Вдвоем — в одном.

***

Доигралася,
 Довольнехонька!
 Расплясалася —
 Вот дуреха-го!
 Эка рыбонька,
 Эка краляшечка,

Плачет дыбонька:
 — Ой, секир-башка!
 Что ж по краюшку?
 Добродилася!
 Забрала лишку,
 Да свалилася

С облаков — на дубок,
 На дубу — петля...
 Не балуй, помни впрок:
 Обходи края!
 — Эх, да что уж, милоч,
 Отходила я.

***

Покой. Пустота пустот.
 С тобой. Только ты не тот.
 Придешь — окуну перо.
 Ну, что ж, наскребу: «Прошло».
 Серо. Небо — пошлый Пан,
 Дудит себе, не следя частот.
 Не труб твоих серебро поет,
 Печаль моя, а тростник пустот.
 Покой. Без него — с тобой.
 Не-жизнь, не-тоска, не-грусть.
 Ничто. Только мерный бой
 Часов. Умираю. Пусть.

* * *

Одиноко и светло
 Бьют дожди в мое стекло.
 Через день и через год
 Будет тот же хоровод,
 Молчаливый будет бег,
 Неприкаянный ночлег,
 Том за томом, да сажинки,
 Да мечтанья под сурдинку.
 О богатствах и о странах,
 О морях, об окянах,
 О толпе, ревущей: «Браво!»,
 И о важных, и о бравых,
 О постеле из атласа
 И о штофах. Чтоб Пегаса
 Обуздала Виктория.
 Мысли вострые, лихие,
 Да без проку... одиноко
 И светло.
 Бьют дожди в мое стекло.

Грешница

Сорвалось яблочко, покатилося.
 Отплясала девонька — божья милость.
 Солнышко за облачко закатилось.
 Отстрадала грешница. Нарядилась,
 Что невеста-яблоня, да не к лету.
 Поклонилась поясно белу свету.
 Поплыла лебедушкой по озерам.
 Полетела белая — синим бором.
 Все погостов копии, перезвоны,
 А девице топии да затоны.
 Видно, не до праздника — поминанья,
 За оградкой радостно ль отпеванье?
 Над озером — мост,
 Над мостом — осинка,
 Над осинкою — душа
 Легкою былинкой.
 Мыкаться век тебе, не пристать к порогу.
 Кликать — недокликаться. Вольному — дорогу,
 Неприкаянному — дроги, цепи-кованы-остроги.
 Век летать да век кликать, волю горькой запивать
 Песней ледяною,
 Да с росой умирать
 Зорькой огневою.

Аркадий Петрович Захаров родился в 1944 г. в Нижневартовске в учительской семье. Жизненный путь — обычный для молодого человека периода «оттепели». Учебу совмещает с работой, ищет свое место в мире. Освоил ряд профессий: от машиниста термобарокамеры до технического инспектора профсоюза, от коммерческого директора хлебокомбината до профессионального спасателя, от заместителя директора по рекламе до мастера производственного обучения.

Печатался в местной прессе, журналах «Уральский следопыт», «Катера и яхты», в коллективном сборнике молодых литераторов.

Дебютировал с книгой «На неведомых дорожках» в 1994 г. Через два года издал роман в двух частях «Сень горькой звезды». В настоящее время работает над третьей частью романа «Глаза Фемиды».

Работает в администрации г. Тюмени — чиновник комитета по управлению имуществом.

Уха для иностранцев

Глава из романа

*Сидим мы как-то, братцы,
с африканцем.
И он мне, понимаешь, говорит:
«В российских водах холодно
купаться,
А потому здесь неприятно жить».*

*Зато, говорю, мы делаем ракеты,
Перекрываем Енисей,
И даже в области балета
Мы впереди планеты всей.*

(В. Высоцкий)

На рыбалке, как в бане, нет неравенства и чинов. Нет подчиненных и начальников, есть только рыболовы и рыбаки, удачливые и не очень. Рыболо-

вы — это те, которые спортсменны и вроде того, пробавляются крючками и катушечной снастью. А рыбаки — это те, что возятся с сетями, фитилями, мержеями и прочей неводной делью. Этим не на уху подавай — им на продажу надо, чтобы снасть, бензин и транспорт оправдать и чтобы навар остался. Но за ухой и рыболовы, и рыбаки, и даже не виноватые в браконьерстве шоферы равны. Кстати, о наваре: чтобы его в ухе доставало, нужно особое умение. Для его описания мне не хватило бы и целой главы. А какая-нибудь хантыйка из

Согома, которая написать о варке ухи не имеет времени, смогла бы вас угостить незабываемой по вкусу и цвету ухой из семи сортов рыбы, которая на Севере так и называется — варка.

Приготовление хорошей варки — искусство сродни шаманскому и дается не каждому, а только тому, кто на рыбе вырос, имеет ее в достатке и умеет взять из нее самое полезное и вкусное, будь то икра, молоки, печень или внутренний жир. Сибиряк никогда не станет пороть окуня, чистить щуку и промывать до блеска брюхо предназначенной для ухи рыбыны. Хотя случались из-за этого знания и умения рассказы о семейные неурядицы. Рассказывают, как украинец-прапорщик подсмотрел однажды процесс приготовления ухи его любимой женой-сибирячкой, которая из старания как можно больше угодить мужу тщательно обобрала и запустила в уху внутренний жир, не смог преодолеть предубеждения, что жена его неряха и лентяйка, и подал на развод. И развелся исключительно из-за того, что рыбацки не чистят окуня.

Очевидно, Абориген оказался из числа рыбаков и искусством изготовления варки владел в совершенстве, поскольку янтарно-оранжевый отвар, дымящийся в ведре, весьма отдаленно напоминал ту прозрачную жидкость, которую под именем

ухи подают в общепите. Под такую грешно не выпить, и «Стрелецкая», поскольку она с перчиком, — в самый раз. И тост подобрался с перчинкой: «За нашу и вашу свободу!». Кружки подняли, но опорожнить не успели: случилась внешняя помеха в виде выбежавшего из-за высокого мыса на широкий плес на самом что ни на есть полном ходу небольшого катера. «Хорошо идет!» — воскритились и, как по команде, повернули головы от застолья. «Да это с нашей лодочной катерок, — определил адвокат, — Андрей заруливает. — И призывно замахал руками: — К нам! Сюда причаливай! На уху!». На борту заметили и отмахнулись в ответ. «К нам! К нам!» — радостно закричала береговая компания. В ответ катер резко повернул и приткнулся носом в песок. С его палубы сначала подали швартовый конец, а затем и небольшой трап.

— Заболел Андрей, что ли? — пожал плечами адвокат. — Трап спускает как белый человек, когда можно босиком прямо с борта и в воду. Даже еще приятнее. Удивляет Андрюха.

Через минуту еще более удивился Владимир, когда по принятому им трапу чинно проследовали два с иголочки разодетых гражданина: в летних костюмах, штиблетах и галстуках. Поравнявшись с Владимиром, оба привычно-

элегантно приподняли парусиновые штаны и поприветствовали: «Good day!». «Гуд дэй!» — машинально ответил Романов. А следовавший за господами переводчик пояснил ошалевшей от неожиданности компании, что мистер Роджер Смит пожелал всем доброго дня и удачи в делах.

Явление на речных водах самого Христа или появление в прибрежных зарослях стада мамонтов не произвело бы на собравшихся такого сокрушительного впечатления, как эти, невесть как прорвавшиеся сквозь «железный занавес» советской самоизоляции денди. Не забудем, что во время оно вокруг соцлагеря полыхала холодная, а во Вьетнаме и Анголе самая настоящая кровопролитная война. Международный империализм рыскал вокруг социалистического лагеря, засылая в него своих многочисленных агентов, чтобы подрывать устои социализма изнутри, устраивая путчи наподобие «пражской весны». Наймитам международного капитала, шпионам, фарцовщикам, абстракционистам и прочим диссидентам доблестно противостояли высокоидейные бойцы невидимого фронта — чекисты Комитета госбезопасности, в обиходе комитетчики, которые выезд советского гражданина в турпоездку по Болгарии рассматривали как потенциальную измену Родине, а несанк-

ционированное общение с иностранцем в отсутствие парторга — как свершившийся акт предательства. Со всеми отсюда вытекающими последствиями. А потому настоящей советский гражданин и патриот против иностранцев был всегда насторожен не то чтобы из предубеждения, а из чувства самосохранения. И даже с рабочими иностранными делегациями контактов старался избегать. На всякий случай. А то, не дай бог, обмолвшись по простоте душевной лишним словом, а комитетчики его мгновенно зафиксировали, и пошло-поехало: в парткоме будут прорабатывать, премию урежут, очередь на квартиру передвинут назад, а из очереди на «Запорожец» и вовсе выкинут. И хорошо, если этим ограничится. Могут и с работы попросить — на том основании, что птицефабрика поставляет меланж в воинскую часть и потому значение имеет оборонное и полусекретное. И ходи тогда посвистывай без работы и ищи необоронное производство, где тебя взять согласятся. И вряд ли сыщешь, потому что в Союзе все производства оборонные и на каждом спецчасть и первый отдел. Даже на фабрике валяной обуви, не говоря уже об овчинномеховой.

А потому хотя и интересно пообщаться с забугорными, но себе дороже. Особенно если репутация подмочена и со скамьи

подсудимых всего лишь час как спрыгнул. Стоит позвонить какому-нибудь тайному майору Пронину в прокуратуру, намекнуть на государственную важность, как там «сделают под козырек» и обжалуют сегодняшний приговор. И уж тогда суд дело будет не в открытом заседании слушать, а в самом что ни на есть закрытом, чтобы раскрутить его на всю катушку, раз Родина в опасности. Так что с иностранцами общаться — это не кур таскать. Лучше при свидетелях.

Охотники за курями это быстренько смекнули и, пока адвокат принимал чалку и болтал с капитаном, как со старым знакомым, не тратя лишнего времени провели микросовещание, главными вопросами повестки которого стали: как быть и куда бежать? В ходе коротких прений выяснилось, что у всех без исключения дома срочные дела, жены и дети, которые их ждут не дождутся. И не дело отвлекаться от семьи ради случайной ухи со случайной компанией из бродяги, подозрительных иностранцев, кандидата в алкоголики, адвоката и сорвиголовы в тельняшке и мичманке. По первому вопросу решили однозначно, что прибыть домой следует трезвыми. По второму решили немедленно «рвать когти, сматываться, делать ноги» и тому подобное. А так решив, оставили как есть и закуску, и вы-

пивку, хлопнули дверками машины, взревели мотором, да только их и видели. Татуированный Абориген, слышавший прения, но не проронивший ни слова, только плюнул вдогонку. Иностранные гости ничего не поняли, ученый переводчик не объяснил, а брошенный подзащитными адвокат ничего не заметил, поскольку увлекся беседой со своим знакомцем по лодочной стоянке и одновременно капитаном и начальником круиза Андреем.

— Кто это, янки? — поинтересовался Романов.

— Англичане, — невозмутимо отвечал капитан, как будто только и делал, что ежедневные рейсы через Ла-Манш. — Они в конторе ресторанов хотели гешефт сделать да обмисхурились. Пошли по шерсть — вернулись стрижены. Завтра их обратно провожают, а сегодня контора для них уик-энд устраивает на прощание. Меня с катером специально зафрахтовали...

— И так просто, без КГБ и охраны? — удивился Владимир.

— Без них не обошлось. Только у них прокол случился. Они заранее планировали, как англичан и на природу вывезти, и от населения отсечь. Меня полсуток по карте натаскивали и инструктировали, чтобы вел катер вверх по реке от города, где и вода чище, и природа пригляднее. Там в со-

гласованном и заранее подготовленном месте нас должны ожидать замаскированные под туристов гэбэшники с ухой и шашлыками. Я как бы случайно к ним пристану, и мы как бы случайно познакомимся. А потом будут тосты за дружбу, мир и сотрудничество, всеобщее удовольствие и никаких посторонних глаз, — хохотнул Андрей.

— Сценарий известный, — подытожил Романов. И не преминул уточнить: — А какой волной вас в нашу сторону закинуло? Направление как будто бы самое противоположное?

— Нашу действительность в гэбэшные сценарии не уложится. Все они предусмотрели, все распланировали, а вот то, что на деревообделочный комбинат саморазгружающаяся баржа с лесом именно сегодня придет, не предусмотрели. Беру я, значит, этих господ от пристани, иду не торопясь вверх по фарватеру, как заранее уговаривались. Только разогнаться не спешу: по реке то и дело бревна мелькают. Не топляки — они на судовом ходу редко попадают, а свежий лес плывет часто, словно где прорвало. Иностранцы это тоже отметили, интересуются через переводчика, почему деловая древесина в реке оказалась. Деваться некуда, надо отвечать, но так, чтобы достоинства страны не уронить. Это, говорю, нестандарт. «Что значит не-

стандарт?» — не понимают гости. Это значит короткомер, объясняю, бревна короче, чем необходимо. Англичане удивляются: «А почему такие свежие бревна в реку бросают?». Я сделал круглые глаза, будто удивился, и сам спрашиваю: «А куда их девать, если они нестандартные? Не на берегу же оставлять? А вдруг пожар? Им одна дорога — в реку и плыть до Карского моря. У нас всегда так делают». Гляжу, огорошил я иностранцев, примолкли, фотоаппаратами щелкают: велика, богата и непостижима Россия, но Сибирь раз в десять непостижимее и непонятнее.

Так и идем по реке с разговорами. Выруливаем на плес у Воронинской гавани и видим: приплыли. Поперек реки бревенчатые боны натянуты, а за ними баржи-лесовозы прямо в воду разгружаются. Бревна течением вдоль бонов тихонечко тянет прямоком в лесную гавань, а из нее — уже на лесотаску и в цех на разделку. Некоторые бревешки, что потяжелее, умудряются под боны пронырнуть и на судоходный фарватер выскочить. Однако нашему катеру ни под боны не пронырнуть, ни через них не перепрыгнуть. Постояли мы перед гаванью часок, видим, что разгрузке конца не видать, развернулись, да и пошли вниз по реке — не пропадать же рейсу. Удачно, что вас встретили — все-таки программу выполним.

— А как же гэбэшники? — засмеялся Романов. — Они, наверное, от потери с ума сойдут?

— И не вспоминай! — махнул рукой Андрей. — Они нас без присмотра не оставят, того и гляди объявятся. Мне еще за отклонение от маршрута отвечать придется. Впрочем, ну их к бесу с их проблемами. У меня своих хватает. И главная — есть хочется так, что в глазах темно.

— Так в чем же дело, — широким жестом пригласил Владимир. — Прошу к нашему шалашу. Уха стынет.

Я думаю, не стоит описывать того оживления, которое всякий раз возникает в первый момент рыбацкого застолья. Дело это известное и не один раз описанное. Коротче говоря, когда уха разлита по чашкам, а «Стрелецкая» по кружкам, остается избрать спичрайтера, если перейти на английский, или тамаду, если вспомнить грузинский. Принимающей стороне предстояло выдвинуть его из своей среды, поскольку уха нам этот раз предстояла не простая, а международного значения.

На молчаливого и малокультурного на вид Аборигена полагаться не следовало, и адвокат в силу своей профессиональной привычки к многословию решил принять эту функцию на себя, не забыв намекнуть Аборигену, чтобы не напивался и помалкивал, по-

скольку в случае международных осложнений повторной ходки в Харп или Лабитганги избежать не удастся. «Понял», — заверил Абориген, добыл изпод брезента здоровенный тесак и без лишних слов взялся нарезать хлеб.

Тем временем англичанин росточком поменьше, по имени Джек Мейджер, поинтересовался содержимым предложенной ему эмалированной кружки и от вкуса напитка пришел в совершенный ужас:

— Это же неразбавленный алкоголь! В Великобритании такое не пьют — это опасно для жизни! — огорчился он через переводчика. И если судить по этикетке бутылки, на которой изображен палач в красном балахоне и с огромным топором, то напиток этот предназначен специально для приговоренных к смертной казни: от такой выпивки им хуже не будет. А он, Джек, еще очень молод, холост и в его сорок два еще хочется пожить.

Трудно общаться с человеком через переводчика. Особенно когда оба еще не выпили. Но для того и существуют на земле представители адвокатских контор, чтобы уметь устанавливать контакты с теми, кто их не понимает или понимать не хочет. Романов выждал время, когда Джек выговорится, и когда такой момент наступил, как можно внушительнее произнес всего пять слов: «Если

хотите жить, следует выпить». Переводчик перевел, гости как-то сразу сникли, помрачнели и, не сводя глаз с тесака в татуированной руке Аборигена, попробовали уточнить: почему? «Потому, — отвечал адвокат, — что настойка эта лечебная, специально от таежного энцефалита предназначенная, который в сибирских краях свирепствует не меньше, чем муха цеце в Африке или бери-бери в Индии. И не палец это на этикетке, а стрелец — человек, который стреляет, охотник, одним словом. Сибирские охотники от энцефалита исключительно этой настойкой и спасаются. Потому сибиряки и пьют во все времена, всегда зная наперед, что энцефалит в природе везде и повсюду присутствует и неподготовленного подстерегает. И наоборот: допустим, спикирует вредоносный клещ на принявшего защитную дозу охотника, чтобы свежей крови насосаться, а у охотника кровь наполовину водкой с перцем разбавлена. Тут клещу и крышка, а у охотника никаких последствий. Что из этого следует? Если хотим жить, следует выпивать систематически и много. Совершенно не случайно любимым тост русских, а сибиряков в особенности, — за здоровье. Его я и предлагаю почтенным господам англичанам и с ними переводчику: выпьем за наше здоровье, а иначе все помрем».

Тост убедил, все дружно чокунулись эмалированными кружками и выпили. Англичанам уха понравилась, «Стрелецкая», видимо, тоже, потому что предложили повторить. С ответным спичем выступил сэр Роджер Смит, сравнивший русский характер с широкой полноводной рекой, которая внешне спокойна и медлительна, но в массе своей несет огромную мощь, скрытые от поверхностного взгляда возможности и тайные опасности для того, кто пытается пересекать ее течение. Лично он такого больше никогда делать не будет и другим отсоветует. Спич не все поняли, но все выпили. После второй оказалось, что языкового барьера между сотрапезниками почти не существует и надобность в переводчике почти отпала. Карась у англичан оказался «карпо», комар — «москито», а значит «Give me a repelent» — тоже понятно. Водка — рашен удка вери гуд, а значит — пора наливать еще, чего тут не понять даже Аборигену, который к английской речи проявил необъяснимые способности и воспринимал ее явно осмысленно.

В паузе между тостами адвокат успел познакомиться с переводчиком, который оказался инженером-технологом.

— Вот это мы и делаем ракеты, перекрываем Енисей и даже в области балета мы впереди планеты всей, — пошутил переводчик.

— А я посчитал, что вы профессиональный полиглот, — поспешил удивиться Романов. — Так вы ловко с ними общаетесь. А я вот ни бум-бум.

— Спецшкола с английским уклоном в основе, а в институте удалось закрепить. А вы какой язык изучали?

— Русский в семье, командный в армии, матерный на работе, — отшутился Романов и вспомнил свои экзамены по иностранному языку на заочном юридическом ликбезе, устыдился себя и ощутил, что краснеет. Вспомнилось, что преподавателем на факультете оказалась бывшая Володькина одноклассница Катя Довнарлович, которая, пока он служил в армии и набатывал производственный стаж, успела закончить иняз, поступить в аспирантуру и заделаться преподавателем.

После первой же лекции Володька пригласил Катю в кафе, где объяснился в любви к ней и в нелюбви к языкам, в особенности к иностранным. Катя Володькины залеты еще со школы помнила, понимающе улыбнулась и пообещала: «Все будет нормально, Вовчик, ты только лекции посещай». Иностранный язык во времена «железного занавеса» считался предметом обременительным и необязательным, и никто не мог предполагать, что пробелы в образовании Володьке придется осознать на пустынном пляже, но не в Майа-

ми-бич, а в центре Сибири, в десятках километров от цивилизованного общества. Представился редкий случай пообщаться без лишних свидетелей с ребятами «оттуда», а на память, кроме слов «дринк» и «брекфаст», ничего не приходит. Хотя отдельные слова и смысл фраз разобрать можно. Может, благодаря тренировке и интуиции в изощренном адвокатской практикой подсознании Романова во время спича Роджера Смита возникло ощущение, что сэр на русских сильно за что-то обижен, хотя и старался сделать хорошее лицо и скрыть досаду.

О своих подозрениях Романов и спросил у переводчика.

— Еще бы ему быть довольным, — засмеялся тот. — Он ехал в Сибирь овец стричь, а уезжает сам остриженный.

— Как? — не поверил Романов.

— Очень просто, — снова хохотнул переводчик. — Год назад шеф нашей конторы посетил в составе областной делегации Англию с целью изучения передовых технологий в сфере обслуживания. Считается, что у британцев с этим все в порядке. В числе прочих прелестей капитализма показали нашим олухам и столовую «фаст фуд» — быстрого обслуживания. А на наших заводах именно с этим и напряженка. Как обед, так бесконечная очередь к раздаче, жара, теснота,

шум, скандалы и недовольство. Шеф посмотрел на английский «фаст фуд» и загорелся такое же оборудование купить, да еще чтобы «на халяву». Едва он о своем желании обмолвился, как коммерсанты ему: чего изволите заказать? На какую сумму, в фунтах или долларах? А Роджер Смит уже готовый контракт подсовывает: очень выгодные условия, почти бесплатно. Наши и уши развесили, забыли, что у британских акул бесплатной одна наживка бывает. Взяли контракт на прочтение. Переводчики, как водится, — лингвисты, инженера среди них ни одного, юристов тоже. С грехом пополам, но текст перевели. На первый взгляд, в контракте сплошная выгода: оборудование Смит предоставляет бесплатно, сам выезжает на запуск и опробование. А за это в течение пяти лет половину прибыли от эксплуатации оборудования должен получить Смит с компанией. Конечно, как полагается, если стороны не выполнят взаимных обязательств в положенный срок, предусмотрена выплата неустойки виновной стороной.

Наш шеф с иностранными дельцами ранее никаких дел не имел, клюнул на внешнюю благопристойность и респектабельность партнера и подписал контракт, особо в детали не вникая. Может, купился на обещания,

а может, подумал, что англичанин лопухнулся. Смит же, наоборот, все детали контракта заранее обдумал, как ему казалось, все предусмотрел и тоже был абсолютно уверен, что русского облобыдил на все сто. Так или иначе время пошло.

Точно в установленный срок, ни днем раньше, прибывает к нам из Англии заказанное оборудование. Отведенного контрактом времени на монтаж — в обрез. А у нас, как водится у русских строителей, время монтажа на четыре этапа размечено: спячка, раскачка, накачка, горячка. Пока помещение освободили, пока оборудование на объект доставили, пока распаковали — уйму времени потеряли. В конце концов выяснилось, что оборудование есть, а монтажных чертежей и технологических схем к нему нет, и по всему видно, что и не бывало. Попробовать бы самим разобратся, да боязно: все оборудование электроникой нашпиговано, принцип работы неизвестен, да и в контракте оговорка, что фирма за поломки, допущенные некомпетентными специалистами во время монтажа, не несет и запасными частями не обеспечивает. Делать нечего: не пожалели денег на телетайп, запрашиваем фирму, так мол и так, мистер Смит, комплект технической документации *вы* позабыли вложить, просим выслать и дату окончания монтажа, предус-

мотренную контрактом, отодвинуть на то время, которое документация будет в пути. Пока мы ответ ждем — время идет. И работает оно на Смита и К^о, поскольку, если мы условия контракта не выполним и в срок линию не смонтируем, то неустойку фирме обязаны выплатить в три раза большую, чем само оборудование стоит. Наконец дождались: обычной почтой приходит ответ. В своем письме Роджер Смит выразил недоумение, почему вопрос о техдокументации вдруг взял да и возник не вовремя — оборудование давно уже на месте стоять должно, к прокрутке готовое. Ведь контрактом предусмотрена исключительно поставка оборудования, а о техдокументации в нем нет ни слова. Да и быть не может, поскольку у них, в Европе и Австралии, оборудование фирмы Смита монтируют исключительно дочерние предприятия фирмы, которым принадлежат эксклюзивные права на техническую документацию. В одностороннем порядке он, Роджер Смит, нарушить договоры с дочерней фирмой не вправе, но не возражает, если Заказчик, то есть мы, самостоятельно обратится в дочернее предприятие с предложением покупки комплекта документации или заключения договора на шеф-монтаж. Одновременно напомнил, что срок окончания монтажа, предусмотренный контрактом, насту-

пает через 12 дней после подписания настоящего письма. И именно в этот день он, Роджер Смит, собственной персоной надеется прибыть в Тюмень для пробной прокрутки оборудования. С уважением и прочее, и прочее.

Пока письмо до нас дошло, пока прошло через канцелярию, пока переводчик перетолмачил его с английского — декады как не бывало. Шеф как прочел письмо, как глянул на штемпели и календарь, так побагровел и взвился до потолка: «Негодяи! Работать не умеете! Завтра мистер Смит прибывает, а у вас еще ни у шубы рукав! А что мне в обкоме скажут? Погубить меня думаете? Не выйдет. Я сам найду виноватого».

Надо заметить, что шеф в коридорах власти бока пообтер до блеска и усвоил накрепко, что начальник, будь он трижды дурак и простофиля, за собственные ошибки отвечать не должен и виноватым в них быть никогда не может, как не может быть виновен господь бог в непорочном зачатии девицей Марией. За все отвечают заместители и те, кто ниже их — эту аксиому шеф усвоил твердо и навсегда. И, чтобы не подвергать ее справедливости сомнению и не создавать ненужного прецедента, срочно препоручил окончание монтажа, встречу и переговоры со Смитом своему первому заму, а сам

экстренно отбыл в длительную командировку «на севера».

Ознакомившись с делом, первый зам уяснил всю безысходность ситуации и схватился за голову: в торгово-технологическом оборудовании он ровным счетом ничего не смыслил. И по примеру шефа тоже стал искать крайнего: кто у нас за общепит отвечает? «Инженер-технолог Заголовцева», — доложили исполнительные помощники. «Раз инженер, то пусть и организует монтаж, — обрадовался заместитель. — Пригласите ее ко мне через полчаса на инструктаж».

И свалили всю заботу на хрупкую женщину, которая хотя и отдала полжизни общественному питанию, хотя и закончила институт народного хозяйства, но по специальности была технологом по приготовлению пищи, а значит, в тонкостях монтажа оборудования, да еще импортного, не очень разбиралась. И до рокового дня даже не пыталась разобраться, так как знала, что для этого существует техотдел главка, «Росторгмонтаж» и другие умные технари, которые, как положено по условиям Министерства торговли, оборудование смонтируют, испытывают, а ее пользоваться им научат. И про сроки по контракту и существование конторы Роджера Смита даже и не подозревала. Но в силу присутствующего многим женщинам любо-

пытства новое оборудование еще загодя со всех сторон осматрела, покрутила и пощупала. И кое-что в забугорной технике понял. А самое главное то, что линию в ближайшее время запустить никак не удастся вследствие хитрой заморочки, не оговоренной в контракте Роджером Смитом и по простоте душевной не замеченной Заказчиком. Тонкость игры Смита заключалась в том, что технологическое оборудование всех общепитовских точек города: многочисленные печи, духовые шкафы, плиты, жаровни, сковороды и прочее — испокон веков грелось и крутилось с помощью электроэнергии, и о других источниках теплоснабжения никто не задумывался, да и взять их было негде — не подвели. Именно это обстоятельство и учел хитроумный британец, когда отгружал оборудование, специально спроектированное и изготовленное для работы на природном газе, который при полном отсутствии системы централизованного газоснабжения не вдруг подведешь.

Эти обстоятельства и докладывала Нина Заголовцева первому заму, когда вошел его помощник и сообщил, что господин Смит из Москвы уже вылетел и пора ехать для встречи его в аэропорт. «Ну, матушка, доигрались, — подвел итог заместитель. — Выкручивайся теперь, как знаешь. Я на себя беру встречу, размещение,

культурную программу, а запуск оборудования — это по твоей части...».

Смит Роджер свою аферу с контрактом просчитывал заранее, в ее успехе был вполне уверен, а потому приехал вдвоем не с наладчиком, а с юристом Мейджером, чтобы сразу, не откладывая, зафиксировать несоблюдение контракта. Капиталисты — ребята деловые, не нам чета, времени и денег терять не любят. Смит — из их числа не исключение и в алчности другим не уступит, хотя по внешности — кроткий ягненок, на икону просится. Вот этот ягненок, вместо того чтобы с дороги вымыться, отдохнуть, покушать, с городом познакомиться, как это у нас принято, прямо с посадочной полосы аэродрома потребовал отвезти его на объект, чтобы собственными глазами убедиться, что и как. Юрист при нем. Куда нашим деваться — отвезли. Показывают: вот оборудование ваше, протерто, помыто, болтами схвачено. Но коммерсанту очки втирать бесполезно. «Где газ подведен?» — спрашивает. Ему отвечают, что газа пока нет, но к утру непременно будет. И так это ему уверенно сообщили, что он сразу засомневался: «А далеко ли газовая магистраль?». «Далеко, — отвечают, — так далеко, что, можно сказать, и совсем нет. Но к утру, может, и еще раньше, на объекте газ будет».

Смит на часы с календариком внимательно посмотрел — не подошло ли время неустойку требовать, убедился, что рановато и можно успеть хорошо выспаться, и отбыл в гостиницу, очень вежливо предупредив на прощание Нину Заголовцеву, чтобы, когда газ подведут, вызывала его на объект, не считаясь со временем суток. И уехал, уверенный, что до утра его никак не потревожат.

В гостинице Смит заказал к себе в номер сэндвичей с ветчиной и лососиной, дюжину бутылок темного пива и пригласил юриста Мейджера спланировать дальнейшие совместные действия. Едва успели господа выпить по паре бутылок, как их потревожил звонок: «За вами пришла машина: газ подвели, и он горит во всех горелках». «Не может такого быть! — не поверил ушам Смит. — Всего два часа прошло!». «Это в Европе такого не достичь, — парировала Нина Николаевна, — а у нас в Сибири и не такое случается. Мы медленно запрягаем, зато погоняем быстро». Наивный Смит! Испорченный европейской цивилизацией и благами британских ухоженных островов, он упустил из вида, что газ пропан может существовать в природе не только в магистральных сетях и разводящих трубопроводах, но и в 50-литровых баллонах, которые удобно транспортировать и присоединять к потре-

бителям резиновыми шлангами. А Нина Заголовцева об этом вовремя вспомнила. Вам нужен газ для запуска? Получите. Прокрутим оборудование, а после не ваше дело, откуда мы его подведем, — хоть с Ямала. Но неустойки вам, господа капиталисты, не видать.

Сразу после отъезда Смита в гостиницу Нина спустилась в технический этаж здания в мастерскую сварщиков и сантехников. После недолгих переговоров два баллона с пропаном переместились в подсобное помещение столовой, а от них к оборудованию протянули гибкие шланги. «Вэри гуд! — вынужденно оценил находчивость русских партнеров Смит. — Скажите вашему инженеру, чтобы последовательно запустил и прогрел оборудование». «А разве не вы должны это делать? — удивилась теперь уже русская сторона. — Ведь по контракту вы выезжаете на запуск оборудования!». «Йес, — подтвердил Роджер Смит, — правильно говорите, так в контракте. Я условие контракта не нарушил — приехал вовремя. Но это не значит, что на мне лежит обязанность шеф-монтажа и пусконаладки оборудования. Я должен присутствовать на запуске и все, на этом мои функции исчерпываются. А если до восьми утра оборудование не заработает, подпишем протокол о неустойке, и я улетаю». «Может, без пусконалад-

ки?» — предложила Нина Николаевна. «Без этого никак невозможно, — не согласился Смит. — Оборудование сложное: датчики, термопары, электронные мосты и другая автоматика-электроника сама собой не заработает. Впрочем, до утра у вас еще время есть, вполне можете успеть с вашими талантами». Это он так шутил: у англичан юмор черный.

«Успеем, — озлилась Нина Николаевна. — Еще как успеем. Не обессудьте, если среди ночи вас потревожим». «О нет, я надеюсь сегодня безмятежно выспаться, — усмехнулся Роджер Смит. — Я вам желаю приятной ночи. Гуд бай». «Байбай, — повторила за ним Нина Николаевна. — Байбак! — Вдруг ее осенило: — Где Байбак?».

Байбак — он же Вася Пульников, недавний электромеханик подводной лодки, а ныне студент-дипломник факультета автоматизации индустриального института и по совместительству сторож и подсобник столовой, как всегда, оказался на боевом посту, то есть спал в подсобке. За свою способность мгновенно засыпать в самых неприиспособленных местах он и приобрел как нельзя лучше подходящее к нему прозвище — Байбак. Другой, не менее яркой, индивидуальной особенностью Васи была его страсть, своего рода хобби, к решению всевозможных элек-

трических схем. Кто-то любит решать кроссворды, а Вася коллекционировал в тетрадке необычные схемы в надежде использовать в дипломной работе. И когда распаковали импортное оборудование, Вася буквально очаровался красотой внутреннего электромонтажа, любовался качеством изготовления пускателей, кнопок и промежуточных реле, разноцветными жгутами тщательно промаркированных проводов и уж, конечно, приборами автоматики. Всю эту паутину Вася во время ночных дежурств, не торопясь, срисовывал в тетрадку, чтобы разгадать, как разгадывают кроссворды. На это уходили светлые июньские ночи, когда те, кто помоложе гуляют, те, кто постарше, спят. Вася же не гулял и не спал ночами — он самосовершенствовался. Однако недоспанное ночью приходилось наверстывать днем.

Несмотря на это уважительное обстоятельство, Васю удалось разбудить и частично привести в чувство. «Чё пристали?» — недовольно заворчал он. «Надо, Васенька, линию запустить», — попросила Нина Николаевна. «Без газа не запустится, там датчик давления есть», — не согласился Вася и приготовился спать дальше. Но Нина Николаевна эту попытку пресекла: «Запустится, Васенька, газ уже подвели». «Правда? — удивился и обрадовался

Василий. — Тогда можно попробовать. Зовите электрика». «Ждет электрик», — поспешила предупредить Нина Николаевна неторопливого Васю. «Можно попробовать, — уже не сонным голосом повторил Вася. — Девка пробовала, да родила. Может, и у нас что-то родится». И Вася развернул свою заветную тетрадку: там много чего хранилось!

А тем временем господин Смит с господином Мейджером, приняв традиционную ежевечернюю дозу пива, спокойно отошли ко сну. Но вздремнуть им как следует в эту ночь не пришлось: около трех часов ночи их потревожил стук в дверь. На пороге вежливо улыбался переводчик: «Господа, прошу пожаловать на запуск линии. Все крутится и прогревается. Извините, что потревожил, но время нашей работы контрактом не оговорено», — откровенно поиздевался он в отместку.

Прибыв на место и убедившись, что интрига с контрактом не удалась и партия проиграна в последний момент, Смит, вопреки ожиданиям, не впал в нервную депрессию, а пришел в совершеннейший восторг и восхищение остроумным русским решением неразрешимой для британца задачи. «Где тот инженер, который смог это сделать? Я хочу выпить с ним за его удачу!» — кричал он переводчику. «Спит

в подсобке», — отвечала Нина Николаевна. Васю снова растолкали и подняли со стеллажа, чтобы представить англичанам. Роджер с недоверием оглядел Василия, оценил его отекшее со сна лицо, мятые и потертые джинсы, обтрепанные рукава рубахи и не поверил: «Это именно он смог?». «А чё! — понял вопрос Вася. — Мы любую технику освоим. Так что вези еще — справимся. А пить я с ним не буду — не хочу. Ай кэн нот дринк виски». И снова пошел спать.

Словом, не выгорело дельце у Роджера Смита, вон он и убивается, — закончил рассказ капитан.

— Но у него осталась возможность получать половину прибыли от эксплуатации оборудования. Может, это его утешает, — возразил Романов.

— Откуда она вдруг возьмется, прибыль в нашем общепите, когда он вечно на дотациях? Да наша система так устроена, что при любых условиях, на самом современном оборудовании сумеем бесприбыльно сработать...

Рассказчика прервало завывание, каким славятся пикирующие бомбардировщики да еще побочные дефективные чада отечественного авиапрома — подвесные лодочные моторы «Вихрь». Оно, усиливаясь с каждым мгновением, сделало невозможной дальнейшую беседу. И не только беседу: Джек Мейджер и Абориген, самосто-

ятельно установившие общий язык и взаимопонимание, к сожалению Смита, исполнявшего роль рефери, отвлеченные ревом мотора, прекратили матч по армрестлингу в состоянии уверенной ничьей и повернулись к реке.

Обшарпанными боками похожая на шелудивого пса, дюралевая лодка «казанка» на «пятке» вылетела из-за зеленого мыса и, ведомая явно нетвердой рукой рулевого, после нескольких замысловатых пируэтов на собственной волне умудрилась таки вылететь корпусом на песок прямо напротив отдыхающих. Помятая личность в затертой, как швабра, тельняшке, такой же свежести хлопчатобумажных брюках и кирзовых сапогах выйти из лодки не пыталась, возможно, опасаясь ее зыбкого состояния или справедливо полагая, что надежнее сидеть в лодке, вцепившись в ее борта, чем пробовать удержаться на неустойчивой песчаной поверхности, которая то вздымается, то ускользает из-под ног в сторону. Сломившую рулевого слабость и неуверенность в собственных силах отчасти объясняла стоявшая в этот день жара, раскалившая его ничем не прикрытую голову, а отчасти абсолютно пустая бутылка из-под горькой настойки «Ермак», завалившаяся под стлани лодки. Другая такая же, но нераскрытая, ждала своей очереди у ног рулевого. Романов его сразу опознал: среди

водномоторников пришелец был известен как мотобич Крокодил Гена. Он и был тем гонцом, которого Абориген ожидал из магазина в деревне Есаул.

Общение Крокодила с иностранцами для всех обещало последствия самые нежелательные и неприятные. Вместе с Романовым всполошился и Андрей. Он даже привстал с песочка, чтобы успеть нейтрализовать в случае необходимости Крокодила еще на дальних подступах. Но не преуспел: Крокодил из лодки сам не мог выйти. Однако орать мог, и очень громко. И он не замедил воспользоваться последней возможностью самоутвердиться и заявить о своем присутствии в этом чудесном месте. От всей полноты переполнивших его хмельных чувств Гена обратился к собравшимся на берегу с речью, состоявшей из самых отборных слов, которые он впитал с молоком матери, табаком отца и водкой деда. Я не берусь пересказать содержание этой речи, поскольку она несколько сложна для неподготовленного и неискушенного в подзаборной лексике, но некоторые, самые невинные слова, вроде «козлы вонючие» и «педерасты», можно привести.

По лицам иностранных гостей пробежала тень, заметно было, что подзаборную лексику они воспринимают без переводчика. Назревал скандал если не международного масш-

таба, то в масштабах Уголовного кодекса. Мейджер — юрист, и неизвестно еще, какого реванша и какой компенсации ему захочется.

«Ну, теперь тебя точно снова посадят, — на ухо Аборигену пообещал адвокат. — За соучастие в оскорблении иностранцев и дискредитацию советского общества». «Понял», — огорчился Абориген и вдруг захотел выпить. Ни слова более не говоря, он вылил остатки водки в кружку, осушил залпом, закусил корочкой, затем резко встал и вброд подошел к корме лодки. Первое, что он сделал, выбросил на песок непечатую бутылку. Затем, не видя другой возможности остановить изливание беспричинных ругательств, размахнулся и двинул кулаком прямо в сквернословящую пасть Крокодила. Не снес Крокодил дружеского внушения, взмахнул ручонками и опрокинулся через борт в воду. «Вэри гуд!» — восхитились англичане силой русского тычка и простотой нравов. (Должен заметить, что этот способ урегулирования отношений в описываемые годы был популярен не только среди аборигенов Туры. В среде международных политиков бытовало мнение, что сильный русский удар — лучшее лекарство для снятия локальных конфликтов).

Абориген сделал еще шаг в реку, за штаны и тельняшку

выловил, как беспомощного щенка, Крокодила Гену и бросил его на дно лодки. «Вэри гуд, рашен бокс. Нокаут: уван, ту, фри, фо, файв...» — продолжали изливать восторг англичане.

Абориген поднатужился и оттолкнул лодку на быстрину. Течение закрутило «казанку» и унесло ее вместе с художником Крокодилем за поворот. А Абориген подобрал с песка бутылку и вернулся к столу, где его встретили приветственными возгласами.

— Это инспектор рыбоохраны, фишинспектор, — хлопая по плечу Аборигена, пояснил англичанам переводчик. — А тот, в лодке — браконьер. Фишинспектор браконьера маленько поучил, как соблюдать закон.

— Вэри вэл, — одобрили русский способ утверждения законности иностранцы. — Вэри вэлл.

А Джек Мейджер потрогал татуировку Аборигена и поинтересовался: «Моряк?». — «Моряк, — криво усмехнулся Абориген. — Вот только полоски на тельнике не поперечные, а продольные. — И вдруг добавил на чистом английском: — Эксьюз ми. Ай эм сорри».

Андрей и Романов только переглянулись: не прост Абориген.

Между тем обнаружилось, что летний день не бесконечен и пора возвращаться. Место на катере нашлось всем. Внизу в освещенном кубрике Романов и Тучин учили англичан играть в подкидного дурака и весело хохотали. А в затемненной каютерной рубке стояли у штурвала Андрей и Абориген.

— Тебя как кличут, братан? — как бы между делом спросил Андрей.

— Колонтаец, — сухо ответил тот...

Книжный проспект

Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. II/МУ «БИС»; Нижневартовский гос. педагогический ин-т. — Екатеринбург: ФГУИПП «Уральский рабочий», 1999. — 192 с.

Вышел второй выпуск записок нижневартовских краеведов. Событие, бесспорно, нередкое и даже знаковое: большой авторский коллектив, значительный объем: 44 статьи и заметки. В этом отношении сборник можно смело поставить в один ряд с аналогичными изданиями фламанов краеведения Тюменского региона — областного и Сургутского краеведческих музеев.

Подавляющее большинство авторов — ученые, преподаватели, деятели культуры Нижневартовского района, что, безусловно, радует и свидетельствует о немалом творческом потенциале краеведческого движения в регионе. Кроме местных авторов, привлечены и шесть «зарубежных», представляющих Тюмень, Тобольск, Сургут, Францию и Германию. Тон, разумеется, задают профессиональные

исследователи: А.Ю. Конев, Я.Г. Солодкин, К.Н. Парфенова и другие. Качественная планка, поднятая ими на приличествующую высоту, естественно, пока еще непосильна любителям-краеведам и начинающим исследователям. Тем не менее материалы представителей «второго эшелона», в основном, оригинальны и весьма интересны. Особенно подкупают эмоциональность и непосредственность любительских публикаций, где, в отличие от суховатых-строгих научных статей, за каждой строкой и боль, и гордость, и радость открытия.

Материалы, представленные в сборнике, разнообразны по жанрам и тематике, в связи с чем его составители сгруппировали их в семь разделов. В первом, состоящем из одиннадцати статей, выделяются работы А.Ю. Конева, Я.Г. Солодкина, О.П. Цысь и В.И. Сподиной.

Я.Г. Солодкин, проанализировав данные опубликованных источников о сургутских воеводах, порадовал выводом о том, что расхожее мнение о назначениях сибирскими воеводами и головами неугодных властям людей оказалось неверным.

Российская административная политика XIX века в отношении коренного населения Западной Сибири — излюбленный «конек» А.Ю. Конева. В его статье «Исторические управы у ханты Среднего Приобья» содержатся результаты обстоятельного анализа особенностей формирования и функционирования в регионе специфического института — детища «Устава об управлении инородцев» 1822 года. Кстати, с точки зрения создателей Устава, деливших аборигенное население Сибири на три сословно-административных разряда (оседлые, кочевые и бродячие), ко второму можно было бы смело отнести многих современных пенсионеров, проводящих летний сезон на дачах, а зимний — в городских квартирах. Геологи, этнографы и археологи попали бы в разряд бродячих, «переходящих с одного места на другое по рекам и урочищам».

Статья В.И. Сподиной «Определение «своего» пространства в традиционном мировоззрении лесных ненцев» базируется на последних научных разработках темы «Свое» и «чужое» в культурах народов Северной Евразии», а также на авторских полевых материалах, собранных в родовых угодьях лесных ненцев родов Айваседа и Иуси. Выбранная тема тесно связана с проблемами сохранения традиционной культуры и выживания аборигенов в условиях тотального наступления индустриальных монстров, поэтому научность в тексте сочетается с публицистичностью.

К великому сожалению, не обошлось в разделе без «ложки дегтя»: откровенно слабые и «сырые» статьи (записки?) преподавателей НГПИ Д.В. Городенко и В.И. Паук производят удручающее впечатление. Две (!) «статьи» Городенко («Устное народное творчество народов ханты и манси» и «Самобытность традиционной культуры ханты и манси») имеют откровенно вторичный характер и изобилуют фактическими ошибками, несуразностями, стилистическими погрешностями и т.д. Автор слабо владеет предметом, явно незнаком с последними научными разработками по данным темам. Не повезло венгерским и финским ученым-классикам финно-угроведения: А. Каннисто одним движением пера превращен в Кинисто, Б. Мункачи раздвоился на В. Манукачи и Ф. Манукачи, а Й. Фазекаш переименован в Фазекали.

Упомянув среди первых исследователей обско-угорского фольклора С.К. Патканова, Городенко затем почему-то утверждает, что «отечественные ученые начали заниматься исследованием устного народного творчества хантов и манси лишь с начала двадцатых годов нашего столетия». Как известно, Серафим Керопович к этому времени уже умер.

В.Н. Чернецов — автор фундаментальных работ по археологии Урала и Западной Сибири, лично раскопавший целый ряд археологических памятников, у Городенко всего лишь «участвовал в археологических раскопках». Поэма М. Плотникова «Янгал-Маа», написанная по мотивам мансийского эпоса, цитируется как оригинальный фольклорный первоисточник.

Похоже, Городенко изрядно запутался в подобранных конспективных материалах. Поверхностное знакомство с предметом изложения обернулось многочисленными «ляпами». Таежные народы ханты и манси он называет «жителями тундры». Их сказки, по мнению автора, являются «животным эпосом»(!). Ну как тут не вспомнить рассказ гашековского вольноопределяющегося Марска о том, как он, загадочным образом став редактором журнала «Мир животных», намеревался завести в нем новые разделы: «Уголок юмора зверей», «Животные о животных», «Звериная хроника» и «Движение среди скота»!

Трудно объяснить, почему в статье, посвященной устному народному творчеству ханты и манси, Городенко увлеченно рассказывает о традиционных играх и состязаниях. Следуя его логике (?), современных заслуженных мастеров спорта следует записать в классики российской литературы.

Перечень подобных перлов можно продолжать, но печальная картина и без того достаточно очевидна. Достойно сожаления, что редколлегия не сумела по существу оценить сии сомнительные «шедевры» и включила их в сборник.

Грустное настроение навевает заметка В.И. Паук, посвященная результатам летней этнологической и фольклорной практики, которые студенты отделения культурологии Нижневартовского государственного пединститута проходили под ее руководством в поселке Аган. По жанру текст близок к школьным сочинениям на тему «Как я провел лето». Создается впечатление, что автор впервые познакомился с традиционной хантыйской культурой и образом жизни аганцев лишь в поле: настолько поверхностны и наивны записи руководителя практики, почерпнутые, в основном, в этнологическом музее поселка во время «экскурсии(?) о его создании и собранных экспонатах».

Побывав на стойбище В.Т. Айпина, В.И. Паук описывает интерьер некоего «строения»: «Высота этого строения равнялась полутора *метров*, боковые стены — одному метру. Внутри помещения у задней части дома построен небольшой высоты настил, предназначенный для отдыха ночью». Даже начинающему этнографу известно, что «строения» у ханты подразделяются на различные типы

и имеют свои названия, а настил «для отдыха» — не что иное, как нары. Медвежий же праздник у ханты и манси «считается одним из основных» вовсе не потому, что «в этот день запрещено печалиться», а в связи с особым местом медведя в мировоззренческой системе обских угров, его божественным происхождением.

Далеко не безупречны стиль и язык изложения:

— «у озера Окуноее («два метра *по середине*») имеется *«следующий* берег».

— «Вернувшись в поселок, нам представилась возможность»;

— «Теперь нам хотелось бы остановиться на обрядах ханты и манси. *Это действительно так*»(?!).

— «Нам необходимо вернуться к тем духовным и культурным ценностям, которые сохранены в понятии гуманность» (?).

В заключение В.И. Паук утверждает, что цели и задачи этнологической и фольклорной практик были выполнены. Возможно, *«это действительно так»*, но об этом трудно судить, ибо и цели, и задачи (если они были) остались «за кадром».

Весьма познавателен и в научном отношении практически безупречен раздел «Культура, природа, общество», где представлены работы сургутских и нижневартовских ученых и преподавателей. Тематика его

разнообразна: русские топонимы и фамилии как исторические источники (Н.В. Бражникова и К.Н. Парфенова), сибирская частушка (А.М. Кошкарева), побывальщина Тобольского края (С.И. Щербина) и др.

Интересные фольклорные материалы, собранные среди коренного населения Нижневартовского района В.И. и О.Д. Колодкиными, Н.Н. Зинченко, Р. Ермаковой и Л. Айпиной (у последних почему-то не указаны отчества), помещены в разделе «Мифы, легенды, были». Но и здесь не обошлось без странностей: при всем уважении к замечательному ненецкому писателю Ю. Вэлле его стихи никак невозможно отнести ни к мифам, ни к легендам, ни к былям. Более того, стихи представлены лишь на французском (знай наших?!) языке в переводе Евы Тулуз. Название маленькой заметки Тулуз, предворяющей стихи, кстати, переведено неточно: «Ce qu'il faut savoir pour lire les textes de Juri Vella» следует читать как «Что надо знать, чтобы читать тексты Юрия Вэллы» (в сборнике «Что надо знать, читая книги Ю. Вэллы».

Неясно также, почему замечательные загадки с реки Тромган напечатаны в двух вариантах: на русском и немецком (!) языках? Почему обидели тех же французов и англичан с американцами? А где же язык оригинала — хантыйский?

Можно только приветствовать появление раздела «Портреты земляков»: имена и судьбы конкретных обычных людей, творивших историю северного края и страны в целом, до недавнего времени не особенно интересовали исследователей. Статья Т.Н. Плещкой «Помни имя свое» (о сибирском роде Ламбиных) и автобиографическая заметка П.К. Ситникова «Так я видел войну» искренни и трогательны. Интересны и небольшие заметки В.И. Лайтера о Маргарите Кузьминичне Анисимковой и Н.О. Иуси о варьеганском старожиле Григории Казамкине.

Особого разговора заслуживают опусы члена Союза журналистов России и Союза писателей России Н.П. Смирнова. В данном разделе есть «биография от первого лица» «Заслуженный эколог». Примечательно то, что написанное воспринимается как заметки Смирнова о себе, и лишь в самом конце, в небольшой главке «Куда улетают аисты», где повествование ведется уже от второго лица, застываешь в недоумении: о ком же все-таки рассказ? Оказывается, основная часть текста записана со слов его героя, Николая Яковлевича Крупинына — личности, безусловно, незаурядной, человека, который многие годы посвятил борьбе за сохранение природы Среднего Приобья! Небрежность в подаче материала можно было бы объяснить как досадное не-

доразумение, случайность. Однако другая его заметка Смирнова «Драма Самоглора», помещенная в следующем разделе «Юбилеи», убеждает в том, что мы имеем дело с проявлением характерных черт «фирменного» авторского стиля. Отрывки фраз, зачастую несвязных, невразумительных, слепленных на скорую руку, напоминают газетные лозунги, приветственные телеграммы и победные рапорты семидесятых. Собственно, проблема Самоглора так и осталась не сформулирована, ничего не сказано и о путях ее решения.

К «вечной» проблеме происхождения Ермака обратился Я.Г. Солодкин. Ничего принципиально нового к сказанному предшественниками ему добавить не удалось. Очень жаль, что Солодкину неизвестна блестящая статья нашего земляка Е.В. Кузнецова, вышедшая в 1891 году и перепечатанная, ввиду раритетности издания, во втором номере «Лукича» за 1998 год, а затем и в книге «Сибирский летописец» (1999). Иначе не стал бы Я.Г. Солодкин *«изобретать велосипед»*, тем более что *«прототип»* выглядит предпочтительнее.

Из других материалов раздела «Юбилеи» вызывают интерес работы О.П. Цысь («Из истории религиозно-нравственного просвещения Тобольской епархии в конце XIX—начале XX вв.») и В.В. Цыся («Организация военной и гражданс-

кой власти участниками Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.»).

Небезынтересны архивные документы по истории Среднего Приобья 30-х годов XX века, подготовленные к печати нижевартовскими краеведами (раздел «Материалы из истории края»). Они характеризуют состояние лесных и земельных ресурсов края. План села Нижневартовское восстановлен по подворному списку, составленному около 1940 года местными жителями Степаном и Геннадием Ламбинными (план помещен почему-то в отрыве от списка, в конце сборника).

В целом сборник, с учетом молодости «Записок», заслуживает одобрения. Критический разбор работ ряда авторов сле-

лан мною для того, чтобы обратить внимание (в первую очередь членов редколлегии) на необходимость более строгого отношения к материалам при формировании следующего выпуска. Необходимо осуществлять отбор работ, действительно заслуживающих публикации. Начинающие исследователи явно нуждаются в помощи опытных членов редколлегии. А пока мы имеем то, что имеем: в сборник попало несколько «статей» недопустимо низкого качества; налицо разнородность и небрежность в оформлении научно-справочного аппарата (кто во что горазд), у ряда авторов — сложные отношения с русским языком (корректоры, видимо, решили отдохнуть на этом сборнике).

Наталья Алексеевна Балюк окончила исторический факультет Тобольского пединститута. Кандидат исторических наук. Автор книг «Родословие — от земли» (1992) и «Тобольская деревня в XVI—XIX вв.» (1998). В настоящее время работает старшим научным сотрудником НИИ истории науки и техники Зауралья.

Круг интересов: социально-экономическое развитие западносибирской деревни; история Западной Сибири; краеведение; музейная педагогика. В журнале «Лукич» публикуется впервые.

***История Сибири
по документам фонда
Сибирского приказа
Российского Государственного
архива древних актов***

В фонде Сибирского приказа, уникальном собрании документов, содержатся богатые сведения по истории Сибири с 1592-го по 1768 гг. Первое, и до настоящего времени пока единственное, описание столбцов и книг Сибирского приказа было составлено Н.Н. Оглоблиным в конце XIX века.

Фонд включает документы воеводского и таможенного управлений, материалы местного и центрального делопроизводства, управления Сибирского приказа. Особую ценность для исследователя имеют писцовые, дозорные, межевые, ясачные, окладные, переписные и подворные книги, списки перечневые городов, острогов и слобод, позволяющие воссоздать реальные картины минувших событий, процесс закрепления и освоения новых территорий, историю населенных пунктов, родословную сибирских старожилов.

Заселение южной лесостепной зоны Тобольского края в XVII—XVIII вв. (по материалам Сибирского приказа)

После «сибирского взятия» закрепление новых территорий на востоке шло путем строительства крепостных сооружений, острогов и оборонительных линий. Утвердившись в бассейне Иртыша, русские двинулись занимать лежавшие к югу и востоку от него плодородные степи. Однако следование в южном направлении было сопряжено с большими трудностями, так как приходилось бороться с воинственными кочевниками: ногайцами, тата-

рами и калмыками. Лишь после постройки цепи острогов: Ялutorовского, Тебендинского, Ишимского и Тарханского — напряженность здесь удалось устранить. Русская колонизация к этому времени достигла былых границ Сибирского ханства. Но продвижение в глубь степи не остановилось. В 50 верстах ниже впадения р. Оми в Иртыш была построена слобода Чернолуцкая. Данный укрепленный пункт находился на рубеже двух степей — Киргизской и Барабинской, принадлежащих царству Джунгарскому, которое не было заинтересовано в расширении русской государственности. Передовые оборонительные селения стали объектом интенсивных нападков кочевников. Это обстоятельство заставило правительство значительно укрепить южные рубежи своих владений первой пограничной линией. Она пролегла от вышеназванной слободы Чернолуцкой через остроги Ишимский, Тебендинский, Коурдакский, Вагайский, Тарханский, Аджакский; форпосты — Верхнеутянский, Чернавский, Лебяжий и, наконец, примыкала к укреплениям Оренбургской линии. Линия получила название Ишимской. Ее протяженность составила 985 верст. Вторая оборонительная линия — Иртышская — продвинулась еще южнее. Мысль распространить границу в этом направлении принадлежит сибирскому губернатору М.П. Гагарину. Его проект усматривал не только добычу золота в Восточном Туркестане. Закрепление плодородных земель на юге необходимо было для создания главной житницы Сибири.

Иртышская линия, составившая официальные границы России в Казахской степи, давала возможность оградить молодые колонии от джунгарской экспансии.

Однако угроза постоянных нападений сдерживала массовый поток крестьян-переселенцев, желающих осесть в этих местах. Поэтому на раннем этапе земледельческим освоением «вынужденно» занимались служилые люди — пешие и конные казаки, стрельцы.

В связи с указом тобольского воеводы Юрия Сулешова — с 1624 года «служить с пашни» — казаки начинают разрабатывать при острогах участки для выращивания «положенного в оклад хлебного жалованья». Естественно, это были крайние меры, вызванные последствиями Смутного времени. Но так как хлебные запасы в Сибирь извне почти не поставлялись, а коренное население хлеб не выращивало, во избежание голода казакам приходилось совмещать военную службу с хлебопашеством.

Как видим, служилая пашня стала своего рода предтечей становления южного хлебопроизводящего района, который сложился на землях Верхотурско-Тобольского разряда (ныне южная сельс-

кохозяйственная зона Тюменской области). Впоследствии в эти места проникают предприимчивые слободчики «для приискывания угодных земель и посадки крестьян на государевы пашни». При острогах формируются земледельческие слободы.

В начале XVIII века наблюдается активное переселение в южные районы крестьян из северных и центральных уездов России. Здесь формируется развитая сеть земледельческих поселений. Остроги утрачивают свои оборонительные функции. Одновременно усиливается социальный статус слобод, которые в источниках второй половины XVIII века трактуются уже как земледельческие поселения и административные центры для близлежащих деревень «слободского присуда». Рассматривая особенности слободских поселений, отметим, что в некоторых уездах по указу местной администрации создавались промысловые слободы. Например, в слободах «кречатьего промыслу» занимались отловом и воспитанием ловчей птицы — соколов — для «царской теши».

До 1782 года практически все слободы, расположенные по южной оборонительной линии от Тобольска до Миаса к югу, до Ишима к востоку, до верховьев Туры и Пышмы к западу, были приписаны к столичному Тобольскому уезду и полностью подчинялись Тобольску в силу его военно-административного статуса. Наиболее полные сведения об острогах и слободах Тобольского уезда содержит «Список перечневый острогов и слобод», составленный С.У. Ремезовым в 1707 году. Орфография источника сохранена.

Список перечневый острогов и слобод 1707 г. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1473. Л. 14 об.—46 об.)

Да Тобольского уезду острогов и слобод 50. В тех острогах и слободах 1000 человек, полковников 2 человека, 1 человек майор, 31 человек приказчиков.

Слобода Нижняя Ницинская

В той слободе острог. Построен мерою тово острогу 283 сажени. В том остроге башня стоит на трех сажнях с аршином. В том остроге государевы житницы. // Л. 14—15 об.

Слобода Верхняя Ницинская

В слободе два острога большой мерою 298 сажень. Малый острог 106 сажень. // Л. 15 об. Три башни четверугольные по полу три сажени вышиною по пять сажень. Малом остроге во-

семь государевых житниц. Судная изба за ней погреб прика-
щий двор.

От Никольской башни с крепости до Никольской башни ров
глубиною сажень, ширина две сажени от острогу две сажени подле
рву надолбы. От надолб рогатки на двух саженьях а з западную
сторону баярак. // Л. 16.

На Никольской башне пищаль затинная весом 38 фунтов к
ней четыре ядра железных весом пол фунта три пищали ручные
пуд восемь фунтов пороху пищального же. // Л. 16.

Слобода Чубаровская

В слободе два острога большой да малой стоячие мерою 436
сажень без аршина в том числе четыре башни да колокольня а с
крепостию около острогу ров и поделаны надолбы и рогатки. В
том остроге пищаль затинная весом пуд два фунта мерою два
аршина два вершка 15 мушкетов к стрельбе не годны четыре
пуда 38 фунтов пороху пушечного 22 фунта с фунтом в кулях
свинцу. // Л. 16 об.

Слобода Киргинская

В слободе острог рубленой лежачей с обламы вышина две
сажени с четью покрыт драницами и с потолка и тот острог во
многих местах кровля погнила и обвалилась. Мерою тово ост-
рогу 15 сажень а от тово подле Ницу реки острог лежачей руб-
леный мерою 170 сажень в том числе башня проезжая четве-
роугольная на трех саженьях вышиною до обламу четыре саже-
ни. В том остроге малой острог лежачей мерою 82 сажени в
том числе башня проезжая четвероугольная на трех саженьях
вышина до обламу четыре сажени. В стене малово острогу двое
ворота на двух саженьях крепостей около большого острогу с
приступною сторону надолбы да рогатки ( ) да ров на пяти
саженьях. // Л. 17.

Слобода Новопышминская

В слободе острог лежачий рубленой (...) крыт драницами
мерою тот острог 167 сажений в том числе пять башен да ка-
литка на 15 саженьях. В остроге два анбара один пороховой —
зелейный а другой с перерубом простой строен для хлебных
запасов. // Л. 18.

Слобода Белоярская

В слободе острог рубленый а пушек и мелково ружья и поро-
ху и свинцу нет. // Л. 18 об.

Слобода Туринская

Острог стоячей мерою 120 сажень в том числе башня проезжая на ней колокольня с крепостей. Кругом тово острога надолбы и рогатки мерою 140 сажень. 4 человека беломестных казаков. // Л. 18 об.

Слобода Благовещенская

В слободе острог стоячий рубленый мерою 114 сажень в том числе башня проезжая на трех саженьях около того острогу крепостей никаких нет. В той слободе 23 мушкета. // Л. 19.

Слобода Рудная

На речках Боровой, Вязовка, Малая Бобровка, Соколова. В слободе острог стоячий без обламу мерою 180 сажень в том числе башня в слободе острог стоячий без обламу мерой в 180 сажень в т.ч. башня проезжая на четырех саженьях а надолбы и рогаток и рву около тово острогу нет. // Л. 19.

Слобода Ялуторовская

В слободе острог стоячий на иглах вышина две сажени мерою 243 сажени в том числе проезжие четверугольные мерою по () саженей. В башнях зделаны чердаки для караулу в степь от приходу воровских воинских людей () проходная калитка на 11 аршинах около острогу с двух сторон кругом рогатки на вертлюгах мерою на 320 сажень а с двух сторон увал () и с двух сторон заплот в столбах мерою 714 сажень вышина сажень с аршином. // Л. 19 об. В том числе башни проезжие четверугольные по три сажени на трех башнях сделаны чердаки для караулу в степь от приходу воровских воинских людей да с двух сторон позади заплот и башен ров глубиною с сажень с аршином. Позади рва рогатки на вертлюгах мерою 414 сажень да с двух сторон Тобол река до озера исток Тобол река. // Л. 20.

Слобода Архангельская

В слободе острог рубленый в столбах на земляном валу а вышина вала и с острогом две сажени мерою 220 сажень в том числе две башни проезжие. // Л. 20 об. Одна на трех саженьях вышиною 3 сажени с полусаженью другая башня в тож число. Около тово острогу крепостей ров надолбы и рогатки мерою 280 сажень. // 21 л.

Слобода Краснотуринская

В слободе острог рубленый крыт драницами мерою в 170 сажень на трех саженьях около того острогу надолбы да ров копан в остроге три анбара. // Л. 21.

Слобода Иковская

На речке Утыка.

Острог рубленый лежачий мерою 240 сажень в том числе две башни проезжие на шести сажнях. Крепостей около тово острогу рогатки надолбы на 220 сажнях. Да около посаду вместо острогу заплот в столбах с бойницами в том заплоте башня проезжая на трех сажнях. А около острогу ров в ширину 10 в глубину по полу двух сажней. А во рву с острожной стене вал вышиною в сажень ширина пол два сажену. Да около посаду и заплоту выкопан ров и поставлены рогатки и надолбы мерою по рву 501 сажень. // Л. 22.

Слобода Терсяцкая

В слободе острог стоячий крыт драницами мерою тово острогу 169 сажень в том числе две башни проезжие четверугольные с двух сторон копан ров с тресью сторону протока а с четвертую сторону озеро. По за рву надолбы и рогатки на вертлюгах. Кругом посаду ограда в столбах лежачая мерою 36 сажень. // Л. 23 об.

Слобода Мехонская

В слободе острог стоячий вышина две сажени мерою того острогу 156 сажень около того острогу надолбы мерою 163 сажени в том числе две башни проезжие четверугольные по три сажени а на тех башнях зделаны чердаки для караулу от приходу воровских воинских людей. В остроге шесть деревянных житниц зеленый погреб. // Л. 24 об. Да около посаду заплот в столбах мерою 176 сажень в том числе две башни проезжие четверугольные мерою по три сажени на трех башнях чердаки для караулу. И кругом острогу надолбы мерою 176 сажень сверху сторону от протоки до реки Кызылбаевки ров глубиною по две сажени ширина две сажени да надолбы и рогатки на вертлюгах 156 сажней. // Л. 25.

Слобода Миасская

В слободе острог рубленной мерою 112 сажень в том числе башня проезжая четверугольная на трех сажнях. Судная изба на пяти сажнях да две калитки на шести сажнях. А крепостей около тово острогу ров копан сажень от острогу надолбы на двух сажнях ото рву рогатки вышина того острогу под две сажени. Острог стоит над озером. // Л. 25 об.

Слобода Окуневская

В слободе острог рубленой мерою 110 сажень в том числе в стене церковь на 15 сажнях две башни четверугольные на пяти

саженях с двумя вершки вышина острогу пять аршин тайник выведен к озеру а с трех сторон того острогу ров за рвом надолбы и рогатки а с четвертую сторону от стены острога озеро в пяти саженях. // Л. 26.

Слобода Маслянская

В слободе острог рубленной крыт драницами мерою того острога 173 сажени в том числе три башни на 9 саженях на воротах караульная наверху чердак для караулу от приходу воровских воинских людей а около того острогу ров от озера Глухова глубиною пол две сажени ширина две сажени около рва надолбы. // Л. 26 об. И рогатки на вертлюгах мерою 154 же сажений. Да в остроге ж под проезжими башнями пушка железная чугунная одна мера и два аршина пол два вершка весом 17 пуд с четью к ней пять ядер. // Л. 27.

Слобода Барневская

В слободе острог рубленный лежачий мерою того острогу 137 сажень в том числе башня проезжая четверугольная на трех саженях. По за острогу с трех сторон ров с четвертую сторону Исеть река. За рвом надолбы и рогатки на верлюгах а другие надолбы кругом посаду на 100 саженях. // Л. 27 об.

Слобода Шадринская

В той слободе острог рубленный и покрыт драницей мерою 207 сажень с аршином в том числе две башни проезжие четверугольные одна на четырех саженях вышина шесть сажень с четью. Вторая на трех саженях вышина 3 сажени с полуаршином. Кругом острогу от реки Исети копан ров и построены надолбы и рогатки мерою рву и рогатки 124 сажени с аршином и надолбы 170 сажень. В остроге 6 анбаров в тех анбарах государевы хлебные запасы на проезжей башне пушка железная чугунная трехфунтовая. // Л. 28 об.

Слобода Красномысская

В слободе острог рубленный лежачий с трех сторон с четвертую сторону от Исети реки забран заплот мерою того острогу 109 сажень в том числе две башни на шести саженях да приказная изба на трех саженях. За острогом с двух сторон с третью сторону увал с четвертую сторону Исеть река по зо рву надолбы и рогатки на вертлюгах а з другие надолбы кругом всего посаду. // Л. 29 об.

Катайский острог

А тот острог рубленой 206 сажень два аршина в том числе три башни проезжие на девяти саженях вышина башням шесть

сажень. Острожных крепостей ров надолбы кругом всего посаду мерою надолбы ж мерою 540 сажень. // Л. 30.

Слобода Колгаданский острог

В слободе острог рубленый лежачий крытый драницами стоит над рекою Исетью мерою 163 сажени в том числе башня проезжая четверугольная на трех сажнях высота той башни пять сажень с облами на той башне чердак для караулу в степь от приходу воровских воинских людей две башни глухие по две сажени с полу — саженью, две башни глухие по две сажени с четью а ширина высота тем башням по две сажени с полусаженью, две клитки по два аршина из острогу тайник а колодцу для воды кругом того острогу ров глубиною сажень ширина две сажени от острогу две сажени за рвом надолбы и рогатки на вертлюгах. // Л. 31.

Слобода Арамеевская

В той слободе острог рубленой лежачий высота пять аршин. Крыт драницами. // Л. 31 об. Мерою того острога 155 сажень с аршином в том числе две башни на шести сажнях. Около острога крепостей ров длиною 57 сажень шириною две сажени в глубину сажень ото рву надолбы кругом рогатки от Исети реки к речке Арамейки с приступную сторону всего рву и валу и надолб 100 сажень. Около посаду две надолбы по другую сторону от Арамейки реки надолбы. // Л. 32.

Слобода Беляковская

В слободе острог стоячий мерою 124 сажени в том числе две башни. // Л. 32 об. Проезжая судная изба четыре быка выводных на трех сажнях на двух вершках. В остроге шесть государевых житниц зелейный погреб. // Л. 33.

Слобода Усецкая

В слободе острог мерою 65 сажень в том числе башня две калитки судная изба. В остроге три анбара кругом острогу надолбы. А пушек и мелкого ружья и пороху и свинцу и иных всяких припасов в нем. // Л. 33 об.

Слобода Буткинская

В слободе острог рублен в остроге башня проезжая крыта тесом мерою того острогу от прежней башни вверх до первого угла пол две сажени а от того угла до проезжих ворот две сажени с аршином а от того угла до тое ж проезжие башни 12 сажень а та башня стоит на двух сажнях на полу два вершках. // Л. 33 об.

Слобода Куярская

В слободе острог стоячий мерою кругом 138 сажень и стоит над рекою Пышмою вышина две сажени без полуаршина в стене у того острога башня проезжая на две сажени в стене церковь Живоначальной троицы да судная изба. Кругом острогу ров и надолбы и рогатки двойные. В остроге три государевы житницы. // Л. 34.

Слобода Юрмыцкая

В слободе острог лежащий забран в заплот мерою 60 сажень вышина сажень с аршином а крепостей около того острогу никаких нет в острожной стене судная изба на двух сажених ворота простые на полу двух сажених и острог стоит над рекой Юрмыге. А ружья и пороху и свинцу в той слободе нет и присылки ж из Тобольска не бывало. // Л. 34 об.

Слобода Калиновская

В слободе острог мерою 162 сажени в том числе две башни проезжие с ворота, третья глухая две калитки с ворота вышина острогу пять аршин острог крыт драницами. Крепости около того острогу ров глубиною сажень кругом рва надолбы и рогатки. // Л. 35 об.

Слобода Суерская

В слободе острог крыт драницами мерою того острогу подле Тобол реку 204 сажени в том числе четыре башни да ворота и калитка на 13 сажених с полусаженью. А около того острогу крепостей с Тобол реки и до озера построен ров глубиною с сажень шириною тож а подле рва надолбы и рогатки. // Л. 35 об.

Слобода Усть-Суерская

В слободе острог рубленный погородовому мерою 66 сажень в том числе две башни четверугольные по три сажени в круг острогу ров по зо рву надолбы в столбах на вертлюгах. // Л. 36.

Слобода Иковская

В той слободе острог лежащий забран в заплот мерою 104 (сажени) вышина пол две сажени в том числе башня проезжая четыреугольная вышина башни пол шести сажени кругом острогу надолбы двойные. // Л. 37.

Слобода Белозерская

В той слободе острог рубленый лежащий мерою 97 сажень в том числе башня рублена на трех сажених. Крепостей около того острогу надолбы и рогатки. // Л. 38.

Слобода Царево городище

В слободе острог рубленой лежащий мерою 15 сажень в том числе две башни проезжие на шести саженьях два выхода земляные на Тобол реку на озеро мерою по 30 сажень. Около того острогу и посаду от озера до горы рву мерою 305 сажень глубиною рву две сажени ширины тож. Около подгородного посада от Тобола и до озера надолбы 13 сажень. // Л. 38. () знамя камчатое белое и два барабана пушки самопалы. // Л. 38 об.

Слобода Багаряцкая

В той слободе острог лежащий ребленный валом 134 сажень в том числе башня проезжая на трех саженьях. Вышина той башни пять саженьей обломов два аршина (ряжу) две сажени на той башне чердак для караулу в степь от приходу воровских воинских людей. В той стене калитка на полудвух саженьях на четырех углах четыре быка выводных по восемь аршин бык. Около острогу крепостей ров надолбы рогатки четвертую сторону река Багаряк. // Л. 39.

Слобода Крутихинская

В слободе острогу и острожных крепостей рву надолб и рогаток нет а пушек и мелково ружья пороху и свинцу присылки из Тобольску не бывало.

Слобода Емурглинская

В слободе острог рубленный лежащий в трех стенах мерою в 67 сажень с полусаженью в том числе башня с вороты. Около тово острогу от острожной стены две сажени с аршином глубина два аршина с полуаршином ширина — сажень. Кругом острога надолбы с рогатками. // Л. 40.

Слобода Красногорская

В слободе острог лежащий рубленный в столбах мерою тово острогу 132 сажени. В том числе две башни проезжие на двух саженьях две башни проезжие на пяти саженьях на двух аршинах кругом того острогу ров от курьи до Тобола реки надолбы рогаток и рву 147 сажень. Да от той же курьи по за надолб и рогаток другой ров с надолбы ж и рогатки. // Л. 40 об. Ширина и глубина рву по четыре аршина длина надолб и рогаток 170 сажень. // Л. 41.

Слобода Песчанская

В слободе острог лежащий забран в заплот мерою в 60 сажень в том числе башня под нею судная изба. Кругом надолбы во рву чes() бит деревян. // Л. 41 об.

Слобода Тебеньцкая

В слободе острог лежащий в столбах мерою 80 сажень за острогом ров от реки Тебеньку на низу длиною 80 сажень ров глубины сажень шириною пол две сажени. Кругом надолбы и рогатки. А пушек и пищали и пороху и свинцу нет и присылки из Тобольска не бывало. // Л. 42.

Слобода Чумляцкая

В слободе острог рубленой мерою 76 сажень да башня на трех саженьях с аршином кругом острога надолбы и рогатки. // Л. 42 об.

Слобода Орлово городище

Острог рубленый мерой 100 сажень. // Л. 42 об. В том числе башня проезжая да судная изба на четырех саженьях. Около острогу крепостей ров глубиною в сажень надолбы в столбах от Ишима реки до озера мерою 27 сажень. В острожной стене зеленой погреб на двух саженьях крыт драицами. // Л. 43.

Слобода Коркина

Стоит над рекою Ишимом. В слободе острог рубленой мерою того острогу 128 сажень в том числе башня проезжая до ворот створные. Крепостей от Ишима реки заплот в столбах мерою 160 сажень. У острога и заплота надолбы и рогатки в столбах на вертикалях мерою 190 сажень. // Л. 43 об. В остроге анбар зеленой. В том анбаре три пуда с четью пороху пушечного. // Л. 43 об.

Слобода Абацкая

В слободе острог в заплот на 80 саженьях. Около острогу надолбы в том числе башня проезжая. // Л. 44.

Слобода Адбашский острог

Стоячий мерою 117 сажень в том числе три башни по три сажени да калитка в той же стене церковь построена на 10 саженьях. Позади острога с трех сторон ров шириною три сажени позади рву надолбы и рогатки с четвертую сторону речка Черная. Мерою кругом всего острогу по до рву и надолб и рогаток 166 сажень. // Л. 44 об.

Слобода Куларовская

В той слободе острогу никаких крепостей нет и пушек и мелкого ружья и пороху и свинцу в присылке ис Тобольска небывало. // Л. 45.

Слобода Ашлыкская

В слободе острог стоячий мерою в 35 сажень. Около того острогу в трех сажнях надолбы в острожной стене башня проезжая вышина пять сажень судная изба да калитка в остроге три анбара с хлебными запасы. Снаряду три карабина четыре фунта свинцу. // Л. 45 об.

Слобода Ольховская

В той слободе острогу и никаких крепостей нет и пушек и мелково ружья и пороху и свинцу ис Тобольска присылки не бывало. // Л. 45 об.

Слобода Салтысарайская

В той слободе острогу и никаких крепостей и пушек и мелко-го ружья и пороху и свинцу ис Тобольска не бывало. // Л. 45 об.

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. Постоянный автор журнала «Луки».

Первая тюменская газета, или Один год из жизни города

Самые ранние, дошедшие до нашего времени и датированные 1621 годом, рукописные газеты «Вестовые письма», появившиеся при дворе русских царей, полностью состояли только из международных известий и предназначались для царя и немногих государственных деятелей.

Первая периодическая российская газета «Ведомости о военных и новых делах, достойных знания и памяти» стала издаваться в Москве с декабря 1702 года. Только с выпуском «Ведомостей» газеты стали органом общественного воздействия, или, говоря современным языком, средствами массовой информации.

Первоначально русская периодика принадлежала казне. История частной периодической печати в России началась в XVIII в. с издания ежемесячника «Трудолюбивая пчела» Сумарокова. Всего же в России в провинциаль-

ных городах за период до 1894 года было 83 частных периодических издания¹. И

одно из них — тюменская газета «Сибирский листок объявлений».

«Мы настолько привыкли к газетам, что перестали воспринимать их как ежедневное чудо», — сказал когда-то Карел Чапек. Действительно, как к чуду можно относиться к «Сибирскому листку объявлений», первой частной и вообще первой газете, выходившей в Тюмени только в течение одного 1879 года. Издавал ее Константин Николаевич Высоцкий.

Газета была еженедельной и выходила по пятницам, была она небольшого формата на четырех страницах. К моменту издания газеты у Высоцкого был

¹ Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991.

10-летний опыт печатного дела, и, как констатировалось на выставке в Тюмени в 1871 году, издания, выпущенные его типографией, отличались «разнообразием шрифтов и некоторою шеголеватостью»². «Сибирский листок объявлений» в этом отношении не стал исключением. Первый номер газеты датирован 5 января 1879 года, последний — 28 декабря этого же года. Всего вышло в свет 52 номера³.

Подписная цена газеты вместе с доставкой и пересылкой составляла 2 рубля в год. Если сравнить с «Тобольскими губернскими ведомостями», выходящими с такой же периодичностью, то «Сибирский листок объявлений» был в 2 раза дешевле. Отдельный номер «Т. Г. В.» в 1879 году стоил 20 копеек, годовая подписка без пересылки стоила 4 рубля да пересылка 60 копеек.

«Сибирский листок» содержал четыре отдела: первый — общекалендарные сведения; второй — отдел термометрических и барометрических наблюдений; третий — ярмарки и торжки; четвертый — местные цены. Кроме этого, в газете помещались объявления.

Представьте на минуту, что вам в руки случайно попала га-

зета 10-летней давности, наверняка, она вызвала бы у вас интерес, ведь многое уже забылось.

В этом плане «Сибирский листок объявлений», которому больше 120 лет, как источник информации просто бесценен. Тем более, как писал уже в 1897 году тюменский издатель «Сибирской торговой газеты» А. А. Крылов «к сожалению, мы ни в Тобольске, ни здесь, ни даже в публичной библиотеке, не могли достать полного экземпляра этого «Листка»⁴. Но мне повезло, современный издатель в поисках старой газеты был настойчивее и удачливее А. А. Крылова, в итоге — эта небольшая стопка газет передо мной.

Раз уж удалось отыскать полный комплект «Сибирского листка объявлений», то сам бог велел использовать газету как источник информации, ведь материал на ее страницах — отражение, хотя, конечно, и неполное, жизни нашего города за один, 1879 год. Редакционные заметки, объявления официальные и частные, сведения о погоде и цены на основные товары, статьи корреспондентов и письма читателей помогут нам чуть больше узнать и понять жизнь наших предков.

² Описание публичной выставки, бывшей в городе Тюмени в 1871 году. Омск. Типография Сунгуровой. 1872.

³ А. А. Крылов в «Сибирской торговой газете» (1897. №1. 9 июл.) писал, что «Сибирский листок объявлений» выходил больше года. Эта неточность объясняется, видимо, тем, что Крылов не видел полного комплекта газеты.

⁴ Сибирская торговая газета. 1897. №1. 9 июл.

Первый отдел в газете включал календарь на неделю и месяцеслов, т. е. православный календарь. Второй отдел — сведения о погоде в Тюмени.

В первом номере газеты отдел метеорологических наблюдений имел лишь редакционное объявление: «Материалов, более или менее серьезных, о состоянии погоды в разных местах Сибири редакция еще не имеет и покорнейше просит желающих принять на себя труд доставлять таковые, войдя с редакцией в соглашение о вознаграждении. Редакция надеется, что отдел термометрических и барометрических наблюдений со временем примет серьезный характер». Была выказана необходимость в систематизации сведений о погоде и резонно полагалось, что

«они сделаются насколько-нибудь ценны лишь тогда, когда соберутся материалы».

Уже со второго номера газеты отдел этот начал свою работу. Конечно, сегодня такие метеорологические наблюдения, с научной точки зрения, кажутся не очень серьезными и какими-то трогательно-наивными.

В том году в Тюмени «почти всю зиму погода была теплая и мягкая. С 9 ч. вечера в пятницу, 5 января, стало холоднее, и в субботу был мороз в 30 градусов⁵, первый в зиму».

Чего стоят такие описания погоды в январе:

«7 — мороз во весь день до 34 градусов, лишь к вечеру сноснее. Воздух разрежен так, что захватывает дыхание. Ветру нет.

⁵ В то время пользовались термометрической шкалой Реомюра. Один градус по шкале Реомюра равен 1,25 градуса по шкале Цельсия.

сибирскій ЛИСТОКЪ объявленій

будеть выходить съ Января 1879 года

РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ, ПО ПЯТНИЦАМЪ.

ПРОГРАММА:

1. Общекалендарныя свѣдѣнія.
2. О состояніи погоды въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Термометрическія и барометрическія наблюденія.
3. Свѣдѣнія о ярмаркахъ въ окрестностяхъ Тюмени.
4. Торгово-справочныя цѣны на товары, мѣстныя произведенія и продукты.
5. ОБЪЯВЛЕНІА.

М.В. Объявленій всевозможныхъ видовъ будутъ печататься по опредѣленной такѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДЪ, ИЛИ 52 НОМЕРА, 2 Р.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕБОЛТКОЙ.

Подписка принимается: въ Типографіи, на Б. Городищѣ; въ Переплетной, домъ Колесникова, въ Тюмени.

Издатель Н. В. С о ц к і й.

Объявление из «Тобольских губернских ведомостей»

8 — мороз 30 градусов и сильный ветер.

9 и 10 — погода смягчилась. Морозу 18—20 градусов»⁶.

«По начавшимся около крещения морозам можно было ожидать, что начинается суровая зима. Но в следующую же неделю термометр начал подниматься, стало теплее, хотя ветрено».

В феврале температура воздуха изменялась в широких пределах от -1 до -24 градусов. 3 числа «весь день ветер и снег. 4 ч. тож. 5 ч. к вечеру выяснило. 6 ч. до обеда туманно и валился куржак».

В шестом номере газеты от 9 февраля интересный метеорологический комментарий: «Выглядывающая нынешней масленницей на улицу, невольно приходит на мысль различие теперешней зимы от прошлогодней. И правда, вспомнишь прошлогоднюю масленницу, — еще с первых дней снегу почти не было, а в последние — охочие люди катались по грязи; было тепло. Ныне же по некоторым улицам почти нет проезда по причине огромных сугробов, погода, хотя почти теплая, но ветреная»⁷.

Весна началась со снегопадов: с 1 по 9 марта каждый день шел снег при температуре от 1 до 12 градусов мороза. К концу месяца столбик термометра стал держаться выше нуля. С 26 мар-

та температура составляла не ниже 5 градусов тепла, а 29 марта достигла 9 градусов.

Апрель был еще теплее. С 6 по 12 число максимальная температура воздуха достигала 13 градусов тепла, а в следующую неделю, с 13 по 18 число, температура достигала 20 градусов тепла, через день шли дожди. 28 апреля столбик термометра достиг отметки 24 градуса тепла.

Первые десять дней мая простояли теплые, без осадков, воздух прогревался до 22 градусов, но в середине месяца похолодало, и два дня шел снег. К концу месяца потеплело, хотя и часто шли дожди.

Лето началось с дождей, которые шли через день, погода стояла пасмурная и не очень теплая — 10—12 градусов. В июне, за редким исключением, очень часто шли дожди.

В июле только первая и последняя недели прошли без дождей. Максимальные температуры воздуха летом поднимались до отметки 24—25 градусов, в переводе 30—31 градус, да и то такая температура стояла только четыре дня за все лето.

Август попрохладнее июля, максимальная температура не превышает 18 градусов по шкале Реомюра, т. е. 22 градуса по шкале Цельсия.

Сентябрь — сухой и прохладный, за весь месяц прошел только один дождь.

⁶ Сибирский листок объявлений. 1879. №2. 12 янв.

⁷ Сибирский листок объявлений. 1879. №6. 9 фев.

В октябре — сухо, лишь 7 числа выпал первый снег, 21 числа выпал снег и температура установилась ниже нуля. Ноябрь стоял снежный и холодный, к середине месяца морозы достигли 17—19 градусов. Резкие ноябрьские перепады температур: 21-го — минус 22 градуса, снег; а на следующий день плюс 3 градуса — сильно таяло.

Декабрь сохранил ноябрьские перепады температуры от минус 3 до минус 24 градусов.

Вот такой была погода в течение 1879 года в нашем городе, не очень-то она отличается от погоды современной — капризной и очень непредсказуемой.

Третий отдел в газете — «Ярмарки и торжки», позже отдел имел название «Торговые сведения», был призван дать тюменцам представление о товарах и ценах на них на основных российских ярмарках (Нижегородской и Ирбитской), а также о положении дел на более мелких ярмарках и даже сельских торжках. Скорее всего, информация в этом отделе газеты была интересна людям торговым.

Статья московского корреспондента «Сибирского листка объявлений», по всей видимости, Н. Чукмалдина, давала читателю возможность составить представление о торговых оборотах Москвы того времени в сравнении с Тюменью.

«Идет Москвою вновь приезжий Тюмонец и удивляется обширности дома г. Пороховщикова, что на Тверской улице. Ему замечают, что этот дом стоит дороже всех 2400 домов в Тюмени. В первый момент со стороны Тюменца выражается решительное недоверие, невозможность такого казуса. Ему доказывают цифрами. По оценке, все 2400 домов в Тюмени стоят 800 т. руб., а один дом Пороховщикова стоит 900 т. рублей. И это еще не самый большой и не самый ценный дом. Есть дома, как например на Неглинной Якунчикова, 2 миллиона, на Никольской Чижова и Третьякова по 1³/₄ миллиона рублей. Удивляющийся поражен и молча соглашается с цифрами. Его удивляют дальше. В Тюмени квадратная сажень земли, в среднем выводе, по цене равна около 25 коп.; а в Москве квадрат. сажень равна 50 рублей!

В Тюмени весь гостинный двор продает в течении целого года товаров на 500 т. р., а здесь одна лавка какого-нибудь Титова или Митрофанова, равная по внешности с лавкою г. Абрамова, продает одного суконного товара на 1¹/₂ или 2 миллиона руб.»⁸.

Можно себе представить, как был поражен приведенными сравнениями тюменский обыватель, прочитав эту заметку.

⁸ Большие цитаты в статье приводятся, во-первых, потому, что не каждому доступен «Сибирский листок объявлений» вследствие его редкости, и, во-вторых, для того, чтобы читатель мог полнее почувствовать то время.

В каждом номере газеты публиковались цены на основные продукты в Тюмени в 1879 году, отдел так и назывался «Местные цены».

Рожь от 39 до 41 коп. за пуд;
Мука: ржаная от 43 до 45 коп., пшеничная — 52 до 65 коп. за пуд;

Крупы: просовая: Бийская от 55 до 65 коп.,
Курганская — 80-90 коп.,
гречневая — 60 до 65 коп. за пуд;

Соль от 65 до 72 коп. за пуд;
Сено от 7 до 8 коп. за пуд;

Мясо скотское (говядина) от 1 руб. до 1 руб. 70 коп. за пуд;

Масло: скоромное (сливочное) от 9 руб. до 9 руб. 20 коп.,
конопляное 5 руб. до 5 руб. 20 коп.,

льняное 4 руб. 80 коп. до 5 руб. за пуд;

Сахар от 8 до 8 руб. 20 коп. за пуд;

Мед 6 — 6 руб. 50 коп.;
Изюм 4 руб. 20 коп. — 4 руб. 40 коп.;

Рыба свежая: стерлядь фунтовая 5 руб. за пуд;

стерлядь 2-3-фунтовая — 7 руб. за пуд;

осетр 6 руб. за пуд;
нельма 5 — 6 руб. за пуд;

налим 2 — 2 руб. 20 коп. за пуд;

щука 2 — 2 руб. 20 коп. за пуд;

окунь 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. за пуд;

карась 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. за пуд;

Рыба соленая: осетр 5 руб. за пуд;

муksун 2 руб. 80 коп. за пуд;
язь 2 руб. 50 коп. за пуд;

сырок 2 руб. 50 коп. за пуд;
Икра: осетровая 14 — 16 руб.

за пуд;
сырковая 6 руб. за пуд;

Брусника 1 руб. 50 коп. за пуд;

Табак:
Листовой малороссийский 5 — 5 руб. 50 коп.;

Свечи: Солнечные 11 руб. 80 коп. за пуд;

Гостинные 10 руб. 80 коп. за пуд;

Экономические 9 руб. 20 коп. за пуд;

Шкурки:
Заячий от 19 до 20 коп.,

Горностаи 22 до 23 коп.,
Белка 13 коп.,

Колонок 50 до 60 коп.;
Росомаха 5 до 7 руб.;

Рысь 5 до 12 руб.;
Волк 3—4 руб.;

Хорек 35 до 40 коп. за штуку.
Пух гусиный: 32 руб. за пуд.

Цены на большинство товаров стабильные, если не ска-

зать постоянные, исключение составляют мука и крупы с не-

большими сезонными колебаниями. В 1879 году сложились высокие цены на соль, которые

всегда были неравномерны: бывали случаи, что цена падала до 43 копеек за пуд, затем

повышалась до 70 и выше.

В октябре в газете опубликована корреспонденция, в которой сделана попытка объяс-

нить колебания цен на соль в Тюмени с небольшим историческим экскурсом.

Из этой корреспонденции мы узнаем, что до 1859 года продажа соли по всей Тобольской губернии производилась преимущественно казной. В Тюмени и других городах губернии находились склады соли и магазины для оптовой и розничной торговли, но продажа ее была обставлена множеством разных формальностей. Достаточно сказать, что «крестьянину, желавшему купить 5—10 ф. соли, в базарный день приходилось простаивать у розничной лавочки по несколько часов, а крестьянам, покупающим возами, для розничной продажи по деревням, терять целые дни на разные хождения»⁹.

С 1859 года Низовец и Поклевский начали вывоз соли из Корякова (ныне Павлодар) частным образом, первый как торговец, второй как доставщик, имевший пароходы. В первое время запас соли Низовцом был сделан незначительный (около 5000 пуд.), но затем год от года увеличивался и через несколько лет достиг 100000 пуд. Потребители и их посредники — розничные торговцы, вначале, «как и ко всякой новинке, относившиеся подозрительно, скоро увидели выгоду иметь дело с частными лицами; торговля Низовца была поставлена настолько просто и

хорошо, что сделалась популярна не только в Тобольской, но и в Пермской губернии».

Казна скоро убедилась, что предприимчивость частных лиц берет преимущество в торговле солью и что от этого не только не уменьшается, а увеличивается (сокращение штата и проч.) доход казны, — магазины начали понемногу закрываться: сначала был закрыт магазин в Тюмени, а затем и в остальных городах губернии. Таким образом, дело по продаже соли перешло полностью в частные руки: примеру Низовца последовали и другие торговцы Тюмени и других городов.

Но в Тюмени продавалась и киргизская, так называемая ургачинская соль (по химическому составу уступающая коряковской). Тем не менее эта соль выручала Тюмень в то время, когда коряковская не могла попасть в Тюмень, в основном из-за мелей на Иртыше выше Омска. Другая причина заключалась в «небрежном поверхностном отношении к своим обязанностям доставщиков этого важного продукта, в чем особенно отличается г. Тюфин, аккуратность отношения к делу которого не трудно наблюдать даже на Тюменской пристани, где от управляющего трудно добиться удовлетворительного по какому-либо делу ответа».

Еще одна причина, по которой цены на соль в Тюмени

⁹ Сибирский листок объявлений. 1879. №38. 21 сент.

приходили в движение, причем чаще в сторону повышения. Дело заключалось в том, что Низовцу «приходилось вести довольно сильную борьбу с препятствиями по доставке купленной им соли: доставщики относились к нему с завистью и старались ставить всевозможные преграды, но не всегда, впрочем, оставаясь в выигрыше: составляли сговоры о повышении фрахта на соль (в одно время подняли цену до 18 к.), вывозили соль от своего имени в Тюмень и конкурировали, чтобы «отбить» Низовца и затем пожинать плоды». Но Низовец вел дело упорно и до конца.

Он был далек от идеи бескорыстия и, безусловно, преследовал личный интерес, но тем не менее «у Низовца было желание держать всегда равную, сравнительно невысокую цену на соль, рассчитывая проценты на капитал, но он не мог этого достигнуть, так как очень часто затраченный на соль капитал, благодаря выше приведенным причинам, таскался где-нибудь на Иртыше или Тоболе по году и больше, вследствие чего и приходилось волей-неволей «пользоваться случаем», т. е. когда представлялась возможность — продавать соль дороже».

В заключение соляной темы в корреспонденции делалось резюме. Для удовлетворения потребности населения Тобольской губернии «необходимо вывозить с Коряковского озера или

Черноярской пристани ежегодно 400—450 тысяч пудов соли, из которых 150 000 для Тюмени и Тюменского округа. Между тем мы знаем, что в прошедшую навигацию не вывезено и половины этого количества (в Тюмень не привезено и 50 000 пудов) и так случается очень часто, — случилось и нынче. Где же взять остальное количество, необходимое для продовольствия?! Вот тут-то и выручает Тюмень ургачинская соль!».

Ввиду того, что 1879 год оказался неурожайным на кедровые орехи, цены на них также поднялись по сравнению с предыдущими годами. В корреспонденции о кедровых орехах, где основная тема экономическая, явно видна и некоторая социальная направленность этого материала.

«За Уралом шелкание кедровых орехов называют «Сибирский разговор». Такая острота отчасти не лишена смысла: за отсутствием тем литературных, политических и т. п. шелкание орехов заменяет нам не редко разговор, благодаря чему самый скучный (с первого раза) званый вечер проходит сносно (читатель, вероятно, догадывается, что мы имеем в виду вечера тех обывателей, у которых карточная игра пока не приняла права гражданства) и кедровые орехи являются благодеемием.

Но не об этом «благодеемие» кедровых орехов намерен

ЯНВАРЬ 1879

№ 1.

СИБИРСКИЙ ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ

Цена съ доставкой и пересылкой
2 р. въ годъ.

Подписка и объявления принимаются
въ Типографіи, на Горюдицъ,
въ Переплетной, домъ Колесникова.

Пятница, 5 Января 1879.

Плата за объявленія—болѣе или менѣе одинаковая съ прочими газетами.
Въ слѣдующихъ номерахъ, однакожъ, будетъ напечатана наглядная таблица
размѣровъ и такса.

ОТДѢЛЪ 1.

ОБЩЕ-КАЛЕНДАРНЫЯ СВѢДѢНІЯ:

Я Н В А Р Ъ

1. Понедѣльникъ. Новый годъ. Обрѣзаніе Господне.
Св. Василія Великаго.
2. Вторникъ. Св. Сильвестра, Феогена, Іуліанія.
3. Среда. Св. Малахіа, Гордіа.
4. Четвергъ. Св. Теофиста, Евстафіа, Зосима и
Афанасія. Соборъ 70 апост.
5. Пятница. Св. Аполлѣварія, Григорія, Михеа и Мины.
6. Суббота. Богоявленіе (Крещеніе Господне).
7. Воскресеніе. Прор. предт. и крест. Іоанна, Феодосія.
8. Понедѣльникъ. Св. Георгія, Ежеліана, Василіиса,
Антонія, Анастасія, Ілія, Григорія и Вендора.
9. Вторникъ. Св. Филиппа, Подѣвкта, Петра.
10. Среда. Св. Григорія, Феозыя.
11. Четвергъ. Св. Феодосія, Михаила.

Отъ 1 до 31 Января для прибудетъ 1 ч. 51 ми.
Послѣдній четвергъ 3, новолуніе 10,
Табельные дни 1, 6 и 10.

ОТДѢЛЪ 2.

Матеріаловъ, болѣе или менѣе серьезныхъ, о состояніи погоды въ разныхъ мѣстахъ Сибири редакція еще не имѣеть и покорнѣйше проситъ желающихъ принять на себя трудъ доставлять таковыя войдя съ редакціей въ соглашеніе о вознагражденіи.

Редакція надѣется, что отдѣлъ термометрическихъ и барометрическихъ наблюденій, со временемъ приметъ серьезный характеръ.

*Такъ выгляделъ первый номер
«Сибирского листка объявленій»*

я говорить в настоящей корреспонденции, а о том, кому они являются матерью и кому мачехой в отношении экономическом; т. е. тому-ли кто каждый орешек пропустит чрез свои мозолистые руки, или тому, кто попиная ногой мешок с орехами, с важностью

провозглашает: «эфтот надыть в Нижний, а эфтот Сибиряки съедят». Нынешний год — благодетельный год для торговцев орехами: не мало пришлось им нажать от трудов своих праведных! В Тюмени, куда некоторым торговцам стоили орехи с небольшим рубль, цена дош-

ла до 3 руб. 50 коп. за пуд. Статья важная! Читателям по всей вероятности небезызвестно, что Бийский и Кузнецкий округа обладают богатым кедровым лесом, дающим в хороший урожайный год до 300000 пудов орехов, которые развозятся по всей Западной Сибири и проникают в Европейскую Россию до Москвы и Петербурга»¹⁰.

В сентябрьском номере газеты сделан прогноз цен на хлеб на предстоящую зиму 1879—1880 гг.

«В прежние годы невольно ставили жителям вопрос о ценах такие крупные потребители хлеба, как винокуренные заводы; но ныне для местных заводов запасено более полу-миллиона пудов хлеба с Оби и Иртыша, т. е. такое количество, при котором едва ли встретится надобность в местном хлебе. Стало быть и с этой стороны можем быть спокойны нынче».

Несомненный интерес представляет информация о тюменских кожевенных заводах, находившихся исключительно в заречной части города и представлявших главную отрасль промышленности нашего города в то время. Сведения для газеты предоставлены «главным тюменским кожевенным заводчиком Ф. С. Колмогоровым»¹¹ по 57 заводам, но здесь приводятся данные только по самым крупным, с выработкой не менее 10000 кож в год.

№ п/п	Заводы	Выработка кож в год
1.	Колмогорова Ф. С.	100 000
2.	Решетниковых девиц	50 000
3.	Решетникова И. Е.	50 000
4.	Кузнецова М. Б.	30 000
5.	Кучкова И. С.	30 000
6.	Новиковой Авд. Е.	50 000
7.	Кочневых братьев	25000
8.	Решетниковой А. С.	20 000
9.	Решетниковых бр.	20 000
10.	Гребенщикова А. Г.	15 000
11.	Васильева В. Е.	10 000
12.	Обласова И. А.	10 000
13.	Лаврентьевых	10 000
14.	Лазарева П. Г.	10 000
15.	Решетниковой А. И.	10 000

Их суммарная выработка — до 440 000 кож, в то время как на всех 57 заводах вырабатывалось яловых, конских, верблюжьих и бараньих кож до 500 000 шт. в год на 3 000 000 рублей.

Население города составляло тогда около 20 тыс. человек, из них постоянно на кожевенных заводах было занято около 15 тыс. человек рабочих, и платилось жалованья им по 15 рублей в месяц. Кроме того, имели отношение к кожевенной промышленности крестьяне окрестных деревень, «заготавливающие таловую кору, деготь, из Туринска — известь, в Тюмени ремесленники, именно: броденщики, сапожники, рукавичники Заводы дают дело десят-

¹⁰ Сибирский листок объявлений. №41. 12 октября 1879.

¹¹ Сибирский листок объявлений. №8. 23 февраля 1879.

кам тысяч человек в окрестностях города и в городе».

Промышленность города не ограничивалась, хотя и мощной, но единственной кожевенной отраслью. В самом конце 1879 года, в декабре, в газете появляется объявление: «Медно-литейный завод Александра Артамоновича Котельникова, в Тюмени, по самым умеренным ценам принимает: отливку и отделку колоколов, переливку оных в различных размерах; медных кранов и аппаратов всех конструкций; машин для приготовления минеральных вод, огнегасительных пожарных машин и насосов разных конструкций; медных и железных кубов для перегонки жидкостей; прессы для маслобоен и мыловарен; вырезывания штампов; решетки для оград и балконов; парапеты, крыльца, сошники, топоры и другие кузнечные, слесарные и котельные работы, тарантасные и тележные оси с точкой и медными втулками.

Принимаются заказы следующих новых изделий: кастрюль, рукомойников, тазов, подсвечников, самоваров, чайников, а также и починка оных»¹².

Кроме старейших в городе фотографий Ф. Соколова и К. Высоцкого, открылась новая — фотографа К. Винокурова, о чем тюменцы узнали из апрельского номера газеты.

«Практиковавшийся у лучших художников в С.-Петербурге К. Винокуров открыл в г. Тюмени, по Царской улице, в доме Виноградовой фотографию, которая имея вновь усовершенствованные быстроработающие объективы Дальмейера и Фохтлендера, имеет возможность исполнять следующие работы: снятие визитных карт, кабинетных портретов, групп, портретов грудных до половины натуральной величины позирующегося, также принимает снятие пейзажей, внутренностей зданий, архитектур, увеличение с фотографических произведений, уменьшение с них до медальонов, копии с масляных картин (неиспорченных), гравюр, эстампов и портреты с умерших».

Портреты большой величины «могут быть исполняемы на фоне американском, способ произведения которого в Петербурге известен весьма немногим фотографам. Кроме сего принимаю заказы портретов карандашами или масляными красками с карточек, которые будут исполняемы вполне безукоризненно лучшими художниками в Петербурге.

Фотография открыта ежедневно с 10 ч. утра до 4-х ч. вечера, несмотря ни на какую погоду»¹³.

Пожалуй, самый интересный раздел в газете — это объявления, официальные и частные, объявления Тюменской

¹² Сибирский листок объявлений. 1879. №52. 28 дек.

¹³ Сибирский листок объявлений. 1879. №16. 20 апр.

городской управы и редакционные заметки.

О чрезвычайном происшествии в Петербурге 2 апреля 1879 года тюменцы узнали уже 6 апреля из официального объявления в газете.

«Объявить жителям: телеграмма Министра Внутренних Дел 2 апреля: сегодня, 9 ч. утра во время утренней прогулки ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, около здания Штаба Петербургского военного округа, шедший на встречу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА неизвестный человек, подойдя близко к ГОСУДАРЮ, выстрелил в ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО из револьвера несколько раз. Божьему промыслу угодно было сохранить для России невредимо Августейшего нашего ГОСУДАРЯ. Злодей задержан».

Нечасто, но встречаются в газете объявления Тюменской городской управы, извещающие тюменцев о принятых решениях городского самоуправления.

«По постановлению Санитарной Комиссии, Тюменская Городская Управа объявляет жителям г. Тюмени, что свалка назма и других нечистот внутри города воспрещается, а для свалки тех нечистот назначаются следующие места:

а). около оврага ниже городских боен;

б). за Тюремным замком возле кирпичных сараев крестьянина Перемотина;

в). на берегу ключевского оврага за Большим Городищем;

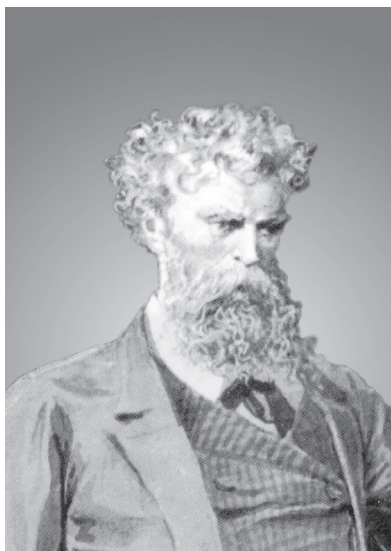
г). по правую сторону городской выставки;

д). в заречной части около заимок купцов Решетниковых;

Означенные места будут отмечены столбами и обнесены загородками. Жители города, обязаны очистить от нечистот улицы против домов, тротуары, дворы, отхожие места и помойные ямы. Все нечистоты должны быть вывезены в указанные места к пятому числу Мая сего года; по истечении же сего срока, все нечистоты, которые окажутся неубранными, будут вывезены на счет виновных, с составлением об этом актов, для привлечения виновных к законной ответственности. Апреля 17 дня 1879 года»¹⁴.

Объявление городской управы о распределении акциза на трактирные заведения Тюмени: «Тюменская Городская Управа, на основании ст. Положения о трактирных заведениях, объявляет для всеобщего сведения, что вследствие отказа содержателей в г. Тюмени трактирных и подобных им заведений, от расклада акциза в 9 900 р., предназначенного, в собрании г. Думы, 19 июля 1879 г., к поступлению в городской доход в 1880 году, предназначенный акциз, на основании примечания к 21 и 28 ст. Того же положения, распределен управою в следующей постепенности:

¹⁴ Сибирский листок объявлений. №16. 20 апреля 1879.

К.Н. Высоцкий

с 12 заведений по 400 руб.
4800 руб.

С 3 заведений по 395 руб.
1185 руб.

С 13 заведений по 210 руб.
2730 руб.

С 5 заведений по 200 руб.
1000 руб.

С 2 из них одно 93, а другое
92 р. — 185 руб.

35 заведений 9900 руб.

Ноября 16 дня 1879 г. Городской Голова Подаруев
Член Управы Катаев».

Из объявлений конкурсного управления можно узнать, что потомственный почетный гражданин тюменский 2-й гильдии купец Кондратий Кузьмич Шешуков, тот самый, что построил на свои средства зда-

ние для Тюменского уездного училища и женской прогимназии, признан несостоятельным должником. Газета сообщала, что 28 декабря 1879 года «будут производиться публичные торги с узаконенною чрез три дня переторжкою на продажу принадлежащего несостоятельному должнику Шешукову Варваринского золотоносного прииска, находящегося в Мариинском округе (Томской губ.)».

Из объявления Управляющего Тюменской почтовой конторой Д. Навродского мы можем узнать о составе и численности ее служащих в 1879 году.

Объявляя «домовладельцам г. Тюмени, имею честь покорнейше просить тех из них, которые согласятся отдать свои дома под помещение Почтовой Конторы и служащих в ней лиц заявить о своем желании письменно или словесно мне, по возможности, в непродолжительном времени, для осмотра тех домов и для заключения о найме их предварительных условий».

При этом честь имею присовокупить, что помещение необходимо собственно для конторы и квартиры: для Почтмейстера, его помощника, Приемщика, двух сортировщиков, 15-ти почтальонов и сторожа, с соответствующими службами при тех квартирах».

Объявления в газете о продаже музыкальных инструментов говорят о том, что рояли и

фортепиано не были редкостью в тюменских домах, а объявления об уроках музыки — что музыкальные инструменты не были только предметами обстановки.

«Продается фортепиано в доме К. Н. Высоцкого на Большом Городище».

«Ищут на прокат рояль или фортепиано. Об условиях просят сообщать в дом Сальникова, на Мучном базаре».

«Александра Ивановна Мусерская с 1-го сентября принимает на себя обучение детей и взрослых музыке. Желаящие воспользоваться услугами г-жи Мусерской благоволят обращаться в квартиру ее, на Мучном базаре, в доме Сальникова».

«В квартире г. Мусерского, на мучном базаре, в доме Сальникова, продается фортепиано, мебель, аккордеон (большая ручная гармония) немецкого строя, в 2 регистра и ноты к нему, а также разная мелочь. Аккордеон и ноты уступаются за половину их стоимости — вместо 30 р. — за 15 руб. Тут же предлагается торговцам небольшой выбор лайковых перчаток одной из русских фабрик по небывало-дешевой цене, по 6 р. за дюжину...».

«В Ильинской улице, в доме Соловьева продается: рояль . 300 руб.»

«Продается рояль, осматривать можно его в квартире о. Иоанна Лепехина, против Успенской церкви».

Год 1879-й для Тюмени, можно не бояться высокопарной фразы, озаменован открытием Тюменского реального училища. Объявление в газете, вышедшей 10 августа, для многих юных тюменцев стало отправной точкой в их жизни.

«Прошения об определении детей в Тюменское реальное училище могут быть подаваемы директору этого училища, квартира которого в доме купца Масловского. Директор училища И. Словоцов».

Для подготовки детей в учебные заведения можно было обратиться к репетитору: «Дворянин Трифон Михайлович Мусерский, получивший образование в Вятской классической гимназии и имеющий свидетельство о своих педагогических занятиях в Тюмени, принимает на себя приготовление детей обоюбого пола во все низшие и средние учебные заведения. Об условиях можно узнать в квартире Мусерского, в доме Сальникова, на Мучном базаре».

Но в данном случае воспользоваться услугами репетитора Мусерского, из-за некоторых «случайно сложившихся» обстоятельств, стало невозможно. Буквально в следующем номере газеты последовало объявление с извинениями.

«Вследствие некоторых обстоятельств, случайно сложившихся и вовсе от меня не зависящих, я не могу более принимать на себя приготовление де-

тей в учебные заведения. А потому, извещая о том всех желавших обратиться ко мне с предложениями уроков, я счел долгом принести благодарность лицам, сделавшим уже подобные предложения, за оказанное доверие и извиниться пред ними в том, что лишен возможности исполнить их желания и быть посильно полезным в деле обучения детей. Смею надеяться, что лица эти не станут претендовать на меня за поступок, в котором я оказался без вины виноватым. Т. Мусерский». Наверняка, после такого извинения обиженных на репетитора не было.

Объявления о продаже транспорта и недвижимости были популярны так же, как и сейчас.

«Продается не новый дорожный тарантас, удобной и прочной работы, за 100 руб. Желающие купить могут видеть в доме г-жи Иконниковой по Царской улице».

«Продается угловое место с домом. В 1-м участке города Тюмени, по Ляминской улице, наискосок столяра Лошкомоева, дом № 3».

Объявление для людей с достатком.

«Нуждающимся в выезде лошадей П. А. Гневашев предлагает свои услуги. Выезжает также молодых жеребят и диких с уросом лошадей; первых ставит на полный ход рыси, а последних делает совершенно скромными. Желающих просит

обращаться к нему во всякое время в собственный дом».

Приказчиный клуб, как одно из мест отдыха, созывал горожан на маскарады «в ноябре: 11-го, 18-го и 21-го. В декабре: 6-го и 11-го числа. Посетители платят за вход по 30 коп. Члены клуба входят бесплатно во все маскарады, кроме 6-го декабря; В 6-е декабря платят все по 30 коп. Казначей Клуба В. Князев».

При приказчином клубе работала библиотека, об этом можно узнать из следующего объявления. «В библиотеку Тюменского Приказчиного Клуба нужен библиотекарь. Желающие занять эту должность благоволят заявить Управлению Клуба не позднее 1-го декабря. Казначей В. Князев».

Газета привлекла внимание не только тех, кто был заинтересован в подаче объявлений, в редакцию стали приходить письма читателей, письма разные: сердитые и подбадривающие, простодушные и с иронией. Полемика редактора с читателями газеты позволяет судить о Константине Николаевиче Высоцком как о человеке высоких нравственных принципов, хотя, быть может, иногда и излишне требовательном.

В день выхода 1-го номера «Листка» редакцией было получено письмо бдительного читателя, в котором он попенял на встреченные в газете грамматические ошибки.

«Судя по первому №, в котором Вы как будто извиняетесь за пустоту, — можно ожидать многого. Уж если в пустом № столько верных сведений и материалов, даже для грамматики, то что же будет, когда разовьются таланты».

Ответ редакции. «Редакция благодарит дружескую руку, которая хотя и не очень ласково, и порядком иронично, но видимо искренне и с участием приветствует наш первый шаг. Постараемся быть аккуратнее; корректор наш будет глядеть в оба»¹⁵.

Некоторые письма, как нижеприведенное, задевали Высоцкого, и тогда он мог быть резким¹⁶.

«Г. Редактор Сибирского Листка объявлений, мы читавши в вашем листке и ненашли нечего интересного, что бы занимало читателей сибирским листком, а потому попросили бы вас забирать более для нас интересное сведение сколько есть в тюмене Невест с каким Приданным и точно также женихов; и какие невесты будут просватаны иза каких женихов; естли-бы Обратили наето внимание и начали печатать подобные сведение; то Наверно-бы более Кавалеры и Барышни пожелали выписывать Сибирский листок; естли Господин Редактор найдете в моем Объ Явление Какие Грамати-

К.Н. Высоцкий
(Фото из коллекции
В.Е. Копылова)

ческие ошибки то прошу Извинить Граматики Я неучил знаки ставил Произвольно да и кажется довольно, Неизвестный».

Если это шутка, то ответ на нее щедринский: «Милые соотечественники! Когда таковы ваши шутки, «какова же ваша жестокость?!».

Если это правда, т. е. серьезный запрос, — это очень печально. Ужели только и дела на свете, что искание невест и женихов?

Если это ни то ни другое, а только скоморошеское времяпрепровождение, то это еще пе-

¹⁵ Сибирский листок объявлений. №2. 12 января 1879.

¹⁶ В письме сохранено написание и пунктуация оригинала.

чальнее. Почему не употребить время, тратимое на такое времяпрепровождение, — на шитье сапогов, на посадку картофеля?

В последнем случае «Листок объявлений» пригодился бы для помещения почтенного и солидного объявления о явлении на свет нового продукта, увеличивающего благосостояние родины и человечества.

При исключительном же витании в мире необузданных фантазий, при времяпрепровождении, не создающем ни капли полезного, ни куска нового хлеба, — при таком направлении, не мудрено, от редакции местного листка будут требовать собирания сведений: «не лежит ли где что плохо; нет ли где кассы, в «которую можно безнаказанно запустить руку; нельзя ли «как поискуснее обобрать ротозея-ближнего; нет ли «способов сдирать с одного вола две шкуры».

Не дай Бог дожить до такого времени».

Уже через месяц после выхода первого номера газеты Высоцкий делает попытку проанализировать — стоило ли начинать в Тюмени с выпуском газеты.

«Сибирский листок объявлений» имеет до сих пор только 53 подписчика. Объявлений чужих, или посторонних, помещено до сих пор только 4.

Зависит ли это от новизны дела, от того, что мало знако-

мились с надобностью нового делового органа? Или свойство местных дел не нуждается в органе? Или требуется чего-то другого?

Постоянно мы слышим: «мало занимательного». Значит — нет литературного отдела.

Спору нет, желательнее было бы поговорить не об одних экономических проявлениях, а и о других потребностях жизни; но не скроем, что принялись за дело, и при настоящей программе, без отвращения, — напротив с уважением к задаче серьезно послужить реальности, в самом узком, — по нашему, самом существенном смысле.

Время покажет — так ли это, и нужно ли было начинать»¹⁷.

И осенью, видимо, время показало. 9 ноября появляется объявление: «в 1880 году «Сибирский листок Объявлений» не будет выходить и подписка на него не принимается, хотя еще в номере газеты за 19 октября сообщалось, что «продолжается подписка на «Сибирский листок Объявлений». Что-то произошло в период с 19 октября по 9 ноября, К. Высоцкий принимает решение о прекращении издания газеты в 1880 году.

В последнем номере газеты от 28 декабря 1879 года небольшая заметка редакции.

«Редакцию получено от одного из подписчиков письмо, в ко-

¹⁷ Сибирский листок объявлений. №5. 2 февраля 1879.

тором он высказывает сожаление о прекращении издания «Сибирского Листка Объявлений» и заканчивает так: «Неужели редакция убедилась, что не надо было и начинать, что «самое свойство местных дел не нуждается в деловом органе?». Грустно, если так. Или само общество не успело привыкнуть к надобности делового органа и не сумело поддержать благое начинание? Если мы правы, то «да будет ему стыдно», скажем словами русских времен Святослава».

Мы очень благодарны за это письмо, но пускаться в подробности изложения причин прекращения находим неудобным и скажем только одно: «Листок» начат преждевременно».

Салтыков-Щедрин писал о принципе процветания газет:

«Обилие сплетен приводит за собой обилие подписчика; обилие подписчика приносит обилие денег». Первого в газете Высоцкого не было и, как следствие, не было всего остального. Газета закрылась.

В статье не рассматривалась история создания первой тюменской газеты и не проводился анализ причин, побудивших Высоцкого прекратить ее издание, а лишь сделана попытка взглянуть на газету как на источник информации. Прочитав годовую подшивку газеты «Сибирский листок объявлений», понимаешь, прав был Карел Чапек: «читать газеты столь же созерцательное занятие, как наблюдать закат солнца или течение реки».

Из года в год¹

Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа

Вступление

Село Усть-Ницы, как показывает самое название, лежит при устье реки Ницы на правом берегу ее при впадении в р. Туру. Оно находится в 73 верстах от уездного города Тюмени по почтовому тракту Тюмень—Туринск и почти в середине торгового Тюмень—Ирбит. Ежегодно р. Ница разливается, выходя из берегов; поэтому селение стоит не на самом берегу, а подальше от него сажен на 100. В конце апреля

Ница бывает судоходной. В это время перевозятся товары из Ирбита в Тюмень, закупленные во время Ирбитской ярмарки. Вода в Нице проточная, чистая и употребляется жителями в пищу. Впрочем, для этой же цели, хотя и в меньшей степени, служит «пруд». Этот пруд устроен на речке, которая в верхнем течении называется Тарасовкой, а ниже пруда — Графовкой (от слова Евграф). Вода в пруде стоячая, гнилая и для питья положительно не годная,

---

Текст воспроизводится по публикации в журнале «Живая старина» (IV. I. Отд. I. С. 37—64). Комментарии к словам, имеющим цифровой надиндекс, приводятся по вышеуказанному источнику.

Помещаю статью под рубрикой «Текст-раритет», редакция надеется найти краеведа, который бы смог рассказать биографию Ф. Зобнина. — *Прим. издателя.*

¹ *Примеч. ред.* Эта прекрасная, столь же художественная, сколько и научная статья даровитого автора — приносим ему за его сообщения глубокую нашу благодарность — будет, без сомнения, прочтена читателями «Живой старины» с живейшим интересом. Многоуважаемый автор приложил к ней много рисунков. К великому сожалению — да простит он меня великодушно, — он рисует совсем не так, как пишет. Его рисунки прямо напечатаны быть не могут. Их надо было перерисовать, но художник, взявшийся за это дело, не мог все воспроизвести, ибо многого совсем не понял. Вообще редакция признает необходимость рисунков, но, к сожалению, она будет в состоянии прилагать их ко многим статьям или помещать отдельно с имеющихся уже этнографических фотографий лишь тогда, когда русское общество, вопреки замалчивающим или хающим «Живую старину» журналам — русским, а не иностранным (благодарим их за сочувствие и поддержку), — станет относиться к ней с большим сочувствием. Средства журнала зависят от числа подписчиков, а оно должно удвоиться, дабы редакция могла постоянно помещать иллюстрации.

хотя ближайшими жителями и употребляется для этой цели.

Село занимает площадь земли, ограниченную, с одной стороны, реками Ницой и Турой, а с трех других сторон отгороженную от полей «огородом», или изгородью. Эта отдаленная от полей площадь земли, за исключением площади, занимаемой самым селом, называется «поскоотиной» и служит выгоном для скота с весны и до уборки хлеба. После страды скот допускается в поле. Село, или, как его называют, слобода, состоит из трех улиц, идущих рядом, и делится на два «конца» — верхний и нижний. Длина слободы достигает 1¹/₂ версты. Улицы соединяются между собою проулками или закоулками и до чрезвычайности узки. Одна улица названа нижней, другая большой и третья горной. Часть нижнего конца, отделенная прудом, носит название Забúсовки. Бус — это мучная пыль, получающаяся на мельнице, отсюда глагол забусить и название забусовка.

Кстати, редакция долгом считает прибавить, что все сотрудники «Живой старины», в том числе и редактор, трудятся безвозмездно и никаких барышей от увеличения числа подписчиков не ожидают, ожидать не могут, да и не желают. Поэтому редакция не считает нисколько делом неприличным просить всех читателей и подписчиков «Живой старины», убежденных в ее пользе для русской образованности и литературы, о распространении этого издания среди своих знакомых. Если сравнить число подписчиков и постоянных читателей «Живой старины» за границей и в России, то, право, можно прийти к довольно печальному заключению о нашей читающей публике. Лично для редактора всего любопытнее почти полное отсутствие подписчиков из среды высшей центральной и провинциальной администрации (*rari nantes in gurgite vasto*), из нашего духовенства, купечества и из так называемого лучшего общества, одним словом, из всех тех классов, которые в просвещенных странах обыкновенно поддерживают отечественную литературу и науку.

В настоящее время слобода заселена государственными крестьянами. Основание ее относится к 1645 году. В этом именно году сибирский митрополит вследствие данной ему московским царем грамоты поселил при устье Ницы крестьян, которые в том же году «начаша пахати и сеяти». Пахание и сеяние и до настоящего времени составляет главное и почти исключительное занятие усть-ницынских крестьян. При таком образе занятия, и притом находясь вдали от городов и бойких мест, жители Усть-Ницы более чем где-либо сохранили первобытную крестьянскую простоту как в складе своего ума, так и во внешности.

Из преданий старины среди жителей сохранилась память о том, как «Пугач» воевал. Указывают даже место, на котором была выстроена башня для защиты от Пугача; у некоторых жителей сохранились ножи, которые были приготовлены для борьбы все с тем же Пугачом.

I Весенние заботы и работы

Придет батюшка Василий Капельник (26 февраля), и заплачет зима. В слободе Гагарах² мужики закопошатся: надо хлеб скорей домолачивать — весна недалеко. Зимой перемолотить бы: и холодно, и лед не купленный, и овины простые стояли, да некогда было все. То примыслить на подушину надо: зайцев половить или саней к Ирбитской поделать да продать; то сено да дрова вывезти надо, так мужикам и не удавалось: измолотят немного на еду и живут. А теперь вон теплынь какая пошла, каждый раз надо ладон (ток) поливать да утренниками молотить. Да и то каждый день-то не удастся: овин ведь один не построишь, а все дома четыре—пять надо в пай пригласить, да тогда уж строить. Богатым оно, конечно, ничего, у них что ни дом, то овин, но за ними ведь не угонишься. Кой-как, с землей пополам, собрали зерно, уж белого хлеба летом не поешь, только на льду и можно провеять начисто, а весной-то где его возьмешь! У нас, впрочем, к праздникам осталось же немного от зимней молотбы: о празднике нельзя, гости придут.

Приближается весна. Много работы, еще больше заботы, а

весело! Сердце трепещется, как птицы начнут прилетать. Мы с братом с половины зимы ждали скворцов — два дупла для них привезли. Скворец — птица пытливая, не сейчас поселится в гнезде, а (обидно даже, как будто его обманывать станут) десять раз прилетит высмотрит дупло, а потом уже и гнездо таскать будет, а там того и гляди свистать да распевать по утрам примется. Потом мы с братом голубей сильно любили. Но их, впрочем, все в Гагарах любили. У нас даже и картина была: сидит Господь Саваоф на престоле, а в самом сердце у него голубь написан. Стало быть, эта птица угодна Ему, коли в таком месте посажена. Поэтому голубей в Гагарах уж никто не зорит, разве уж какие-нибудь отпетые, на которых ни креста, ни пояса нет. Добрые же люди обыкновенно около дома полочки подстраивают, чтобы голуби велись да гнездились. Этой птицей у нас не забавляются, как в других местах, ее не гоняют: не такая она птица, чтобы ей забавляться. Ласточек в Гагарах уважают еще больше, чем голубей. Про голубя, что ни говори, все же он птица домашняя, зиму и летом у нас на глазах, а ласточка — гость.

Да, кроме этого, ласточка полезный гость. Мама говорит, что если ласточка у нас поселится, значит, Господь нам свою милость послал. Ну как же

² Автор счел необходимым заменить название Усть-Ницы для удобства, соответственно принятой беллетристической форме изложения.

не любить такую милую да еще такую полезную птицу? Мы поэтому строго следим, зачем это так часто к нам ласточки летают? На поверку окажется, что они у нас уже под крышей гнездышко свили.

— Мама, мама! — радуемся мы. — У нас ласточки живут.

— Где?! — притворно удивляется мать. — Это к Тиме летают.

— Нет, к нам, к нам! Вот посмотри. — И мы тащим ее под крышу.

Она не идет:

— Ну, знаю, не троньте их.

Видимо, мама нам не доверяет

В заботе да в работе время скоро летит. Подходит Дарья грязно-пролубка, а за нею великий праздник Благовещенье, в который птица гнезда не вьет, красна девица косы не плетет. Одна только птица, сказывала бабушка, вздумала вить в этот праздник — кукушка, но за то ее Бог наказал и навечно без гнезда оставил. Так она теперь в чужие гнезда яички кладет. Случилось как-то, что Пасха пришлась в Благовещенье. Попы положили служить сначала пасхальную заутреню и обедню, а потом справить службу и Благовещенью. Сказано — сделано, заутреня и обедня уже кончились, на дворе поздно, а свету нет: так нет да и нет до другого дня. С этих пор и стали праздновать Благовещенье вперед Пасхи.

Около Благовещенья в лес ездят уж только по утрам. Расстаявший днем снег ночью покрывается сверху ледяной корой, которая называется настом или чарымом, по насту легко можно ходить на лыжах, не рискуя провалиться в снег. В это время обыкновенно рубят полозья или облесá, из которых зимою делают сани.

Страстная неделя идет своим чередом. У нас на этой неделе погреб топят и возят в него снег или лед.

Наступает великий четверг. Нам с братом еще накануне говорили, чтобы мы завтра раньше вставали: кто в великий четверг встанет до солнышка да обуется, тот в году много утиных гнезд будет находить. Но нам как-то не удавалось никогда этого испытать. Утром в четверг только что встанем — видим, что на божнице около икон стоит коврига хлеба и большая резная деревянная солонка: это четверёжный хлеб и четверёжная соль. Таков обычай, искони веков заведенный. После обедни за столом четверёжный хлеб с солью едят, но не весь — часть его идет домашнему скоту: лошадушкам, коровушкам да овечушкам. С этого хлеба Бог лучше хранит на целый год и скот, и людей. Вечером в четверг бывает стоянье, за которым читают страсти Господни.

Утром же в великий четверг обыкновенно бежит сусло, из которого готовится пиво:

о празднике ведь без пива нельзя.

В каждом селе и в каждой деревне существуют особые званные или гостинные праздники. К каждому из этих праздников все варят пиво, покупают вино и приготавливают как можно более кушаньев для гостей, которые собираются из окрестных деревень. Гостинных праздников в Гагарах несколько: Крещение, Троица, Успление, Покров и зимний Микола. Кроме того, на Пасхе и Рождестве варят пиво ради великого праздника для себя. Таким образом, пиво в Гагарах варят всего семь раз в году.

В одно утро, дней за пять до праздника, в избе около печи, т.е. в кути, появляется чан. Это значит сегодня будут пиво затирать. В чан насыплют солоду, ржаной муки, нальют холодной воды, размешают все это веслом, и получится густое-прегустое тесто. Это и называется затóром. В то же утро безперечь ставят в печь да вынимают из печи чугунки да миденники с кипятком, выливают в затор и размешивают. В конце концов нальют полный чан кипятком, и получится жидкая гуща. Как печь истопится, достают корчаги, перемывают и изнутри посыпают мукой, а потом наливают из кадочки жидкой гущей и ставят одна за другой в печь. Количеством корчаг измеряется в аря пива. Одни делают большую варю, другие маленькую. Небольшая варя корчаг 5—6, большая —

10—14 корчаг. У которых гостей много бывает, те варят и по две вари. Как только корчаги поставлены, печь закрывают, но уже не железной заслонкой, а особой — толстой и сделанной из глины, да еще и эту заслонку наглухо заклеивают тряпицами да замазывают глиной.

«Ну, робята, завтра сусло», — говорит нам отец, большой охотник пить сусло.

Между тем кадочка с вечера еще перебралась на лавку и стоит наклонившись. Внутри ее теперь находится рúслeнн и к. Русленником называется широкий мешок из толстого и прочного холста. Его спускают в чан, а края выворачивают на наружные края чана и здесь привязывают.

Дно чана под русленником устилается чистой соломой.

На другой день после затора корчаги вынимаются из печи, и их содержимое выливается в гушенник, протекает через него и через солому и вытекает в виде с у с л а из особого отверстия, сделанного в стенке чана около самого дна.

Раным-рано на другой день встала мать. Когда мы проснулись, корчаги вместо печи стояли в избе на полу и на лавках, и во всех набежало горячее сусло: пей — не хочу! И пьют. Сусло любят пить все, а отец любит пить еще с перцем. Мы тоже пробуем с перцем — и ничего, с перцем действительно ладно!

Часть сусла выносят студить, а в одну или две корчаги кладут хмель и ставят их в печь. Вечером пиво нужно «споромить», т.е. слить все сусло обратно в чан, который в это время уже переселился под порог. Когда видят, что сусло достаточно охладилось, его сливают вместе с тем, которое настоялось в печке с хмелем, в один чан. На другой день отец пробует, не пора ли пиво «слевать»? Опять приносят корчаги и через решето, чтобы хмель не попадал, сливают пиво в корчаги и ставят на лед. Пиво готово. Это уже бывает в великую субботу, накануне Светлого Христова Воскресенья.

Утром в этот день яйца красили³ и делили. Ранняя Пасха — яиц меньше, а поздняя — больше, но все, что нанесут курицы до Пасхи, — наше счастье. Все это утром в великую субботу варится, красится и делится поровну между старыми и малыми. Нам, ребятам, досталось столько же, сколько и всем. Но это только сначала. Скоро, того и гляди, мать или отец из своего пая добавит. После дележки всяк уносит свой пай до завтра, а завтра может расходовать, как кому вздумается. Нам, полным и бесконтрольным хозяевам своих паев, конечно, в мысль не входило воспользоваться ими накануне: семь не-

дель постился и несколько часов не додожил — вот уже постыдно. Отец как-то рассказывал нам, что он в городе видел «воспод», которые и в великий пост «кушали мяско». Мы сильно удивились и не верили, что есть такие безбожники

Наступил вечер. Заблаговестили ко всенощной. У нас, в Гагарах, только что чтение Апостола перед святой плащаницей и называется всенощной. А там — заутреня, обедня, вечерня, и больше круглый год никаких общественных служб не бывает.

Перед Пасхой мы с братом из церкви не выходим. В церкви хорошо, и все напоминает нам, что праздников праздник недалеко: чистят подсвечники, наливают плошки, вставляют новые свечи, возят ельник да пыхтовник для церкви — все это только к Пасхе и делают. Все это восторгает наши юные сердца, всему мы радуемся и ликуем.

Перед Пасхой изба и горница у нас принимает праздничный вид. Вымывши полы в горнице, мать расстилает половики, а пол в избе посыпает белым песком. В горнице на простенке и на занавесу развешивают белые полотенца с пришипленными к ним цветными, по большей части шелковыми, лоскутками. После пасхальной недели эти полотенца снимают.

³ Обыкновенно яйца красят при помощи высохшей верхней кожицы лука, которая в большом количестве кладется в горшок с яйцами и кипятится. Цвет яиц получается ярко-красный и никогда не линяет. — Ф. З.

За христовской заутренней в первый раз говорят и поют «Христос воскрес». Ребята сказывали, что к этому времени надо приготовить винного (пикового) туза и вместо «воистину воскрес» сказать попу «винный туз есть», тогда с этим тузом можно сделаться настоящим невидимкой и все доставать, словом, такой туз вполне заменяет собою цвет купоротника (папоротника).

После христовской обедни начинается разговенье. Все садимся за стол. Сначала появляется масло, которым нас и заставляли разговляться прежде всего. Мы пробовали было заявить, что масла не хотим. Но отец с матерью стояли на своем, говоря, что нужно выхлебнуть ложку масла, иначе после поста-то сердце будет давить. После масла стали молосными щами разговляться — барашка к празднику кололи.

«Слава тебе, Господи, — молилась по этому поводу мать, — велел Бог спать-сысь». Потом поели блинов, яичек, похлебали молока, и разговенье кончилось. Мы с братом побежали на улицу — яицами кататься. Накатались яицами — пошли на качулю. Качулю недолго искать — в каждом дворе есть. Надоело на качуле — пошли на колокольню.

В этом Христов день и вся христовская неделя проходит: с колокольни — на качулю, с качули — на колокольню. На ко-

локольню сходить хоть один раз в течение христовой недели считается обязательным для всех. В субботу все ходят «с колоколами прощаться».

На другой день после Христова дня, т.е. в христовский понедельник, все мужики и молодые ребята, вышедшие из детского возраста (женщины изъезыты) обязательно должны явиться к заутрене. Обычай этот еще в недавнее время у нас в Гагарах строго поддерживался тем, что неявившихся по каким-либо причинам к заутрене отыскивали сообща и окаживали холодной водой.

На другой или на третий день к нам в дом приходит Богоматерь — так называется обычай, по которому исстари во всей Гагарской волости на Пасхе причт ходит из дому в дом с тремя иконами: Крест, икона с двенадцатью праздниками и икона Богородицы. В каждом доме перед иконами ставят зерновой хлеб, предназначенный на семена, а на столе хлеб и яйца. Яйца собираются причтом.

Пасхи и куличей в Гагарах не готовят, и о них никогда не слыхали.

За посещение с Богоматерью с каждого дома, кроме яиц, причт получает от 15—25 коп. до одного рубля.

В пятницу и субботу на христовской неделе отец уж стал поговаривать, что теплынь наступила, в лесу снегу совсем мало, пора за дрова приниматься.

Дроворуб та же страда. Не нарубишь до пахоти, так зиму-то сырникóм и будешь топить.

Гагарские мужики сильно опять запопошились. Пошла стряпня — рукавов стрехня. Те, что постарше да посильнее, отправляются рубить дрова подалее от слободы, на ночеву, т.е. ночи на три—на четыре, а то и на неделю. Ребята порубят дровишек где-нибудь недалеко: «все же хоть на осень истопить пригодятся».

Лес у нас больше березовый, и дрова рубят все как-то березовые, сосновые попадают-ся редко, еще реже осиновые.

Рубят сначала кряжи, потом стаскивают их в кучу и мельчат на поленья. Осенью тоже после слободы бывает дроворуб, но тогда рубят только кряжи, которые к весне вывозятся домой. Пока в лесу еще нельзя рубить, в марте кряжи мельчат на поленья. Осенью срубленные кряжи стаскивают в кучи и пятнают для того, чтобы их не украли. Каждый дом имеет свое «пятно». У нас, например, кряжи пятнались так: на кóмле (а кóмлем называется нижняя часть древесного ствола) делалась зарубка, а на коре комя — разрез коры.

Дрова рубить весело. В лесу даром что ни зеленой травы, ни цветков нет, а полакомиться можно — березовка побежала. Возьмешь туесок, подставишь под березку, в день-то, глядишь, полон туес накапает. Из ма-

леньких березок березовка не-сладкая, да и мало; надо березовку цедить из больших берез. Мама нам много березовки пить не давала, говорит: «Нездорово».

У кого большая семья, все мужики на дроворуб не ходят. Некоторые идут наниматься к какому-нибудь подрядчику плотничать до пахоты. А у кого и пахарей много, так плотничают до самой страды.

II

Пахота и рыболовство

Во второй половине апреля солнышко пригревает все сильнее и сильнее. Мужики поговаривают о том, что пахота недалеко. Скоро заговорили, что-де «вон Тима Мокин ездил вчера «зачинать» — пора и нам, скоро уж Еремея-запрягальника (бывает 1 мая), самый ленивый поедет пахать. Отец уж ходил в кузницу сошники клетать, да кузнецу недосуг: с целой слободы нанесли, завтра велел приходить. У нас, в Гагарах, на всю слободу только и было два кузнеца — в нашем конце да в верхнем. Перед пахотой-то их задавили работой.

Ремесло в Гагарах не любят, потому что не знают. На такое село — два кузнеца, да и те лошади подковать не сумеют порядком! А потребуются сделать новую вещь — серп ли топор, — так нужно в соседнюю волость ехать, где кузнецы есть из

ссылных. «У них есть с делато на все», — говорят про них в Гагарах.

На другой день отец уж добился — сошники выклепали, можно и зачинать.

Рано утром после завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дело надо начинать с молитвой. С этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бывают запряжены, вся семья собирается в горницу, затворяют двери и перед иконами затепливают свечки. Перед началом молитвы, по обычаю, все должны присесть, а потом уж вставать и молиться. После молитвы в хороших семьях сыновья, отправляющиеся на пашню, кланяются родителям в ноги и просят благословения. Прежде чем выехать за ворота, часто высылают посмотреть, нет ли где бабы на улице. Дурною приметой считается, когда при таком важном выезде баба пересечет дорогу. После такой беды хоть назад воротиться так в ту же пору⁴. Так и делают, если еще не выехали со двора: снова идут в горницу обождать и уж потом выезжают. Бабы в это время боятся ходить, а если увидят отъезжающих, то стараются обождать. Не то другой мужик так отпоет, что три года будет помнить.

Каждое семейство и каждый крестьянин имеют землю, за которую в начале и в конце года

вносит «подушшину». Каждая «душа» владеет наделом земли не в одном, а в разных местах. Около самого селения идут так называемые третники, т.е. отдельные поля, равняющиеся $\frac{1}{3}$ десятины. Эти поля всегда бывають удобрены навозом и потому всегда дают хороший урожай. Следующий надел земли дается в 3, 4 или 5 верстах от селения, и, наконец, на ту же душу мужик получает землю на «пашню» — так называется вообще поле, находящееся от слободы на расстоянии 10—15 верст.

Удобрятся только поля первой группы.

Удобрение исключительно состоит из навоза и производится или в июне — это удобрение признается за лучшее, или осенью после уборки хлеба, или, наконец, зимою в виде «пластов». Пластами называют замерзший сверху слой навоза, который вырубается и глыбами вывозится в поле. Кроме описанных родов полей, есть еще особый вид, которым владеет не каждый, потому что не каждый работает над ним, — это залюги. Залогом называется поле, которое добыто земледельцем из-под лесу. Для этого вырубается лес и на место его года через три или четыре нарождается новое поле. Так как залюги добывают близко у селения, то они всегда бывають удобрены навозом. Новая, неистощенная

⁴ Местный оборот речи. — Ф. З.

почва сторицею вознаграждает этот чрезвычайный труд земледельца. Обработка полей производится боьшею частью сохою, которая называется рогалюхой; за ней следует менее употребительный плуг — коляска или сабан и плуг — пермянка. Самый лучший из этих орудий, как признано крестьянами, плуг пермянка имеется далеко не у всех: недостаток денег (требуется около 5 руб.) и отчасти лошадей (требуется пара на один «выпряж») не позволяют гагарскому мужику завести эту роскошь. А рогалюху самому нетрудно сделать. Пахота производится обыкновенно в таком порядке. После двух, трех, иногда даже четырех посевов подряд поле вспахивается «на другой ряд», и пар готов. Большая часть пара идет под озимую рожь, а остальной пар идет к весне под яровое. Весной на пары преимущественно сеют пшеницу, ярицу, ячмень и редко овес. Кроме перечисленных хлебов, в Гагарах сеют горох, гречиху и полбу. При смене посевов на одном обыкновенно поступают так. На место сжатой ржи сеется яровое, положим, горох, после гороха всегда сеют овес, а после овса обязательно поле парят.

После посева хлебов сеют лен. Посев льна — самый для нас интересный. Кормить семью — дело мужчины, а одевать мужиков — дело бабье. Поэтому при посеве льна вошло в

обычай задабривать мужиков тем, что в льняные семена кладут вареных яиц. Поэтому мы и любили сеять лен. Отец высыпает в лукошко семена, а с семенами яйцо за яйцом вылетают: «Робята, берите». Прямо взять да и съесть яичко нельзя, нужно его сначала подбросить кверху да сказать: «Вырасти лен выше лесу стоячего». Говорят еще, чтобы лен хорошо родился, нужно сеять его нагишом, но мы это никогда не пробовали: стыдно, говорить-то все говорят, а раздешься, так на смех поднимут.

Кажется, простая вещь — семена для посева, а между тем не всякий гагарский мужик согласится продать хлеба на «сймена» — как говорят у нас в Гагарах. Особенно в этом случае дорожатся пшеницей. Опасаются, что от продажи хлеб выводится, а в пшенице сор да головня пойдут, хоть бросай. Отец у нас как-то купил полпуда пшеницы да и посеял. Пшеница родилась хорошая, на другой год еще лучше, а у старого хозяина как-то перевелась. Так отца-то за это прямо вражным и назвали и немало ругали, что пшеницу «не с добра» купил. На семена только и можно по знакомству продавать, а то Бог его знает, на какого наскочишь. Да и в одних ли семенах так поступают? И корову, и овечку, и гуся, и утку на приплод никто с бухты-барахты не продает: всякому свое.

В конце апреля или в начале мая у нас в Гагарах происходит неводьба. Человек десять или пятнадцать соединяются в артель для устройства невода. Каждый пайщик вносит определенную часть мерёжи, веревок для тетивы и прогона, кибасьев и наплавьев. Кибасьями называются просушенные куски глины в форме сплюснутого шара с отверстием посередине. Наплáv, или наплавки, готовятся большею частью из коры тополя, называемой сухариной или сухарником.

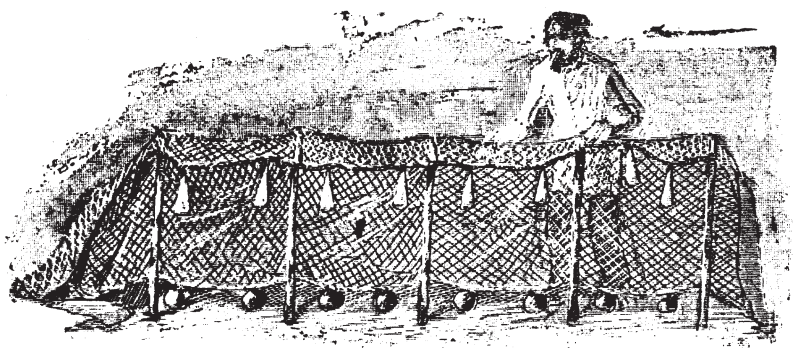
Невод составляется из полотна (мерёжи), которое с обеих сторон прикрепляется к тетивам — верхней и нижней; к нижней тетиве прикрепляются кибасья, а к верхней — наплавья.

К переднему концу невода привязывается длинная веревка-прогон. Задняя часть невода называется пятой. В этой части посередине полотна устраивается

матня́, представляющая из себя длинный, суживающийся к концу мешок из мерёжи. Около матни к верхней тетиве прикрепляется лóвда. Ловда есть не что иное, как две небольшие доски, сложенные под углом около 60 градусов. Она устраивается для того, чтобы своим колебанием показывать присутствие рыбы в матне.

Гагарские мужики полагают, что всякий лов — зверя ли, рыбы ли, птицы — нельзя вести без особого заговора, или «словинки», а потому в числе неводчиков всегда предполагается, что существует хоть один, который бы перед началом работы мог словинку прочитать, а в трудные минуты невод от порчи спасти и т.п. По мнению мужиков, невод, как и всякий человек, не застрахован от «порчи», которую вражные могут ему причинить⁵. Неводьба у гагарских мужиков составляет почти единственный

⁵ См. ниже.

Невод

Фитиль

Морда

род занятий, основанных на артельном начале.

Весной рыбу ловят еще мордами, удочкой, сетями, отчасти фитилями и редко переметами.

Об устройстве морды мы легко себе составим понятие, если представим пустой конус и с открытого конца его вставим внутрь такой же конус, только гораздо короче первого.

Границы оснований конусов совпадают, но между вершинами внутреннего и наружного конуса образуется пространство, в котором и находится добыча, не догадываясь выйти обратно через отверстие во внутреннем конусе. В остром конце внутреннего конуса для входа рыбы находится отверстие; подобное же отверстие находится и в наружном конусе для вытряхивания добычи, но во время ловли это отверстие закрывается втулкой. Морды плетут из прутьев тальника.

Они разделяются на два вида. Одни из них называются

намазушками, потому что внутри их намазывается приманка. Эти морды ставят в реке.

Для того, чтобы установить морды другого вида, необходимо в какой-нибудь протоке поставить жала. Каждый год, например, в Гагарах ставят жала в протоке, которая бежит из старицы в Туру. Жала приготавливаются из мелких древесных стволов, которые в нескольких местах соединяются между собою мочалом.

Среди жала в одном или нескольких местах оставляют места для установки морды. Как только вода начинает заметно убывать, рыба из старицы стремится по протоке в Туру и на пути попадает в морду. Около морд обыкновенно устраивают садки — отгороженные со всех сторон места в воде, в которые и опускается добытая рыба для сохранения. Подобные же садки устраивают и при больших уловах рыбы неводом.

Устройство переметов слишком известно, чтобы на нем ос-

танавливаться. Да переметов у нас почти вовсе не ставят, хотя и умеют их приготовить.

Другое дело фитили. Летом их хотя и редко ставят у нас, зато зимою мало найдется таких, которые бы не ловили рыбу фитилями.

Ловля рыбы посредством этих снарядов основана на той же мысли, по которой устраиваются морды. Разница только в том, что фитиль составляется из одного наружного конуса и нескольких внутренних; притом же он делается из мережи и, чтобы не сплющивался в воде, внутри имеет деревянные обручи. Кроме того, к открытому концу фитиля прикрепляют два крыла из мережи, а около каждого крыла пристраивают жал. Фитили устанавливают на реке около берега открытым концом навстречу течению. Ставя фитили, больше всего рыболовы рассчитывают на добычу налимов.

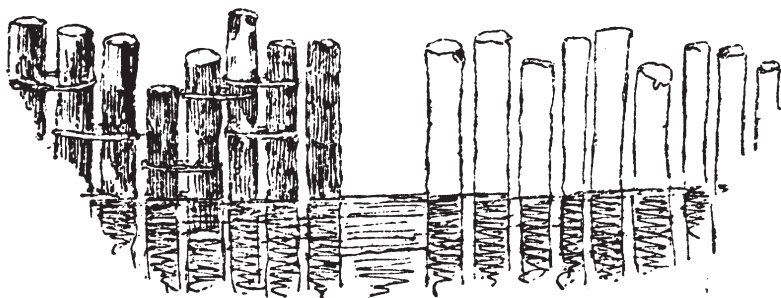
Во время весеннего разлива некоторые ловят рыбу сетями.

А после того, как разлив кончится и вода, как говорят, станет в трубу, начинается ловля рыбы удочками. Этому роду рыбной ловли серьезные рыболовы значения не придают и на удельщиков, как и на охотников стрелять, смотрят с пренебрежительным осуждением, так как «удой рыбы не наловишь». Впрочем, в последнее время гагарские мужики ухитрились на уду ловить язей и этим успели несколько возвысить свое занятие в глазах настоящих рыболовов.

При ловле язей для наживы, или насадки, употребляется рачье мясо.

Но никогда уженью не придается такого значения, как в ту ночь, в которую метляк⁶ падает. «В эту ночь успевай только закидывать — ведро легко можно наудить», — говорят

⁶ Метляками называют всякого рода бабочек. — Ф. З.

Чертеж жала, в середине которого находится место для установки морды

в Гагарах. Метляк падает только на Туре и представляет из себя бабочку белого цвета с толстым брюшком, какое вообще имеют все бабочки, принадлежащие к ночным.

Обыкновенно около полуночи над всей рекой поднимается огромное число описанных бабочек, которые падают и на воду, и на берег в таком количестве, что всей окрестности придают беловатый цвет. Крупная и мелкая рыба с жадностью бросается на этого рода добычу, и на поверхности воды легко можно заметить сильное движение и всплескивание рыбы в погоне за метляком. В это время рыба так же жадно и неразборчиво схватывает и метляка, посаженного на удочку. К какому виду относится этот метляк, существующий всего несколько ночных часов, я не знаю, но, вероятно, он имеет тесную связь с теми пичулями, которые живут в плотнейшем слое глины в норах по берегу Туры и чрезвычайно напоминают собой гусеницу. «Пичуль» представляет из себя также прекрасную насадку, и рыба в Туре на пичулей отлично клюет, между тем как щура⁷ она даже не нюхает. Поэтому на щууров удят только в Нице.

Заговорив о весеннем рыболовстве гагарских мужиков, нельзя уже кстати не упомянуть и о других (очень немногочисленных) видах рыбной ловли, практикуемых зимою.

Из зимних же способов ловли второе место после фитилей занимает ловля жерлицы. Жерлицей называется большая удочка (крючок), наживленная или червями, или мелкими живыми рыбками. Для постановки жерлицы продавливают во льду небольшое отверстие и ставят в него тоненький кол, к нижнему концу которого на поводке привязывается крючок.

Через известное время ходят «жерлицы смотреть», т.е. вынимать добычу и наживлять крючки. При ловле жерлицами главным образом рассчитывают на налимов.

Если к описанному еще прибавить о том, что тотчас же после того, как река покроется льдом, гагарские мужики имеют обыкновение глушить рыбу посредством удара по льду особым кием, то исчерпаются все способы рыбной ловли в описываемой местности.

В заключение описания рыбного промысла необходимо заметить, что в настоящее время все чаще и чаще слышатся жалобы на оскудение рыбы. Причину этого печального явления крестьяне видят в появлении пароходов, которые «пугают рыбу». Такое же значение придается и ракам, появившимся в Нице в огромном количестве. На раков в Гагарах смотрят, как на антихристов, явившихся перед концом полного исчезновения рыбы. Я с умыс-

⁷ Щууром называется дождевой червяк. — Ф. З.

лом употребил слово «антихристы»: население Гагар в появлении раков, которых раньше не было, видит подтверждение своих слишком распространенных убеждений об антихристе: «правда ведь в писании сказано: последние времена живем — все хуже да хуже».

Самою ценною рыбою считается нельма, которую добывают только большими неводами в Нице, за нельмою следует налим, язь, щука, чебак, окунь, ерш, мезкозоб. В озерах ловят еще карасей.

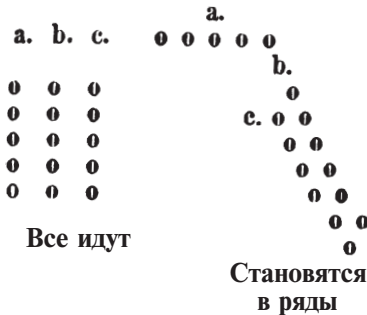
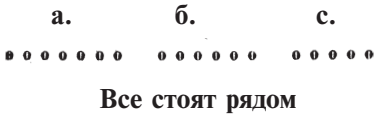
III *Троицын день*

Троица представляет из себя годово́й праздник. О Троице в Гагарах бывает ярмарка. Прежде других торгашей, за неделю до праздника, наезжают холстеники — так называют купцов, которые холсты набирают. Во всей Гагарской волости, после того как мужики разъедутся по полям, бабы принимаются ткать холсты на продажу и для себя. Для продажи идут холсты грубые, из толстых ниток, и красная цена им — 5 копеек за аршин. Но ткать их считается выгодным вследствие того, что это единственное занятие, которое дает женщине возможность, не выходя из дому, заработать копейку. К Троице варят пиво в Гагарах, и в праздник, после обедни, в каждом

доме собираются гости. Первое угощение, которое хозяева предлагают гостям, заключается в пиве. Пиво подносят в стаканах на подносе поочередно то один, то другой из хозяйской семьи. После угощения пивом в таком же роде подносят гостям в рюмках вино. Наконец собирают на стол и сажают за него гостей. После стола, а также во время стола продолжается угощение пивом и вином. За стол садятся гости: садиться хозяевам вместе с гостями считается предосудительным. После стола подвыпившие гости обыкновенно начинают петь песни. Пляска или танцы бывают чрезвычайно редко. Еще реже можно слышать какую-либо музыку в подобных собраниях. Самым употребительным инструментом в Гагарах является о г р а м о н и я⁸, затем б а н д у р а и б а л а л а й к а. На тех из молодых ребят, которые имеют ограмонию или бандуру, в Гагарах смотрят как на людей, из которых путного ничего выйти не может.

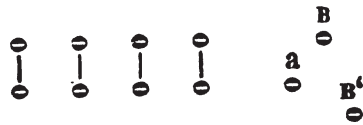
Вечером в Троицын день молодые люди обоих полов собираются на «п о л я н к у» — так называется праздничное сборище, происходящее на берегу реки Ницы. На полянке девицы и молодцы, взявшись за руки и составивши несколько рядов, ходят один ряд за другим, распевая песни. Это называется х о д и т ь в к р у г у.

⁸ В которой читателю нетрудно узнать гармонику или гармонию. — Ф. З.

Вся игра состоит в том, что, пройдя некоторое расстояние, первый ряд (а) становится на сторону, рядом с ним становится другой ряд, затем третий. Когда все ряды установятся в описанном порядке, тогда начинается движение снова: первый ряд опять идет вперед, за ним второй, третий. Далее, когда все ряды придут в движение, первый ряд опять становится на сторону и т.д.

На полянке же играют к а р а у л о м . Играющие делятся на пары и становятся одна пара за другой. Один или одна из играющих становится н а к а р а у л . Игра состоит в том, что пары поочередно выбегают вперед, а стоящий на карауле во время бега старается поймать их. Если ему это удастся, то он вместе с пойманым игроком составляет пару, а оставшийся становится на караул.

а — стоящий на карауле,
в и в' — бегущая пара

На полянке же играют в о р о т ц а м и . Двое из играющих, ставши на некотором расстоянии друг от друга, образуют собою два столба. Затем, поднявши вверх по одной руке, они держат в них платок, заменяющий перекладину на воротах.

В эти воротца пробегает одна пара за другой.

Каждая пара, выбежавшая из воротец первую, становится также, образуя новые воротца, и т.д.

Одну из самых необходимых принадлежностей п о л я н к и составляет борьба. Обыкновенно борцы из верхнего конца борются поочередно с борцами из нижнего конца. Но в большие, годовые, праздники обыкновенно оба «конца» соединяются для совместной борьбы с пришедшими из других сел и деревень борцами. Борьбу ведут только двое, остальные же в качестве любопытных окружают место борьбы толстым живым кольцом.

Борьбу всегда открывают маленькие борцы.

Каждый борец, выходя в круг, должен быть повязан через одно плечо и вокруг себя опояской.

Цель борьбы заключается в том, чтобы уронить противника на землю три раза. Кто успеет это сделать раньше другого, тот считается победителем. В случае, если один борец падет три раза, то другой выходит на выручку.

Практика строго установила известные приемы борьбы. Самый легкий удар с носка делается в начале борьбы и заключается в том, что борец старается уронить другого, ударивши его боковой частью ступни по ногам. Следующий прием называется с п я т к и : один из борцов пятку правой или левой ноги (смотря по тому, какой он лучше владеет) закидывает за пятку другого борца. Еще есть прием брать своего противника с к р ю к у . Для этого ногу закидывают за ногу противника с внутренней ее стороны. Затем последний прием носит название с х о л к и и состоит в том, что один борец старается подвернуть под живот противника свою спину и таким образом, перебросивши через себя, уронить на землю. Каждый хороший борец обыкновенно роняет противника посредством какого-либо одного из описанных приемов борьбы. Во время борьбы опускаются руками от о п о я с к и строго воспрещается. От маленьких борьба постепенно переходит к большим. В конце концов остается самый искусный борец, которого никто не мог побе-

дить, и он, как говорят, у н о с и т к р у г . Унести круг — это значит одержать такую победу, которая служит предметом гордости не только для самого борца, но и для всего «конца» или деревни, к которым он принадлежит. Поздно вечером перед утром кончается борьба, а вместе с нею и «полянка».

Назавтра Троицына дня, как думают в Гагарах, бывает земля именинница. Плевать в этот день на землю считается за грех.

IV

Межённое время и страда

Жаркое время в июне месяце носит название межёни. На межённое время в Гагарах смотрят как на время трудное, в течение которого жить следует со всевозможной опаскою. В это время выпуская домашний скот на покотину, гагарские мужики, дабы избавить его от влияния нечистой силы, приобретающей в это время особенное значение, делают на нем смолою кресты. Чтобы подобным же образом предохранить и людей, на кресты им лепят воск. В такое время отец всегда нам советовал ходить с молитвою. Самую важную в этом случае молитвою считается: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Некоторые строго определенные места в лесу и в реке во все это время, и в осо-

бенности в полдень, советуют решительно избегать, так как тут временами д é к у е т с я, т.е. обнаруживается присутствие нечистой силы. При упоминании о нечистой силе у нас имеют обыкновение или отплюнуться, или перекреститься и сказать: «Не слушай, святая хоромина, не к нам будь сказано». Межень обыкновенно совпадает с Петровым постом, в течение которого заботливые хозяйки копят творог для так называемого кислого молока, сметану и масло. Чем больше Петровки, тем выгоднее для хозяек, потому что в промежутке⁹ ни сметаны, ни масла накопить не удастся. Межённое масло считается самым лучшим и добродетельным.

В межень пахота и кончается, но крестьянину нельзя оставаться без дела. В Петровки, пока еще не настала страда, мужики успевают навоз на поля вывезти, полозья загнуть, дубу надрать, лутошки поснимать и пр., и пр.

Срубленные в марте облеса для полозьев теперь правят и гнут. «Полозья гнут с терпением и не вдруг». Березовые облеса, выправивши топором, кладут в печь парить, а потом уже начинают гнуть. Почти в каждом дворе имеется ко л о д а, на которой гнут полозья; затем б á л о, вокруг которого загибается полоз. В углубление, сделанное в передней части

бала, вкладывается к у р и ц а, приспособленная для загибания головы полоза. На курицу надевается железное кольцо.

Вершина полоза постепенно пригибается к трубице, и весь полоз загибается вокруг бала. Загнутые полозья ставят в особо приготовленный около дома п р и с т е н о к, где они и остаются до снегу, пока не просохнут. Зимой из этих полозьев и другого материала делают сани.

В числе прочих материалов, необходимых для изготовления саней, следует упомянуть о х р я с л и н а х и д ў г а х. Хряслины, приготовляемые в меженное время, представляют из себя нетолстые стволы березы без коры длиной коло двух сажен. Дуги загибаются также из тонких березовых стволов, с которых снята кора.

Вследствие развития кожевенного дела в Тюмени существует большой спрос на д у б. Так называют у нас засушенную кору, содранную с кустарников тальника и пр. Эта кора особенным образом свертывается и связывается в п у ч ё н и. Для того, чтобы составить воз, требуется около сотни пучень. Цена хорошего воза не бывает больше трех рублей. В меженное время в Тюмень свозится дуб в огромном количестве. Дуб дерут даже в тех деревнях, которые отстоят от Тюмени на 100 верст и более. К числу занятий

⁹ Так называется время между постами, или говеньями. — Ф. 3.

меженного времени относится также обдирание лутошек и приготовление мочала. Лутошками называются срубленные стволы липы.

Вслед за меженью наступает страда. Около Петрова дня и косить нужно готовиться, и пары на другой ряд орать. Около Прокопьева дня (8 июля) уж все «зачинают» косить, грести, т.е. собирать сено в валы, котом копать, т.е. строить копны, а из копен — зароды. Большие зароды отец у нас называл еще амметами. Не успели еще поставить сено, как хлеб поспел. Целые дни бьется народ за работой, как рыба об лед: с сука на сук, а в недосуг. На полях появляются кучи и суслоны. Кучи делают стоячие и лежащие. Лежащие кучи или четырнадцатерики (по 14 снопов) ставят на полях в хороший урожай. Если же хлеб родился редкий и снопов на поле немного, то ставят в осьмерики — кучи по 8 снопов каждая. Суслоны делают больше из ржаных снопов, когда хотят их скорей просушить. Для этого ставят три снопа вверх колосьями, а четвертым снопом закрывают, надевая его на первые снопы так, как надевают бумагу на сахарную голову. Но вот и жатва кончается. Дожинают последнее поле. Самые последние колосья этого поля не жнут, а перевязывают их травой и оставляют в таком виде **М** и **к** о **л** е

на бородку, дабы святой угодник и на будущий год не оставил послать урожай

После жатвы начинается клáди во, кладут хлеб в гумна и остожья. С тех полей, которые находятся недалеко от гумен, хлеб свозится в гумна; на дальних же пашнях около полей строят остожья¹⁰ и в них оставляют хлеб до зимы.

В половине сентября страда обыкновенно кончается, отворяют ворота в поле и пускают скот. Весной до уборки хлеба ворота заперты, и скот ходит в поскотине.

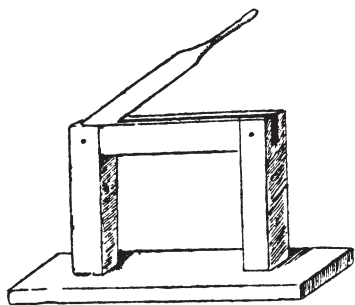
V

С прекращением страды начинаются новые заботы и работы у гагарских крестьян. Ребята почти поголовно становятся пастухами, гоняют коров в поле пасти, а мужики около дома управляют. Бабы в огородах картовки да морковь копают, капусту режут да солят. Убрались только с огородом, надо с куделей управляться: лен да конопль мялкой мять, трепалом трепать да щетью чесать. Вычесали — прясть, а весною ткать да продавать.

На следующей странице помещены чертежи тех снарядов, при помощи которых лен превращается в нитки и холст.

Вывранный с корнем лен сначала расстилают на скошенном лугу, и когда он достаточ-

¹⁰ Остожье — загородь, в которую складывается хлеб или сено. — **Ф.З.**

1) Мылка.

2) Трепага

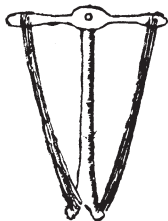
3) Щеть.

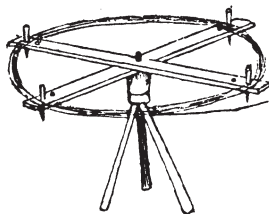
4) Прялица.

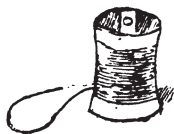
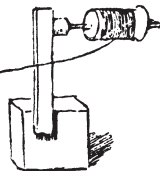
5) Веретено.

6) Мотовило.

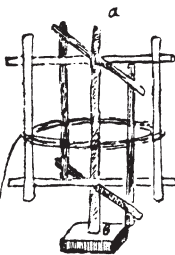
7) Ворсы.

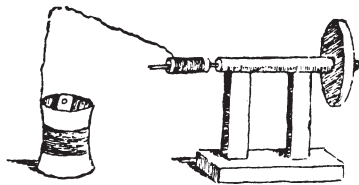
8) Турякъ.

9) Самосновы.

Челнок

10) Скально.

Цѣвки.

но «у л е ж и т», т.е. когда стволы его сгниют и сделаются хрупкими, тогда лен поступает под мялку. Здесь от него отлетает ненужная к о с т и к а. Еще больше выделяется костики, когда лен треплют трепалом. Из-под трепала, кроме костики, изо льна отделяются клочки, которые собираются и составляют низкий сорт кудели, называемый и з г р ё б я м и. Под щетью лен окончательно очищается, причем получают-ся два высшие сорта кудели — п á ч е с и и л е н. Пачеси представляют из себя клочки кудели, отделяющейся при чесании щетью. Точно такой же переработке подвергаются к о н о п л ё и п ó с к о н ь¹¹. После этого кудели поступает на прялицу, а с прялицы в виде ниток на веретено, или веретно. Веретно с напряденными нитками называется п р ó с т н е м (п р ó с т е н ь). С простней нитки для вытягивания поступают на м о т о в и л о, где каждые три нитки перевязываются и носят название ч í с м е н к и; 10 чисменок составляют п á с м о. Из неопределенного числа пасм составляется м о т. Мот поступает на в о р ó с ы, с которых сматывается на т ю р и к. При помощи с а м о с н о в о в пряжа с тюриков сматывается и приводится в та-

кой вид, что ее легко можно навить на к р о с н á и ткать. Пряжа, натянутая на к р о с н á, называется основой; другая часть пряжи остается на тюрниках и называется у т к о м. Уток с тюрিকা наматывается на цевку, которая вставляется уже в челнок. Основа в крósнах продевается в две н и ч е н к и и одно б ё р д о. Бёрдом действуют для того, чтобы придать холсту ту или другую прочность. Ниченки же, помешающиеся как раз за бёрдом, имеют целью разделять основу на две части — верхнюю и нижнюю. Каждая ниченка соединена с особою подножкой. При нажимании подножки книзу она тянет соответствующую ниченку вместе с продоетою в нее половинною основы также книзу, а другая часть основы приподнимается вверх. В образовавшееся в основе отверстие и проскакивает челнок, оставляя нитку, которая прихлопывается бёрдом.

В конце сентября, пока еще не выпал снег, взрослые ребята и мужики рубят к р я ж и, а иногда, в случае надобности, отправляются в м а т е р ú, или материк, бревна рубить для постройки домов.

Осенью же, пока земля не промерзла, отец у нас ходил о ч е п á ставить для того, чтобы зимой по снегу зайцев ловить. Устройство очепов следующее.

¹¹ Пóсконью называются те стебли конопли, на которых находятся се-режки с цветочною пылью. Пóсконь рвут раньше конопли. По этому по-воду в Гагарах сложилась поговорка: «Дай Восподи конопля и поскони». В переносном смысле «всех удобств». — Ф.З.

Предварительно отыскивается в лесу заячья дорожка или тропа. Где-нибудь в тесном месте около этой тропы ставится в землю кол приблизительно трех аршин высотой с виллообразною верхушкою. На этот кол кладется очеп, который представляет из себя не толстый ствол березы или осины. В землю около самой тропы вбивается маленький колышек, на который надевается сделанный из мочала **п о д п е т е л ь н и к**. Пока этим и ограничивается устройство очепа.

Впоследствии, когда выпадает снег, зайцы обыкновенно не бросают летней тропы, а продолжают по ней бегать. Тогда к очепу привязывают петлю и настораживают на тропу. По общепринятому мнению, зайцев ловить может не всякий, а только тот, кто знает «с л о в и н к у», т.е. особый наговор. А словинку знают немногие, поэтому и зайцев ловят лишь некоторые крестьяне.

Как только наступили длинные осенние вечера, мать напряла изо льна тонких и ровных ниток, из которых отец стал петли скать. Петли скут с большими предосторожностями, умывая каждый раз руки. Сосканные петли трут **ч а г о й**. Чагой называется губка, которая вырастает на березах и других деревьях. Лучшее чагой для петель находят чагу дерева, которое за свои светлые блестящие листья именуется светлолистником. Эта губка, как и все относящееся к петлям, также сохраняется в особенной чистоте.

К петлям необходимо иметь еще **ц ё в к и** и **с т о р о ж к и**. Цевки больше всего делаются из калины, сторожки из черемухи. Для цевок выбирают калиновые палочки толщиной в палец, разрезают их на кусочки в два вершка каждый и сердцевину их проталкивают особо приготовленным же-

Жыгало.

Цёвка.

Сторожка.

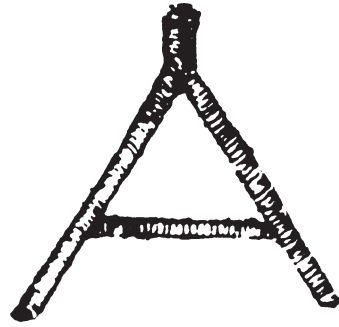
лезным прутом, или жигáлом. Сердцевина не всегда легко выталкивается, тогда жигало раскаляют в огне и выжигают им цевки. Сторожек представляет из себя коротенький кусочек черемухи с зарубкою на одном конце.

На самый конец петли привязывают цевку, а другой конец продевают в петлю и привязывают к нему сторожек.

К ловле зайцев приступают как к какому-нибудь священнодействию. Перед отправлением в поле все петли окуриваются. Для этой цели служит растение багульник (дикий розмарин). При выходе из дома читают молитву или словинку и стараются из деревни выйти незамеченными. Даже разглашение о том, что сегодня у нас отец ушел петли ставить, подвергалось строгому запрещению. Отец с своей стороны принимал все меры к тому, чтобы добычу из петель таскать незамеченной. Для этого он, когда «добывал» зайцев, складывал их где-нибудь в лесу и привозил потом на лошади, незаметно для посторонних. Сохрани Бог, если зайца из петли украдут, после этого хоть ловлю бросай: и попадать зайцы не будут, и вороны будут клевать попавших, и пр., и пр.

Ряд поставленных в лесу петель составляет пúтк, который принадлежит по обычаю тому, кто его раз занял в продолжение нескольких лет.

Дома шкура с зайцев снимается и сушится на пнях.

Пята с распоркой посредине

VI

Тотчас после страды девицы открывают в ечёрки. Обыкновенно какая-нибудь одинокая старуха, забитая до крайности нуждою, соглашается пустить к себе на зиму вчёрку. Тогда и уговариваются в цене. Всех вечеров в Гагарах устраивается до пяти. На одной из них, например, каждая девица платит по 25 копеек за зиму, и, кроме того, каждый праздник она должна принести хозяйке калач и туесок пива; на другой вечерке платят по 10 копеек да по возу дров с обычными пивом и калачами на праздник. Вся слобода Гагары разделяется на два конца — верхний и нижний, из которых каждый чувствует себя, как нечто самостоятельное целое и

различает «своих» и «кончанских», т.е. живущих в другом конце. Жители одного «конца» относятся к жителям другого почти враждебно. По крайней мере такое утверждение справедливо относительно молодежи, которая появление своих товарищей по летам из другого конца приветствует особо сложенной для этого поговоркою: «кончанской хлам привалился к нам». Ухаживать за девицей из другого конца по меньшей мере рискованно, так как кончанские ребята того и гляди поколотят смельчака. Этот антагонизм весьма отражается на посетителях вечеров. Каждая вечерка имеет посетителей из своего конца. В будни на вечерки девицы ходят с работой, чаще всего с прялицей или шитьем. Приходят иногда и ребята посидеть, но игр в это время совсем не бывает. За работою часто поют проголосные песни.

Проголосными называют те песни, которые поются протяжно. Другое дело о празднике. Тогда совсем не берут прялиц да швеек или, если берут, так разве для славы. Придут молодцы и скажут: «Ну-ко, девисы красны, писенку нам», — не отказывать станешь. В этих случаях поют уж не проголосные песни, а особые, которые поются скоро и неизбежно оканчиваются приглашением поцеловаться. Вот одна из таких песен¹²:

*Косят девки лебеду, лебеду
Телятишкам на еду, на еду.
Телятишки не едят травку.
Разженатый не солуй¹³ деву,
Хоть того хуже холостой,
холостой,
Разженатой
под полатями постой,
Посолуй-ко меня,
парень молодой.*

Во время пения подобных песен молодцы ходят по комнате взад и вперед, взявшись за руки, и по окончании песни приглашают девиц целоваться. Плясать в Гагарах умеют, но плохо, и пляшут на вечерках редко, почти все увеселительные занятия на вечерках исчерпываются вышеприведенным. В большие праздники, как в Миколу и в Рождество, на вечерку собираются с исключительной целью — поиграть. Накануне Нового года обыкновенно собираются на вечерку ворожить. Какой-нибудь молодец из грамотных приносит Оракула или «Царя Соломона» для ворожбы; или же льют в воду воск, олово, ходят слушать на сенник, на церковную паперть, ставят на гумнах в снег носилки и утром смотрят: в которую сторону упала носилка — в той стороне живет и жених.

Кроме вечеров, ворожба на Новый год происходит и в домах, где по царю Соломону ворожат старики и старухи.

На святках вечерки обыкновенно бывают битком наби-

¹² Другие подобные песни см. ниже.

¹³ Не солуй — не целуй.

ты. То в дело приходят нарядчики (т.е. ряженные, замаскированные), поют песни, целуются — дым коромыслом. Около Нового года водят коня. Коня водят с большим торжеством, и за ним с вечерки на вечерку всегда ходит большая толпа любопытных. «Конь» изготавливается так: делают чучело конской головы и привязывают к ней множество колокольчиков и бубенчиков, украшают разноцветными лентами, а вместо туловища прикрепляют к голове белую простыню. Один из нарядчиков на свою голову надевает голову коня и, завернувшись простынею, представляет коня; другой нарядчик водит коня. С конем ходят еще и другие нарядчики, кроме жоака. Без коня ни одни святки не проходят, так как конь составляет верх маскарадного искусства гагарской молодежи: без него и святки не святки.

Большой популярностью у нас пользуется также медведь. Один нарядчик надевает шубу на выворот и представляет собою медведя, другой — его жоака.

Помимо описанного, нарядчики причиняют много хлопот и девицам, и хозяйке вечерки. Например, толпа нарядчиков, почему-либо не благоволящая к известной вечерке, вздумает погáлить с я (поиздеваться) над нею: наберет в мешки снегу и придет на вечерку «мукой торговать», среди

комнаты высыплет мешков пять снегу и уйдет, а вслед за этой толпой прибежит другая — «рыбой», т.е. со всякой дрянью в мешках, и подобно первой оставит ее на полу.

Без торговли мукой или рыбой уже тоже ни одна вечерка на святках не обойдется.

Святки прошли. Наступает своим чередом Крещенье.

Накануне этого дня нас с братом заставили ставить мелом кресты на верхних косяках у всех окон и дверей в доме, в снях, в хлевах и пр.

О Крещеньи в Гагарах — гостиный праздник. Как отойдет обедня, целый день гости да гости — с ног просто собьешься.

После обедни в Крещенье ходят на Ердань, и старики замечают, что если стояло облачное небо, то хлеб на весну родится, а ясное — ждать неурожайного года.

Говорят еще, чтобы смыть с себя грехи, сделанные на святках, следует в Крещенье окунуться в Ердани.

Зимой хоть и много работы, но все же не столько, как летом. А ребятам и всю зиму почти что нечего делать. Наше дело только коров да коней сгонять на водопой к колодцу или на ручей. Зимой мы с братом в школу ходили. Училище у нас в Гагарах существует недавно, и грамота распространяется туго. До 1870 года училища совсем не существовало, и насе-

ление было поголовно безграмотное. Около 1873 года впервые учреждено сельское училище и прислан особый учитель. Ранее же обучению детей посвящал часть своих досугов сельский священник.

В зимнее время отец со старшими братьями днями ездили по сено да по дрова, а вечером санничали. Выделка саней производится в следующем порядке. Сначала высушенные полозья вынимают из пристенка и правят топором, придавая им такой вид, в котором они могут идти на поделку. Далее полозья режут. Для этого существует два вида резок — широкая и мелкая, которыми и проводят ряд симметрично расположенных бороздок на наружной стороне выправленных полозьев.

После чего долотом в верхней части полозьев делают пять углублений для копыльев.

Каждый копыль соединяется с копылом, лежащим против него на другом полозе, посредством вяза.

После того, как два полоза вязми соединены между собою, на верхнюю часть копыльев набивают ащепы и соединяют с ними головку саней посредством вязьев. Следующею работою является навешивание хрясел. Для этого две отдельные хряслины прикрепляют концами к головкам саней. Другие же концы хряс-

лины набивают на дугу в задней части саней. Еще ближе к концам хряслины набивают на перечень. После этого сани почти готовы. Остается только вставить лубок поверх вязьев между нащепами, впутать хрясла веревками и осмолить.

В зимние сумерки вся семья обыкновенно сумерничает, т.е. забирается на печи да на полати отдыхать. Вот в эти-то сумерничанья мы, ребята, и слушали сказки да загадки от взрослых. Во время этих же сумерек мы знакомились с соседками да букарицами. Согласно рассказам, соседка я представлял себе жителем подполья. Старшие рассказывали даже, что бабушка видела в подполье соседка, и хотя я соседка сильно боялся и в подполье один никогда, даже днем, не ходил, но, по рассказам, это был старик добродушный, который худо сделать никому не желает. Бывает иногда, что соседко по ночам давит людей. Но и это не всегда кончается дурно. Обыкновенно тот, кого он давит, всегда спрашивает: «К худу или к добру», и соседко всегда отвечает: худо или добро следует ждать. Суседко любит хозяйничать над скотом. Какую лошадь полюбит — та и конь конем ходит, какую возненавидит — ту замучит и со свету сживет. Больше всего на нелюбимой лошади соседко воду возит. Говорят, что в прежние годы какой-то хозяин заметил, что су-

седко уж сильно лошадь измучил, взял да на водовозном чану и сделал дыру. Суседко приехал на прорубь, черпал, черпал, начерпать не мог и примерз ко льду. Тут его утром и взяли.

Но вообще говоря, зимой у нас домашней, лесной, водяной нечистой силе такого значения не придают, как летом.

Проходит зима с своими длинными ночами, снова наступает февраль, а вместе с ним и масленица. На масленице у нас,

как и везде, блины едят, с катушек катаются, на конях гуляют, а в прощенный день (так называется последний день масленицы, потому что в этот день у нас принято, чтобы все и каждый просили друг у друга прощения) строят и ломают города¹⁴.

За масленицей подходит батюшко Василий Капительник, дроворуб, пахота да страда подвигаются в своем неизменном порядке из года в год.

---

¹⁴ Об устройстве масленичного города будет сказано особо.

Колмогоров Александр Григорьевич родился 7.11.1945 г. в пос. Лазаревское г. Сочи Краснодарского края. Окончил строительное училище, среднюю школу рабочей молодежи, Краснодарский политехнический ин-т (заочно) в 1970 г., спецфак при ИНХ им. Г.В. Плеханова в Москве по специальности инженер-строитель. Работал в строительных и проектных организациях. Прошел все ступени роста от учащегося ПТУ до нач. отдела министерства. В настоящее время начальник отдела одной из московских строительных фирм.

Увлекается историей, поэзией, много путешествовал, работал в археологических экспедициях. Изучает генеалогию своего рода. Публикуется впервые.

Надежда Лухманова

Эссе

Корни моих предков (по линии матери) покоятся в тюменской земле. Первое найденное мною на сегодняшний день упоминание о Колмогоровых в Тюмени относится к 1618 г. В «Дозорной книге» №5 по Тюменскому городу и посаду за 1624 г. из 132 жителей конкретно упомянут отставной служилый пеший стрелец Богдан Федоров Колмогоров с сыном как имеющий двор в остроге.

Две вещи дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

А.С. Пушкин

1. Первая любовь

26 декабря 1996 года умерло, исключено из книг Морс-

кого регистра России, продано на металлолом иностранной компании сухогрузное судно-трудяга «Капитан Лухманов».

А 50 лет назад — 18 июня 1946 года в Москве, окруженный женами, детьми и внуками, в возрасте 79 лет незаметно ушел из жизни старый «морской волк», просоленный и пропахший морскими ветрами и водами всех широт, потомственный дворянин, капитан дальнего плавания, доктор мореплавания, поэт-романтик, художник и писатель-маринист, один из первых Героев Труда РСФСР, легенда российского торгового флота, отдавший ему 64 года жизни, Дмитрий Афанасьевич Лухманов.

Родился Д.А. Лухманов в С.-Петербурге 25 августа 1867 года. Его рождение стало при-

чиной скандала в «любовном треугольнике»: между замужней 22-летней потомственной дворянкой, выпускницей Павловского института Надеждой Александровной Байковой, ее мужем Афанасием Дмитриевичем Лухмановым, 43-летним купеческим сыном, отставным подполковником, и 28-летним потомственным дворянином, штабс-капитаном Виктором Михайловичем Адамовичем (родился 6 августа 1839 г.).

Справка. *Адамовичи — несколько дворянских старинных родов шляхетского происхождения, записанных в родословных книгах Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Смоленской губерний.*

Виктор Михайлович был верным царю и отечеству. На таких всегда держалась армия. Окончив первый кадетский корпус в Москве, вступил 6 июня 1857 года в службу 17-летним прапорщиком.

Из стрелковой офицерской школы (20.09.1861—1.09.1862 гг.) вышел с наградным почетным оружием «За окончание курса лучше прочих». За отличную службу несколько раз производился в последующие воинские звания досрочно. Могли ожидать молодой офицер, что его командировка в С.-Петербург в Николаевскую инженерную академию (4.06.—28.12.1866 г.) и невинный вначале роман с замужней Надеж-

дой Александровной и семейный скандал будут иметь такие последствия: провал на экзаменах в Николаевскую академию Генштаба, а затем рождение сына.

Кто отец Мити — осталось тайной семьи.

В 1870—1872 гг. родились братья Борис и Александр, сестра Мария. Виктор Михайлович считал Митю своим сыном и был несказанно удивлен и обижен его поступком, когда в 1888 году, по достижении совершеннолетия (в 21 год, по российским законам того времени), Дмитрий взял фамилию «первого» мужа матери. До этой даты Митя носил фамилию Адамович, которой подписывал и первые свои литературные публикации, начиная с рассказа «Спасение экипажа» в журнале «Русское судоходство» (1886. №№7-8). Закулисным мотивом этого факта, скорее всего, являлась надежда матери на получение сыном доли наследства Д.А. Лухманова.

Свою мать Д.А. Лухманов боготворил, никогда не осуждая ее поступков, увлечений, замужеств, трех разводов, фактически лишивших всех ее детей полноценного семейного счастья. Очевидно, он предчувствовал, что гены матери, переданные ему, привнесут и в его жизнь аналогичные семейные сложности. Фотография матери всегда стояла на его письменном столе.

Брак по любви с Виктором Михайловичем, уездным воинским начальником, выслужившим к своим 43 годам всего лишь чин подполковника, к тому же азартного игрока, у чувственной Надежды Александровны не сладился. Ей явно не везло с военными. После 15 лет совместной жизни супруги летом 1882 года расстались, так и не оформив официально своих отношений. Резали по живому: 11-летний сын Борис, будущий генерал-лейтенант, военный историк и педагог, остался с отцом; 10-летняя дочь Мария, кроткая девочка с печальными глазами, уехала с матерью в С.-Петербург, тяжело переживая разлуку с отцом и братом.

А В.М. Адамович вскоре женился (уже законным браком) на 18-летней девице Е.С. Вейберг из совсем небогатой семьи. В этом браке он стал отцом еще четырех детей (Владимир, Ольга, Тацианна, Георгий — сводные братья и сестры Мити, Бориса и Марии). К 59 годам таки дослужился до чина генерал-майора, награжден орденами св. Владимира 3-й степени, св. Анны 2-й степени, св. Станислава 1-й степени. Умер 21 апреля 1903 года на посту начальника Московского военного госпиталя в возрасте 63 лет.

Усердие Виктора Михайловича (в походах и сражениях не участвовал, но выслужил 45 лет 3 месяца и 17 дней) не было забыто после его смерти. По

представлению Главного штаба и с согласия министра финансов С.Ю. Витте семье покойного была назначена повышенная пенсия (как генерал-лейтенанту) в 1290 рублей вместо положенных 860. Были зачтены командировка в Болгарию (12.07.1877—1.06.1878 гг.) и исполнение им какое-то время должности полицмейстера г. Тырнова, труды в первой всеобщей переписи населения России в 1897 г., экономия (свыше 100 тысяч рублей) сметы затрат по содержанию Московского военного госпиталя в бытность его директором.

2. Генеральский сын

Интересна и необычна судьба второго (среднего) сына Н.А. Лухмановой Бориса Вик-

Б.В. Адамович

торовича Адамовича (15.11.1870 — 22.03.1936 гг.), упоминавшегося нами выше (третий сын Н.А. Лухмановой Александр Адамович умер в младенчестве). Окончив 3-й Московский кадетский Императора Александра III корпус и 2-е Константиновское военное училище в 1890 году в чине подпоручика, он в октябре 1917 г. вышел в добровольную отставку с производством в генерал-лейтенанты (с орденами св. Владимира 3-й степени, св. Анны 1-й степени, св. Станислава 1-й степени — все с мечами, прусским орденом Короны 3-й степени с мечами (от 4.01.1908 г.), кавалерским орденом Франца-Иосифа (от 12.10.1897 г.), наградным Георгиевским оружием и уехал из Петрограда на родину отца в Миргород.

Литературную деятельность (наследственность и влияние матери) начал стихотворением «Карагачская годовщина» в военно-литературном журнале «Разведчик» за 1892 г., №82, посвященным памятной бою (4 января 1878 г.) Кексгольмского полка в войне 1877—1878 гг. с Турцией.

С закатом Карагач туманный
Тревожно дремлет, грозный сон
Восстал пред ним,

и голос бранный,

Орудий гром и сабель звон
Он в страхе слышит: крик «Ура»
Несется мощно, залп, удар!..
Войны кровавая пора
Пред ним восстала....

Активно публиковался в военной периодической печати как автор военно-практических (технических), публицистических трудов. Отдельными изданиями в жанре беллетристики издавал военно-исторические рассказы и повествования. В 1910 году в Варшаве вышла книга «Кексгольмская слава», а в 1935 г. в Париже — «Трыстень». Основным его литературным трудом (в течение восьми лет шел сбор материала) стал трехтомный сборник военно-исторических материалов лейб-гвардии императора Австрийского Кексгольмского полка (СПб., 1910 г.), основанного Петром I в 1710 году.

С началом русско-японской войны 1904—1905 гг. Борис Викторович в звании капитана отправился добровольно из гвардии на театр военных действий (в Маньчжурию). Находился в действующей армии с августа 1904 по октябрь 1905 гг., принимая непосредственное участие во многих боях под Анпином, Лаояном, у Сыквантунской сопки, на реке Шахе и др. Воевал достойно, хотя не был ни ранен, ни контужен. За кампанию награжден четырьмя орденами различных степеней и произведен в подполковники (26 октября 1905 г.).

Осевым стержнем профессиональной биографии Бориса Викторовича стали способности военного педагога, проявившиеся в службе на должности

командира батальона Киевского военного училища, затем блестяще реализованные на должности начальника Виленского пехотного юнкерского (позднее его тшанием реорганизованного в военное) училища. Девизы виленцев были известны всей армии: «Виленец один в поле и тот воин», «К Высокому и Светлому знай верный путь».

Здесь применялись необычные для того времени новаторские приемы военной педагогики: тактические выходы в поле, ночные учения, право на отпуск через экзамен, практические занятия старших юнкеров с младшими и молодыми солдатами рот гарнизона, двухнедельные походы с решением тактических задач (командовали отделениями, взводами и ротами при этом выпускники училища по очереди), разбор учений (с докладчиками юнкерами). В походах юнкера знакомились с боевыми кораблями и возможностями флота, фортификацией и т.д. Заслуги Бориса Викторовича в 43 года отмечены производством в генерал-майоры (14.04.1913 г. по гвардейской пехоте). Пример того, как дети идут дальше своих отцов. Аналогичное звание В.М. Адамович получил только в 59 лет.

Позднее (с 5 января 1916 по 12 октября 1917 гг.) способности Бориса Викторовича как организатора процесса военно-

го обучения были вновь востребованы на должности помощника военного министра — инспектора военных училищ и школ, ведавшего подготовкой резервов офицерских кадров воюющей армии. Его имя было необычайно популярным в среде молодого офицерства.

Деятельного участия в белом движении Борис Викторович не принимал, но не принял и советскую власть, эмигрировав из Сочи на паруснике «Роза» в Турцию, а затем в королевство СХС (с 1929 г. — королевство Югославия). Обладая опытом военного педагога, боевого гвардейского офицера, участника двух войн, военного историка (один из учредителей Императорского Военно-Исторического общества), летописца и командира (с сентября 1914 по июль 1915 гг.) гренадерского Лейб-Гвардии Кексгольмского полка, а с августа по декабрь 1915 года бригады 3-й гвардейской дивизии, в начале 1920 года был назначен командованием Белой армии директором сводного, затем Первого русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса в королевстве СХС в г. Сараево и возглавлял его до самой смерти. Трудями Бориса Викторовича был создан музей корпуса (около 1150 единиц хранения, фотографический кабинет — 2700 фотографий). Русский кадетский корпус ковал военные

кадры образовавшегося после распада Австро-Венгерской империи в 1918 году нового славянского государства — Югославии. Содержался корпус на средства Державной комиссии королевства и пользовался покровительством короля Александра I и военных кругов. Заслуги генерала-педагога, кавалера российских орденов были отмечены и королем Александром, наградившим Б.В. Адамовича Большим Крестом и Звездой ордена Белого Орла.

Умер Борис Викторович в Державной б-це в Сараево, пережив сестру Маню (на год и 10 месяцев) и сводного брата Григория Колмогорова. Сараево давно не знало таких похорон. За гробом русского генерала, установленным на артиллерийском лафете, шли представители Его Величества короля Югославии и князя-наместника, военного министра, митрополит, командующий 2-й армией, представители русской эмиграции в Югославии.

Похоронен Б.В. Адамович 24 марта в 17 часов 30 минут на участке военного кладбища Русского кадетского корпуса (им же самим устроенном) под залпы военного салюта рядом с большим белым мраморным крестом на высоком каменном пьедестале — памятником, на котором выбито четверостишие самого генерала, посвященное памяти столь любимых им кадетов:

Листки отлетевшие,
Весной чуть пригретые,
Мечты недозревшие
И песни неспетые.

Б.В. Адамович так и не женился. В последний путь из близких его провожал только двоюродный брат, бывший командир 225-го пехотного Литовского полка полковник Г.Н. Адамович с супругой Еленой Алексеевной.

Журнал русской военной эмиграции «Часовой» посвятил памяти «офицера без страха и упрека» серию публикаций (№№ 165—170 за 1936 год) с фотографиями:

Крепче сомкнитесь, кадеты,
В трауре наши ряды
Скорбью природа одета,
Лучшие блекнут цветы.

В семейном архиве З.В. Массен сохранилось его письмо от 4 (17) февраля 1929 года родной сестре Мане (М.В. Адамович, в замужестве Массен) из Боснии (Далмации), в котором искренне ощущается грусть, ностальгия эмигранта: «Здоровье мое пошатнулось. Тяжело переношу холода — морозы до 15°. И высоко (530 м над морем), и зима небывалая. Вспоминаю горы на берегу Черного моря в Сочи. Там природа несравнимо богаче. И берег несравнимо красивее и живее, чем Далмация».

Сохранилось несколько фотографий Бориса Викторовича в военной форме (в т.ч. дарственных, адресованных матери и сестре). На одной из них

он снят с редкой среди военных монаршей наградой — наградным перстнем (на подвеске мундира). Бриллиантовый перстень с вензельным изображением имени шефа полка — Его Величества Императора Австрийского Франца-Иосифа I было высочайше разрешено принять в дар и носить.

По сведениям, бриллиант перстня имел вес четыре карата.

3. Первый муж

Дмитрий Афанасьевич не выразил своего твердого мнения об истинном отце и относился к этому вопросу как-то равнодушно. Не могло быть и речи об обсуждении этой темы с матерью. Но, сделав выбор, он с 1902 года все свои литературные произведения подписывал фамилией, которая, уже после его смерти, дала имя российскому судну «Капитан Лухманов», 26 лет (с 1970-го по 1996 гг.) бороздившему моря и океаны планеты.

О юридическом отце Дмитрия Афанасьевича — А.Д. Лухманове известно немного. Один из сыновей известного московского купца первой гильдии Д.А. Лухманова, храмоздателя и ныне действующего подмосковного храмового

*Н.А. Байкова (Лухманова)
в девичестве (в центре)*

комплекса в селе Косине, вступил 1 февраля 1842 года в военную службу 17-летним унтер-офицером (сержантом) в гусарский Его Величества Короля Нидерландского полк. За отличную службу (в течение трех лет) выслужил эполеты первого офицерского чина в кавалерии — корнета. 23 ноября 1848 года по собственному прошению (по болезни) оставил полк, переехал в С.-Петербург и вновь (после перерыва) поступил на военную

службу в отдельный корпус внутренней стражи. Ко времени знакомства с Н.А. Байковой Афанасий Дмитриевич выслужил уже чин майора, дослужился до адъютанта командира корпуса и, очевидно, устав от холостяцкой жизни и вспомнив, что в вопросах женитьбы лучше поздно, чем никогда, предложил руку и сердце скромной молоденькой рыженькой 17-летней выпускнице Павловского института из обедневшей дворянской семьи. Вышел в отставку подполковником без замечаний по службе, правда, и без единой военной награды. Венчание произошло через год после знакомства, в Берлине, в посольской церкви, куда будущие супруги прибыли в целях конспирации (по инициативе жениха) порознь. В шаферы были приглашены четверо российских студентов Берлинского университета. Свадебное путешествие и парижская жизнь молодых растянулись на целый год. По возвращении в столицу в отношении супругов наступило резкое охлаждение. Как оказалось, оба ожидали от брака чего-то иного... Муж не считал нужным разыгрывать влюбленного перед девушкой с ее романтическими идеалами. Подробно вся предыстория замужества, медового месяца и свадебного путешествия талантливо преподнесена Н.А. Лухмановой читателю через 38 лет

после события, уже на склоне лет, после третьего, увы, тоже неудачного, брака в романе «Институтка» — продолжении самого популярного ее романа «Девочка». (Впервые роман увидел свет в собственном (Надежды Александровны) журнале «Возрождение» за 1899—1900 гг. в С.-Петербурге).

Надежда Александровна оставила нам довольно откровенный, собственноручно писанный портрет первого, нелюбимого, мужа: «немолодой, некрасивый мужчина с очень маленькими живыми светлыми глазами. Лицо маловыразительное, словно вырубленное топором. Широкий рот с черными усами, большой «грузинский» нос, брови густые, как щетки, узкий лоб с морщинами. На голове шапка черных крашенных волос. Мундир с аксельбантом, шпоры на сапогах. На коротких некрасивых пальцах дорогие перстни».

Для объективности образа А.Д. Лухманова добавим, что он прилично играл на нескольких музыкальных инструментах, сочинял оперу, серьезно увлекался цветоводством и даже издал в 1870 году в С.-Петербурге книгу «Выбор и содержание комнатных растений» (с десятью страницами рисунков).

Расставшись в жизни, супруги остались навсегда рядом в алфавитном каталоге Российской Государственной библиотеки (Лухманов А. — Лухманова Н.А.).

4. Надежда

Н.А. Байкова (2.12.1844—25.03.1907 гг.), в замужестве Лухманова, была, несомненно, женщиной неординарной, одаренной, упрямо-решительной и волевой. Ее «маман», урожденная баронесса Н.Д. Филицер-Франк из обедневшей семьи курляндского барона, вышла замуж за русского потомственного дворянина Александра Федоровича Байкова, оставившего военную службу и принявшего в 1848 году доходное место эконома Павловского кадетского корпуса в С.-Петербурге.

Справка. Байковы (в старину Бойковы) — древний российский дворянский род второй половины XVI — второй половины XVII веков — записаны в родословных книгах Псковской, Тульской губерний. Герб Байковых сходен с польским гербом Любичей, к которому приписана польская фамилия Бойковских. Родословная представлена в Геральдию в 1797 г. (Поиски корней Н.А. Байковой — это тема отдельного и очень увлекательного повествования).

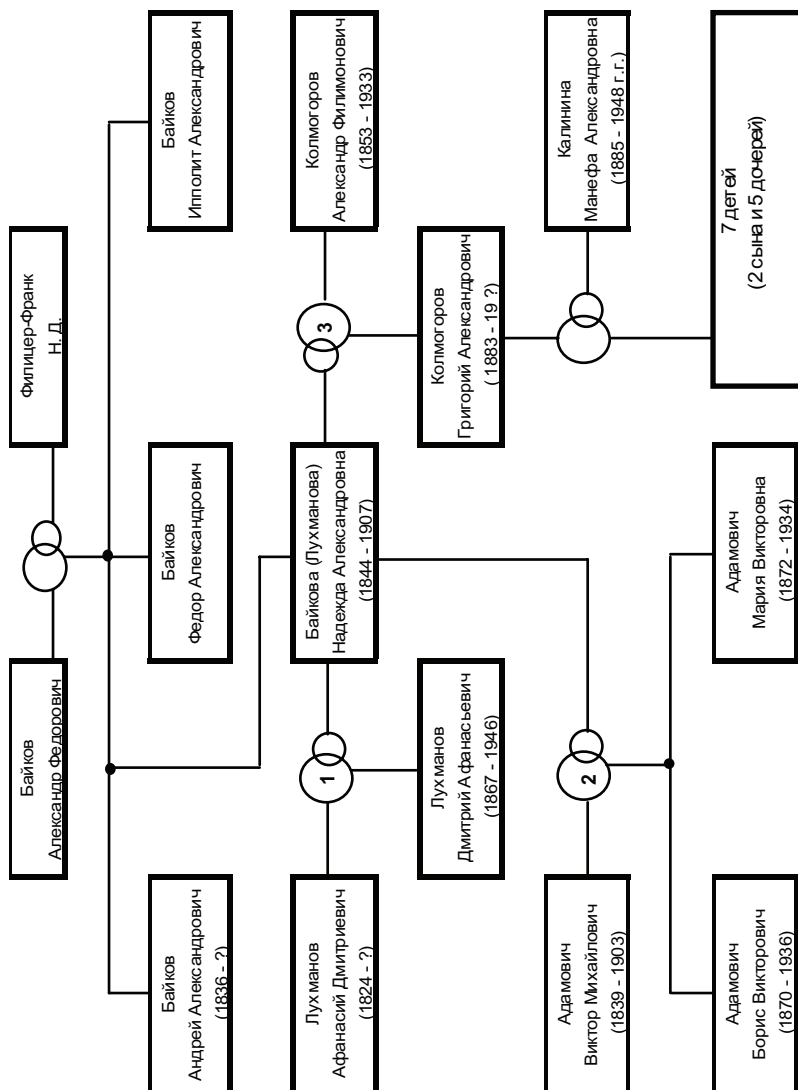
К концу карьеры Александр Федорович выслужил лишь седьмой классный чин «надворного советника».

Надя росла четвертым ребенком в семье, которая до болезни отца и его отставки в 1853 году жила в здании

корпуса в квартире из пяти комнат. Жили скромно, с няней и кухаркой, но на лето всегда снимали дачу в престижном Петергофе. Трое старших братьев: Андрей, Федор, Ипполит — учились в корпусе и позже стали офицерами. Восьми лет Надя была зачислена в Павловский институт, где учились девочки из обедневших дворянских семей, на казенный счет и после семи лет обучения окончила его в 1861 году в возрасте шестнадцати с половиной лет со званием

Н.А. Байкова (Лухманова)

Генеалогическая ветвь Надежды Лухмановой

ем домашней учительницы. Черты ее складывающейся природы уже характеризуют клички, данные ей воспитанницами (медальками): «Байярд» — в начальных и «Дон-Кихот» — в старших классах.

В 1862 году состоялось ее первое замужество, окончившееся судебным разводом через пять лет.

Писать Надежда Александровна начала в Москве в 30-летнем возрасте, уже имея на руках четырех малолетних детей и пережив смерть одного из них. Первые ее рассказы, очевидно, поэтому, и были детскими и увидели свет в 1874 году под псевдонимом «Итина». Но с 1880 года все литературные произведения она подписывает фамилией своего первого мужа.

Примечательно, что все основные свои произведения (рассказы, повести, романы, лекции, пьесы, публицистику) она издает в зрелом возрасте (с 1894 по 1907 гг.), в последние 13 лет жизни. Задел изданий был так велик, что они выходили уже и после ее смерти, вплоть до 1913 года.

Особым успехом, принесшим ей широкую известность, пользовался роман-воспоминание об институтской жизни «Девочки» с иллюстрациями Е.П. Самокши-Судновской, вы-

Н.А. Лухманова

державший четыре издания. Необычайно популярны среди студенчества были и ее лекции о положении и роли незамужней дочери (женщины) в семье как следствии стремительно меняющейся общественно-политической жизни России.

Была ли Н.А. Лухманова крупным, талантливым писателем?

В 18 томе энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона за 1896 год она скромно упомянута писательницей. Но время — коварный судья. И через 98 лет в 5-томном биографическом словаре «Русские писатели 1800—1917 гг.»

(1994 г.) ее назовут прозаиком, переводчиком, драматургом.

В свое время творчество Надежды Александровны и общественный резонанс поставленных ею вопросов вызывали неоднозначную реакцию в обществе — и похвалу, и полемику, и едкие замечания Н.К. Михайловского, В.В. Розанова, В.Г. Короленко и других литераторов. Ей было чем поделиться с читателями и в альманахе «Любовь конца века».

Лейтмотив ее творчества — «женский вопрос» во всем его многообразии. На заре XX века она предчувствовала скорое крушение традиций, нравственных устоев жизни в российском обществе, предрекала: «берегитесь, женщины, открывающейся вам мужской деятельности, равноправности в труде, своего кажущегося успеха».

За свою жизнь Надежда Александровна издала около тридцати книг (без переизданий), вышедших отдельными тиражами.

5. Тюменский муж

Переехав с 10-летней дочерью в С.-Петербург, Надежда Александровна долго оставалась в одиночестве. Судьбе было угодно послать ей новое искушение и знакомство с молодым выпускником ин-

ститута инженеров путей сообщения, сыном богатого тюменского купца-старовера первой гильдии Александром Филимоновичем Колмогоровым, кончившим курс 25-м из 111 выпускников 1882 года с 10-м классным чином «коллежского секретаря», влюбившимся, очевидно, «без ума» (с умом бы воздержался) в женщину «с прошлым».

Наверное, Надежда Александровна колебалась. На од-

А. Ф. Колмогоров

ной чаше весов — 37 лет, купеческий сын (что уже было), два неудачных замужества, отсутствие средств, сын «в морях» и дочь «на руках». На другой — ласкало душу тщеславие: жених был моложе «невесты» почти на 10 лет, не беден, да и хорош собою. Влекли любопытство, как сказал бы О. Уайльд. Но и надежды на обеспеченную жизнь, смену обстановки.

Молодых венчали в храме на Сенной площади, причем по представленному невестой документу — свидетельству об окончании Павловского института — Надежда Александровна была записана в церковной книге как девица!!!

Молодые сразу же уехали на родину мужа — в «глухие места», как назовет свое новое место жительства позже Надежда Александровна в «Очерках из жизни в Сибири», хотя Тюмень того времени уже называли в России «Сибирским Лионом». Падчерица Маня с первого взгляда влюбилась в отчима. Придумала ему собственное имя «Сана» и часто встречала возгласом: «О Санна!», что звучало как восторженное славословие самому Создателю.

Жизнь провинциальной старообрядческой Тюмени того времени (примерно 30,5 тысячи жителей) — с

тяжелыми, как крепости, каменными домами купцов, цепными волкодавами, запорами, где вся жизнь бурлила в глухих дворах, где не существовало газет, в городе, наводненном тысячами ссыльных, арестантов, переселенцев, с грязными, такими вонючими кожевными заводами, весенними наводнениями, закрытым домостроевским укладом — просто шокировала Надежду Александровну, видевшую Берлин, Париж, любившую С.-Петербург и Москву. Молодой супруг, увлекшись мужским делом, неделями про-

*Н.А. Лухманова
тюменского периода*

падал на строящейся железной дороге Оренбург—Тюмень. Поспешный брак «Сашки-инженера» на барыне с прошлым семейством Колмогоровых молчаливо осуждался без видимых выпадов. Но неприятие «висело в воздухе».

Надежда Александровна пыталась вписаться в новый, необычный для нее уклад жизни сибирского купечества, всех этих Колокольниковых, Шешуковых, Жернаковых, Подаруевых, Текутьевых, многочисленной родни мужа с их церемониями, церковными праздниками, визитами, домашними вечеринками.

Все читанное ею в рассказах и романах В.Я. Шишкова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, «В лесах» и «На горах» А. Печерского, такое далекое и загадочно-таинственное, предстало перед ней наяву.

На какое-то время внимание «молодой жены» переключилось на родившегося сына, названного в честь старшего брата мужа Григорием.

Надежда Александровна, внимательно наблюдая окружающую, такую необычную для нее жизнь, впитывала в себя ее краски и ощущения, предчувствуя, что когда-то это выплеснется на страницах ее книг. Через десять лет в «Русское Богатство» (№№1,3,5 за 1895 год, а в 1896 году отдельным изда-

*Н.А. Лухманова (справа)
тюменского периода*

нием) выйдет одно из наиболее значительных ее произведений «Очерки из жизни в Сибири», где многие черты купца Крутогорова будут срисованы со свекра — Ф.С. Колмогорова. Следующее издание «Очерков» увидело свет только через 101 год в Тюмени, уже после смерти всех ее детей. И только единственная оставшаяся к этому времени в живых из двенадцати ее внуков 97-летняя Ксения Дмитриевна Лухманова (Гольдберг), дочь ее первенца Дмитрия, и уже не в России, а в г. Линая независимой Латвии, узнает об этом и будет с

Гимназистка Маня

волнением держать в руках подарок издательства «СофтДизайн» из серии «Невидимые времена».

А отношения между супругами, впитавшими в себя, как говорится, с молоком матери присущий каждому из них свой образ жизни, осложненные разницей в возрасте, воспитании, не складывались. Разрыв был предрешен. Расстались без слез. Летом 1887 года Надежда Александровна просила у мужа прощения. Плакала на груди у Саны только 15-летняя падчерица — гимназистка Маня. Александр Филимонович оказался рыцарем и, оставшись с сыном,

до самой смерти Надежды Александровны ежемесячно выплачивал ей пенсион по разводу.

Неудачливая жена с дочерью отбыла в С.-Петербург, город детства и юности, который отныне станет и городом становления ее как беллетристки, издателя, лектора. Этот город она покинет надолго только в 1904 году, отправившись добровольно (как и ее сын Борис) почти в 60-летнем возрасте на русско-японскую войну в качестве сестры милосердия и одновременно корреспондента двух газет, и навсегда — в марте 1907 года в любимую ею Ялту, чтобы через 20 дней там умереть.

6. Поздний ребенок

Александр Филимонович вскоре женился на женщине уже своего круга — Александре Николаевне. Его не прельщала деятельность братьев, ставших после смерти их родителя членами-распорядителями «Торгового дома Ф.С. Колмогорова Н-ки» (кожевенные заводы, парохводство, торговля), вошедших в состав различных комитетов ряда банков, а для души занимавшихся меценатством, которое среди купцов первого города Сибири было щедрым. На их средства строились церкви, родильные, сиротские и народные дома, различного рода

школы, училища и даже больницы.

Купцы почитали за честь состоять в общественных присутствиях, попечительских советах. Не были «белыми воронами» и Колмогоровы. Их стараниями было открыто первое частное смешанное Колмогоровское училище (в Зареке, ул. Береговая), второе, аналогичное, называлось Колокольниковским (Затюменка, д. Колокольниковых). Надворный советник Александр Филимонович стал Добровольным директором Отделения попечительного о тюрьмах комитета города, а его супруга — членом совета Владимирского сиропитательного заведения.

По окончании сыном Григорием в 1900 году гимназии отец женил его на 16-летней дочери тюменского мастера-кожевника Манефе Александровне Калининой, переехал с ним на жительство в Пермь, выслужил потомственное почетное гражданство, личное дворянство и закончил службу с 5-м классным чином «статского советника» в должности 3-го зам. начальника Пермской железной дороги.

После 1907 года Александр Филимонович прикупил для сына с семьей в окрестностях Сочи (Катково-Леонтьевские участки) Черноморской губернии несколько земельных владений (общей площадью 10041 кв. сажен, примерно 4,57 га) с двумя домами, где выросли все семеро его внуков. Пережил трагическую смерть старшего из них Александра в гражданскую войну, арест и осуждение в 1923 году ОГПУ единственного сына и скончался в 1933 году в возрасте 80 лет.

Григорий с Манефой

Последний сын Н.А. Лухмановой — Г. А. Колмогоров вместе с женой (1883 г. р.) переехал на жительство в Сочи в 1908 году, где у них родились семеро детей, успешно занимался горным садоводством, охотой, чертил зажиточным поселенцам планы дач. В мясорубке гражданской войны собственноручно захоронил трагически погибшего в районе Сочи 19-летнего сына, а сам в 1923 году в 40-летнем возрасте как неблагонадежный был арестован властями и сгинул в одном из ее «исправительных лагерей». Обращения его внука в органы ФСБ, МВД, Генпрокуратуры России о судьбе деда пока остались без ответа

7. Единственная дочь

Самым близким человеком в зрелой жизни Н.А. Лухмановой оказалась ее единственная дочь Маня (Мария Викторовна Адамович, 1872—20.05.1934 гг.), та самая 10-летняя девочка с печальными глазами, оставшаяся с ней после расставания с В.М. Адамовичем в 1882 году. Маня не расставалась с матерью в течение 26 лет, вплоть до своего первого, и единственного, такого счастливого и трагически-короткого замужества.

Закончив гимназию в С.-Петербурге в 1889 году

и поступив в общину сестер милосердия, она делила с матерью все трудности их совместной жизни, сохранив удивительное уважение и почтение к ней до самой смерти. Ей пришлось работать медсестрой и в родильном приюте, и в палатах больницы св. Марии Магдалины. Из общины она выйдет только в 1895 году с серебряной медалью за работу в холерных бараках эпидемии 1891—1893 гг. Именно в этих нелегких условиях, когда сестер спасали только прививки и стрижка наголо,

Мария Адамович

Господь послал ей 37-летнего талантливого доктора медицины, приват-доцента кафедры акушерства и женских болезней при Военно-медицинской академии Василия Николаевича Массена (1860—6.09.1904 гг.), впоследствии экстраординарного профессора Императорского Новороссийского Университета, коллежского советника (6-й классный чин), основателя клиники акушерства и женских болезней этого же университета. С семейной фотографии из архива З.В. Массен, сделанной в 1897 году после женитьбы, с достоинством смотрит счастливая женщина, не нашедшая, а именно встретившая своего, очевидно, очень близкого ей по духу спутника жизни, будущего отца ее детей.

Молодые уехали в Одессу, где мужу предложили приличное место. Родилась первая дочь Елизавета, которую балуют, берут с собой в Германию, куда В.Н. Массен (с женой) выезжал в служебную командировку. Массены купили два земельных надела в районе Сочи (Катково-Леонтьевские участки) Черноморской губернии, построили дачу, планировали рождение второго ребенка. Но 6 сентября 1904 года во время чтения лекции скоропостижно умер муж. Супруги даже не успели

Мария и Василий Массены

проститься. Маня мужественно перенесла его смерть, уже будучи беременной. Дочь Зоя родилась 4 мая 1905 года.

Университет, отмечая заслуги своего профессора, основателя одной из кафедр, к тому же пожертвовавшего ей личную обширную библиотеку, назначил вдове пенсию, которую она получала до дня установления советской власти на Украине.

В 1910 году Маня с малолетними дочерьми переехала на жительство в Сочи, на дачу. Ее девочки росли и учились в гимназии вместе со старшими детьми ее сводного (по матери) брата Григория, сына когда-то «пылко любимого» ею в Тюмени отчима Саны. Впоследствии Маня даже переоформила один из земельных участков, купленных мужем, на его имя. Упомянем, что сыновья Надежды

Александровны, являясь сводными братьями, были довольно дружны между собой и все трое обожали единственную сестру. Частенько за период с 1908-го по 1920 гг. они общались «в бархатный сезон» на дачах Массенов и Колмогоровых в Сочи. Именно отсюда отбыл в свое вынужденное изгнание Б. Адамович.

Судьба еще раз забросила Маню в Одессу, город такого короткого ее семейного счастья. Одно время она работала на киностудии и даже снималась в эпизодах фильмов вместе со старшей дочерью Елизаветой. В семейном архиве Массенов сохранились фотографии этого периода (в ролях). Старшая дочь Елизавета, несмотря на симптомы начинающегося тяжелого заболевания (эпилепсия), закончила в Сочи гимназию и художественную студию Лавинского и, приобретя навыки актерской профессии, играла в театральных труппах периферийных театров.

В 1929 году Маня с дочерью Елизаветой, болезнь которой прогрессировала, покинула Одессу, перебравшись по приглашению сводного брата Дмитрия на жительство в Ленинград. Дмитрий Афанасьевич, к тому време-

А. Ф. Колмогоров с сыном Григорием

ни уже Герой Труда РСФСР, директор морского техникума, помог сестре в получении комнаты. Одно время обе семьи жили в квартире Лухмановых. Маня работала где придется, чтобы выжить с больной дочерью. Ушла из жизни М. В. Массен 20 мая 1934 года в возрасте своей матери — в 62 года — и похоронена дочерьми на Смоленском кладбище Ленинграда.

Судьба генеалогической ветви Лухманова — Адамович окажется угасшей Брат Мани,

генерал Б.В. Адамович, как уже было сказано выше, не был женат и умер на чужбине бездетным. Старшая дочь Елизавета пережила мать всего лишь на 2 года и 3 месяца. Припадкой эпилепсии свели ее в могилу в 33 года, и только рядом с матерью на кладбище она нашла покой. В семейном архиве Массен хранятся и ждут своего читателя ее такие искренние, трогательные, с необычайной жадой жизни дневники и письма близким.

К младшей дочери Мани судьба была тоже не особенно благосклонна. Зоя месяц не дожила до своего 80-летия, похоронила всех своих близких: в 1934 г. мать, в 1936-м — сестру, в 1940-м — мужа, в 1954-м — единственного неженатого сына-инвалида Александра, пережила блокаду Ленинграда и тоже оставила дневники своей зрелой жизни, стихи. Семейный архив З.В. Массен, по ее завещанию, перешел к потомкам генеалогической ветви Лухманова—Колмогоров правнуку Б.А. Вопиянову, а затем к вашему покорному слуге, последнему представителю ветви, носящему фамилию прадеда.

8. Старший сын

Детство и отрочество первого сына Н.А. Лухмановой прошло в Москве в окружении родите-

лей, младших брата и сестры. Отец хотел видеть в сыне свое подобие, поэтому в 1877 году и определил Митю в 3-ю Московскую военную гимназию. Мальчик никогда не видел моря, но силой фантазии и воображения, начитавшись морских приключений, посетил Петербургский морской музей, полюбил море. Поездка в Кронштадт, увиденные там корабли, очевидно, пробудили в его душе такое, сопротивляться чему было выше его мальчишеских сил.

Дмитрий Лухманов

Н.А. Лухманова

Решение было принято: связать судьбу с морем. За плохое отношение к нелюбимому кадетами преподавателю, Дмитрий был исключен (10 сентября 1882 г.) из корпуса (к этому времени гимназия была переименована в кадетский Императора Александра III корпус), выпорот отцом, оплакан матерью и отправлен в Керченские мореходные классы.

Учился Митя усердно. В октябре первое рабочее плавание (за 20 рублей) на небольшом ко-

лесном пароходе «Л.Д. Гадд». Керчь—Ростов-на-Дону и обратно. Через год — морская практика и весной 1884 года первое самостоятельное плавание учеником «без содержания» на греческом пароходе «Николаос Вальяно». Морская одиссея растянулась почти на 19 долгих месяцев, в течение которых юнга увидел Вест- и Ост-Индию, Европу, Американский и Австралийский континенты. За это время юноша окреп, возмужал. Океан поразило его своим величием, мощью, красотой, навсегда сделал поэтом и художником.

Крылатая фраза, брошенная ему невзначай морским бродягой, отшельником моря: «Жизнь, юнга, должна быть вызовом! Иначе из нее испаряется соль», поразила вос-

торженную юную душу отчаянной дерзостью и закрепила выбор романтика моря.

В Мариуполе в 1911 году он издал сборник своих стихов «На суше и в море» с пронзительными строками об океане, как языческом божестве. И какие краски!

Я видел бирюзовую

гладь Дарданелл

И сапфирные волны в пассатах,

Я видел, как кровавым

рубином горел

Океан при полярных закатах.

Я видел изумрудный
 Калькуттский лиман
 И агат черной бездны у Горна,
 И опаловый полупрозрачный
                                          туман
 Над лиловым заливом Ливорно.

Я видел его в страшные бури
                                          и в штиль,
 Днем и ночью, зимою и летом,
 Нас связали с ним
                                          сказки исплыванных миль,
 Океан меня сделал поэтом.

Вернувшись в августе 1887 года в С.-Петербург к матери, оставившей к тому времени уже и Александра Филимоновича, Дмитрий сдает экзамены в С.-Петербургских мореходных классах, получает свидетельство штурмана каботажного плавания. Плавает по Волге, Каспию, становится штурманом дальнего плавания, в 22 года — старшим помощником капитана, в 24 года — капитаном «Англичанина», старого маленького плоскодонного колесного парохода.

В мае 1908 года Дмитрий принял командование над уже министерским парусным красавцем фрегатом клиперной постройки «Великая Княгиня Мария Николаевна» на Черном море, а в июне 1926 года в Мурманске — 4-мачтовым стальным парусным бар-

ком, впоследствии легендарным «Товарищем» (бывшим английским «Лауристоном»).

Дмитрий Афанасьевич много лет плавал по Черному и Каспийскому морям, в океанах, по Волге и Амуру (его притокам Сунгари и Шилке), занимал различные морские и связанные с флотом сухопутные должности в портах, директорствовал в морских техникумах в Ленинграде (с 1924 г.) и в Потти (с 1933 г.), работал (с 1938 г.) в Морском регистре и Наркомате морского

Дмитрий Лухманов, 1926 г.

флота СССР. Он имел склонность к языкам и свободно владел четырьмя, подолгу жил в Китае, Японии, Гонконге. Д.А. Лухманов первым из СССР доставил оружие в порт Аликанте воюющей республиканской Испании, первым (почти в 60 лет) совершил трансатлантический рейс на учебном паруснике «Товарищ» Страны Советов из Мурманска в Аргентину (29.06.1926—5.01.1927 гг.). Несмотря на дворянское происхождение, он в переломный момент истории остался по эту сторону баррикад, в отличие от брата Бориса.

На посту директора-распорядителя общероссийского управления дальневосточного «Доброфлота» старой России (во Владивостоке) в начале 20-х годов предотвратил уход из российских портов за границу и тем самым сохранил для РСФСР 18 кораблей различного назначения.

В 1937—1938 гг. его дети от второго брака — сын Николай, дочь Ксения с мужем, да и он сам были арестованы органами НКВД в Хабаровске и Владивостоке.

Н.А. Лухманова

33-летний Николай Лухманов, талантливый выпускник Восточного отдела Военной Академии Р.К.К.А. (окончил полный курс в 20 лет, в совершенстве знал несколько иностранных языков, в том числе японский и китайский), капитан разведотдела штаба Отдельной Краснознаменной

Дальневосточной армии (ОК-ДВА), издавший две книги по специальной военной тематике, был арестован 17 октября 1937 года всеильными органами и исчез в их подвалах.

Беременная Сения и ее муж провели в следственном изоляторе долгих 16 месяцев. Здесь, в тюремном изоляторе, 1 апреля 1939 года родилась внучка деда-капитана Вера. Сам капитан (ему в это время шел уже 72-й год) вышел на свободу через 6 месяцев следствия. В это время пал всеильный сталинский фаворит Николай Ежов, и на свободу были спешно выброшены «невинно пострадавшие». Новой «восходящей звезде» Лаврентию Берия нужна была видимость борьбы с перегибами предшественника-палача. А возможно, им просто повезло.

Литературные произведения Дмитрия Афанасьевича увлекательны и пронизаны суровой романтикой и грустью разлук. Его сохранившиеся небольшого размера картины (многие принимают за Айвазовского), стихи и проза мариниста — по душе непосадам и бродягам, тем, кто не знает, куда идет (а такие, как правило, идут дальше всех), тем, в душе кого поют неведомо-пьянящие струны дороги, тревоги, восторга...

Поет пассат, как флейта,
в такелаже.
Гудит, как контрабас,
в надутых парусах.

Его рассказы, повести, записки, воспоминания, очерки — они для юношества и законченных романтиков, 15-летних капитанов — искателей широт, покорителей-первопроходцев и флибустьеров. Одним словом, для тех, кто их достоин. Последний сборник его повестей «Под парусами» (Зеленая серия. Вокруг света) вышел в издательстве «Армада-Пресс» в 1999 году тиражом в 5000 экземпляров. Всего же им было издано (без переизданий) 11 книг литературно-художественного содержания.

Н.А. Лухманова

Н.А. Лухманова

В РГВИА (Ф. 298. Оп. 1. Д. 85) в Москве сохранилось около двадцати его писем брату Борису за период с 1886-го по 1914 гг., раскрывающие такие неожиданные для моряка черты характера, как ранимость, тоска по матери, близким, одиночество...

Педагогические способности капитана сформировались во время командования учебным парусным фрегатом на Черном море и активно развились на посту директора Ленинградского морского техникума (бывших С.-Петербургских мореходных

классов, при которых он когда-то давно сдавал экзамены на штурмана и капитана). За глаза директора звали «папа Лухманов». Его стараниями были созданы драматические и литературные кружки для общекультурного развития будущих мореходов. Дмитрием Афанасьевичем за его жизнь было издано 16 научно-технических работ.

Братья Дмитрий и Борис были красивы, всегда тщательно ухожены и шеголеваты. Когда они хотели того — могли быть неотразимыми. На обороте одной из дарственных фотографий 1900 г. (из Благовещенска) с изображением красавца моряка в белом кителе, с золотым кортиком можно прочесть шуточный шарж в собственный адрес:

Что толку мне в науках,
На что мне ум, талант,
Когда я в белых брюках:
So schick and elegant!

О семейной жизни старшего сына Надежды Александровны можно сказать, что она состоялась в полной мере. Яблоко от яблони не упало далеко. От трех браков у него родилось пятеро детей. Говорят, что по-настоящему любить женщин могут лишь моряки. Поэтому в каждом порту их ждут жены. Двое сыновей пошли по стопам отца и стали моряками. Первенец Борис, родившийся на Каспии, позже перебрался жить в Китай. В 30-х годах ученик Дмитрия Афанасьевича встречался с ним в Шанхае как с лоцманом этого китай-

ского порта. Дочь Нина жила в Москве и стояла у гроба отца в 1946 году. Со своей второй женой — В.Н. Де-Лазари (1875—1970 гг.) Д.А. Лухманов познакомился во Владивостоке. С 1902 года они счастливо прожили 31 год, многое пережив вместе, воспитав дочь Ксению, сына Николая, нянча внуков, и все-таки расстались навсегда. Дмитрий Афанасьевич в 66 лет не смог побороть в себе чувств к замужней женщине, матери двоих сыновей, родившей ему, пожалуй, самого любимого им ребенка, отраду старости, сына-моряка Владимира (Волика), увы, навсегда оставшегося на фамилии обманутого супруга любимой женщины — М. Ошанина.

Дмитрий Афанасьевич прожил вместе с Ольгой Михайловной счастливо почти 13 лет. Волик был с отцом во время памятного плавания из Мурманска в Аргентину в 1926 году и на фотографии команды, снятой перед отплытием, сидит у ног отца на палубе «Товарища».

Я начал и завершаю свое повествование судьбой старшего из детей Надежды Александровны, фантазией природы или волею божественного провидения пережившего всех описанных мною лиц — близких Н.А. Лухмановой. На самом закате жизни, почти на смертном одре на вопрос о том, что давало ему силы жить, старый капитан медлен-

но ответил: «Соленый ветер и океан». И хочется верить, что на их просторах вновь, как летучий голландец, будет появляться и исчезать, резать морскую волну и манить за собой прекрасный парусник «Капитан Лухманов».

Послесловие

Еще одна, последняя, страница и рассказ окончен мой. Но разве можно остановиться, однажды войдя в «сумрачный лес» прошлого. Перефразируя Д. Алигьери, я, к сожалению, очутился в этом лесу, земную жизнь пройдя уж на две трети. Те, о чьих судьбах я вам поведал, просто стояли ко мне ближе других. А за

Н.А. Лухманова

ними просматривались (порой мерцали) и с достоинством молчали стольники, стрелецкие головы, помещики, воеводы и послы Байковы (описанием путешествия одного из них в Китай зачитывался Амстердам и держал в руках Петр Великий), один из крупнейших поэтов, литературных критиков русского зарубежья (сводный брат Бориса и Марии Адамовичей), гвардейские офицеры и генералы с орденами св. Георгия — славные Адамовичи, московские и тюменские купцы Лухмановы и Колмогоровы, курляндские бароны Филицер-Франки. Они как бы оценивали, стою ли я того, чтобы приоткрыть завесу над тем, что они вольно или невольно скрыли или просто не успели поведать живым в свое время и теперь сожалеют об этом.

И я ощутил, что не смогу обмануть их надежд и ожидания, ведь ничто так не торопит, как Вечность?! И еще вспомнилось, что дорога — это жизнь, как говорили древние,

Н.А. Лухманова

и осилит ее только идущий, порой преодолевая тернии.

Стали мелькать мысли и вырисовываться главы и даже части продолжения моего первого литературного опыта. И если Бог даст мне для этого силы, появятся новые части «Надежды Лухмановой»: «Байковы», «Курляндские бароны», а далее мечтаются: «Лухмановы», «Адамовичи», «Колмого-

ровы» и «Внуки Надежды». И, может быть, кусочки мозаики, которые мне удастся собрать и сохранить, когда-то сольются в прекрасную панораму прошлого человечества. Смущает, правда, возраст и анекдот о том, что если человек начинает учиться играть на скрипке в

50 лет, то вероятно, что первый свой концерт он даст... на том свете.

14 июня 2000 г.,*

г. Долгопрудный Московской области

В публикации использованы фотографии из архива автора

* Версия генеалогической ветви Надежды Лухмановой, с которой вы только что познакомились, начиналась для журнала с письма, которое пришло в адрес Константина Лагунова. С его позволения публикуем выдержки из него:

«Уважаемый Константин Я. Лагунов!

С большим интересом и волнением мы, правнуки Н.А. Лухмановой, прочли в Москве такое страстное, восторженное и душевное предисловие к избранному произведению «Очерки из жизни в Сибири» издательства «СофтДизайн» в серии «Невидимые времена» издания 1997 года.

Вы — несомненный патриот Тюменской земли, преданный ей до мозга костей. Не знаем Ваш адрес и высылаем письмо на издательство, надеемся, дойдет. Выражаем Вам благодарность и признательность за воскрешение памяти нашей прабабушки, «неистой Надежды», и мастерство, с которым вы это сделали.

У нас в семье хранятся фотографии ее отца Александра Федоровича Байкова, ее матери Фейцер-Франк (Байковой), фото всех ее детей: Дмитрия Афанасьевича Лухманова (от первого брака), Марии и Бориса Адамовичей (от второго брака), Григория Александровича Колмогорова (от третьего брака со статским советником, инженером путей сообщения, уроженцем Тюмени Александром Филимоновичем Колмогоровым, сыном известного купца первой гильдии Ф.С. Колмогорова). Обидно, что об этой, третьей ветви рода Лухмановой Вы не упомянули, хотя она самая многочисленная — 28 человек на сегодняшний день. У нас много фотографий самой Н.А. с 1863 года (до замужества), ее внушек и внуков, их письма друг другу, свидетельства о смерти и т.д. Одним словом, архив...

У меня к Вам громадная просьба, если это возможно: нужна любая информация о купеческой фамилии Колмогоровых. Все, что можно здесь, в Ленинской и Исторической библиотеках в Москве, я собрал, но, возможно, были и есть местные издания, исследования по купечеству Тюмени и Колмогоровых в них, которые не дошли и отсутствуют в Москве.

Помогите, чем сможете: адресами, библиографией. Может быть, можно обратиться в Тюменский архив? Любые советы приму с благодарностью.

Всегда готовые принять Вас у себя наследники Лухмановой-Колмогоровых, правнуки А.Г. Колмогоров, Д.Н. Лухманов, Б.А. Вопянов (по матери Колмогоров), С.Н. Турутина (по матери Колмогорова)».

Публикацией эссе А.Колмогорова «Надежда Лухманова» «Лукич» продолжает акцию «Реституция невозвращенных ценностей».

Валерий Александрович Чупин родился 30 июля 1962 г. в г. Ишиме. Закончил исторический факультет ТюмГУ, работал учителем в школе.

Публиковался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», «Архитектурном наследстве». В настоящее время — старший научный сотрудник отдела фондов Тюменского областного краеведческого музея. Постоянный автор журнала «Лукич».

Тюмень. Республики, 60

Введение

Не знаю, как сейчас, а раньше во введении требовалось обосновать актуальность темы, доказать новизну своего исследования, проанализировать источники и обязательно процитировать классиков марксизма-ленинизма по интересующей проблеме. «Раньше» — это в 1984 году. Я тогда защищал диплом по теме «Каменное строительство в Тюмени в XVIII веке» (представляете, как нелегко мне было найти цитаты из Маркса и Ленина¹). На защите доцент дружественной кафедры всеобщей истории светлой памяти Игорь Николаевич Сосновкин — чудесный человек и всеми любимый преподаватель, энциклопедично знавший свой предмет, как всегда, сквозь

зубы спросил меня: «А вот там, рядом со Сквером, т а к о е

странное здание стоит, то ли с куполами оно, то ли не с куполами, что там такое было?». Интересующее Игоря Николаевича здание по улице Республики, 60 не вписывалось в хронологические рамки моего диплома, а своих собственных воспоминаний и личного опыта у меня — тюменца с пятилетним стажем — тогда ещё не было. И я толком ничего не ответил. Но ответить хотелось. Историк я или кто? — думал свежедипломированный специалист, ободренный высокой комиссией. Я пошёл в архив и нацарапал

¹ Помните, булгаковский доктор Ф.Ф. Преображенский интересовался: «Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что второй подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через чёрный двор?»

несколько сушёных слов малюсенькой справки. Что такое да когда построено — в общем, то, о чём и спрашивали. Дело, казалось, было сделано. Но вопрос, заданный мне Игорем Николаевичем, разместился, видимо, у меня где-то в подсознании, и поэтому, сам того не особенно желая, я начал потихоньку собирать информацию, чтобы ответить на вопрос Сосновкина уже не в двух предложениях. Время от времени дом по Республики, 60 возникал у меня на дороге. То вдруг что-нибудь рассказывали люди, то случайно попадались документы. И всё как-то вдруг. Ну вот и насобирал кое-что...

Несколько десятилетий здание по ул. Республики, 60 вселяло суеверный ужас прогуливавшимся мимо него советским «гимназисткам». Кое-кто из «посвящённых» шептал: «анатомка», а кто-то откровенничал о своих ощущениях, пережитых во время первого визита внутрь дома. Некоторым после такого контакта пришлось даже распротиться с мечтой о медицинской карьере. Не смогли...

Мне тоже раз в жизни довелось переступить порог этого заведения. Мы снимали ТВ-сюжет из цикла «Храмы Тюмени». Но то ли ничего «такого» там уже не было к тому времени, то ли нам «этого» просто не показали, но страшно мне почему-то не было.

Случалось мне слышать и другие воспоминания. Моя добрая знакомая Любовь Дмитриевна, например, рассказывала, как в середине 50-х она в этом здании училась быть учительницей. Жадно училась, жадно работала, как умеет работать только это поколение — дети войны, сироты войны. Отдыхали тоже жадно. Правда, когда им было отдыхать? Любовь Дмитриевна была отличницей, закончила училище с красным дипломом и при этом успевала ещё бегать на танцы, петь в хоре, участвовать в общественной жизни, посещать всевозможные кружки и секции: играла в баскетбол, прыгала с парашютом и т.д. Такое было время и такие люди!

В 1944 — 57 гг. в здании размещалось педагогическое училище №1, а ещё раньше, в 1930-е гг. — Совпартшкола², с 1963 г. и до конца 1990-х гг. — морфологический корпус медицинского института (ТГМ академия). Но построено здание было для иных целей.

Основная часть

21 ноября 1872 года там открылось Владимирское сиропитательно-ремесленное заведение (ВСПЗ). Купец первой гильдии, потомственный почётный гражданин г. Тюмени Семён Михайлович Трусов за чертой города, по дороге на Ялуторовск построил дом для сирот. Владимирским заведение

² Архив МУ БТИиР г. Тюмени.

назвали в память о том, что в 1868 г.³ Тюмень посетил Великий князь Владимир Александрович (сын Александра Второго, прадед нынешнего «главы Дома Романовых»). ВСПЗ находилось под покровительством Великого князя и его супруги Марии Павловны⁴.

Это был приют для «нежеланных» детей. Кто-то из тюменских старожилов рассказывал мне, что со стороны нынешней ул. Республики в особом окне был устроен специальный желобок, в который детей подкидывали, и они сразу попадали с улицы внутрь здания.

В разные годы в заведении одновременно проживало от двадцати до ста подкидышей. Как свидетельствует «Отчёт о жизни и деятельности Владимирского сиропитательно-ремесленного заведения (...) за 25-летнее его существование», с 1872-го по 1897 г. в заведение поступило 405 детей обоего пола. В 1897 г. в приюте находилось 55 детей (23 мальчика, 32 девочки)⁵, в 1910 г. — 50 (27 мальчиков и 23 девочки)⁶, а в

1913 г. — более 100 человек. В 1892 г. в Тюмени свирепствовала холера, и заведение принимало без всякого ограничения всех детей, родители которых страдали от голода, гибли от холеры, оставив детей часто прямо на улице. Очень многие из них умирали в грудном возрасте. Детская смертность объяснялась, главным образом, тем, что «подкидываемые дети оказывались изнурёнными и болезненными ещё у матерей и подбрасывались самым бесчеловечным образом: в тряпье, не взирая ни на какую погоду и время года, в возрасте не редко 2-3 дней»⁷.

Гласность

В 1911 г. детская смертность в ВСПЗ стала причиной газетной перепалки. «Сибирская торговая газета» (далее — СТГ. — **В.Ч.**) в одной из заметок сообщила о «невесёлых слухах», которые пошли по городу о сиропитательном заведении⁸. «В новом помещении грудного отделения, — сообщала она, — смертность увеличилась; преж-

³ «В июле 1868 г., во время путешествия Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича по Западной Сибири, жители г. Тюмени... устроили выставку местных произведений и изделий...» — Описание публичной выставки... С. 3.

⁴ В Тюмени по старому Московскому тракту (это в районе современных улиц Калинина и Московский тракт) тюменцы воздвигли памятник Владимиру Александровичу.

⁵ ГАТО.Ф. И-115. Д.1.

⁶ ГАТО. Ф.И-115. Д.3. Л.2.

⁷ Отчёт о жизни и деятельности Владимирского сиропитательно-ремесленного заведения в г. Тюмени, Тобольской губернии за 25-летнее его существование. 1872—1897 гг. Тюмень. Тип. Л.К.Высоцкой. 1898. — С. 29.

⁸ Сибирская торговая газета. 1911 г. № 216.

де умирало 80%, а теперь она достигает 90% и более». «Думаем, — говорилось далее, — что немаловажную роль влияет плохой надзор за деятельностью грудного отделения; на заведывающую этим отделением возложена и забота по хозяйству(...) дети оставлены на произвол судьбы и нянек, что отделение содержится не в должной чистоте и опрятности, что дети умирают, по словам нянек, от того, что не берут соску».

На эту публикацию отреагировал тюменский «Вестник Западной Сибири»: «Если действительно в некоторых кружках Тюменского общества циркулируют подобные слухи, то

это, разумеется, весьма печально, так как ими дискредитируется чрезвычайно полезное благотворительное учреждение. Нам думается, что редактору «Сибирской торговой газеты» А.А. Крылову, как гласному городской думы, на которую возложен главный надзор за сиропитательным заведением, прежде чем помещать в газете «слухи», следовало бы только на полчаса заехать в сиропитательное заведение и там, на месте, убедиться, что «невесёлые слухи» не имеют под собой решительно никакой почвы»⁹. Далее следовали опровержения по всем статьям обвинения. По поводу детской смертности «Ве-

⁹ Вестник Западной Сибири. Тюмень. Электро-типография А.Багинина и К. 1911 г. 9 ноября. №238.

*Владимирское ремесленное сиропитательное заведение.
Открытие начала XX в.*

стник» апеллировал к статистике прошлых лет: «...с 21 ноября 1872 г. по 21 ноября 1897 г. принято детей грудного возраста 184, умерло 174, что составило 85% смертности», «в 1909 г. детей грудного возраста было принято 91, умерло 87, что составит 95,5%, в 1910 г. поступило 98, из них умерло 95, что составило 97%. Со времени открытия нового грудного отделения (с мая до октября) прошло всего пять месяцев. Из 37 детей грудного возраста (до 1 года), поступивших за это время в отделение, умерло 32, что составит **только** 86,5 %. И это при том, — писал «Вестник», заканчивая расчёты, — что в летние месяца грудные дети всего более умирают, факт общеизвестный...».

Не согласился Иван Степанович Воронцов, автор «опровержения», и с обвинением в отсутствии надзора: «...попечительница отделения А.Н. Никольская ежедневно посещает отделение. Городской голова П.И. Никольский также очень часто посещает сиропитательное заведение (летом во время ремонта здания он бывал там почти каждый день). Хозяйственные заботы надзирательницы, по нашему мнению, отнюдь не могут мешать надзору за детьми. Ведь самое важное в том, чтобы прислуга, няни были приучены к надлежащему обращению с груд-

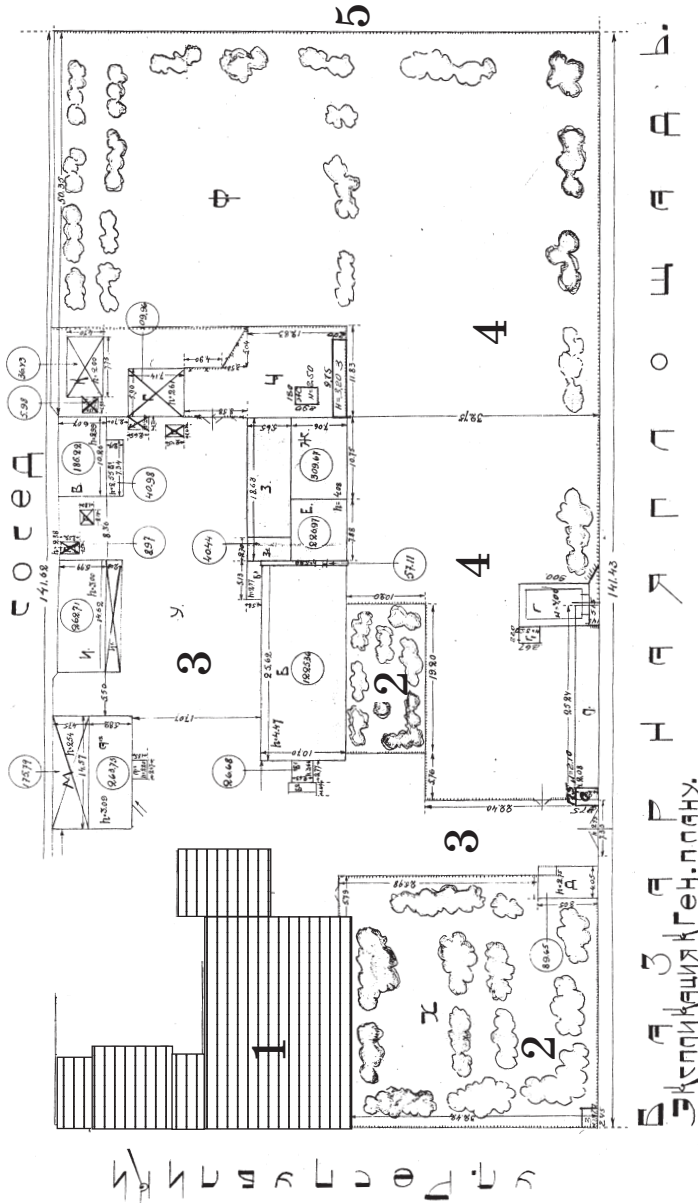
ными детьми, чтобы дети были вовремя накормлены, были чисты, сухи, в чистом белье и всё это строго выполняется».

«Сибирская торговая газета» не заставила себя долго ждать с ответом¹⁰ «В совершенно новом здании, — писал её журналист-очевидец, — по стенам гуляют тараканы». С таким неожиданным аргументом оппонента «Вестник» вынужден был частично согласиться: «здание достраивалось в мае месяце, и в нём раньше перевода туда грудного отделения, действительно завелись тараканы, с которыми надзирательнице пришлось повоевать; в настоящее время, смеем уверить, тараканы «не гуляют по стенам»¹¹.

Одним из главных объектов критики со стороны СТГ стала новая надзирательница грудного отделения, некая «госпожа М.», устроенная на эту должность по протекции городского головы П.И. Никольского вместо прежней, уволенной якобы без согласия попечительского комитета. В доказательство того, что «надзирательницей мало времени уделяется для наблюдения за порядком в грудном отделении», «Сибирская торговая» привела следующий факт: «В среду 19 октября в церковь приюта принесли из грудного отделения мёртвого младенца и поставили на хоры,

¹⁰ Сибирская торговая газета. 1911. №241.

¹¹ Вестник Западной Сибири. 1911. 19 дек. № 22.

ПЛАН УСАДЬБЫ СИРОПИТАТЕЛЬНОГО ЗАВЕДЕНИЯ. АРХИВ БТИ, 1929 г.
 1 — здание сиропитательного заведения; 2 — сад; 3 — двор; 4 — огород; 5 — ул. Ленина

не говоря о том никому ни слова. ...Младенец был отпет только на завтра и только в пятницу в 2 часа дня добрался до могилы». — «Причём же тут надзирательница, — возмутился в ответ «Вестник», — ведь ключи от церкви хранятся не у неё? На её обязанности, в случае смерти ребёнка, лежит только распорядиться выносом умершего в церковь с запиской о имени и медицинским свидетельством о причине смерти, а всё дальнейшее лежит на обязанности того лица, которому доверены настоятелем церкви ключи, он должен пригласить священника отпеть умершего, а после сего сообщить кому следует, чтобы его похоронили. Если действительно произошёл подобный «печальный факт», возмущающий наше религиозное чувство, как свидетельствующий о небрежном отношении к умершему, то в этом виноваты церковные порядки, а никак не надзирательница грудного отделения»¹²

«Среди администрации заведения происходят перемены без ведома комитета», — не унималась «Сибирская торговая». — «...С мнениями членов комитета не считаются вовсе...», «...личные симпатии ставятся выше общественных интересов...», «...лучшие силы уходят из приюта, благодаря царящему там произволу... дрязгам и интригам». «Лучшие? — подхватыва-

вал перебранку «Вестник». — А кто дал право делить членов комитета на «лучшие, деятельные силы» и очевидно, на худшие... кем выдаются подобные аттестаты?». От «Сибирской торговой газеты» досталось и председателю комитета М.А. Брюханову, и городскому голове П.И. Никольскому, и, конечно, газетному «адвокату» заведения И.С. Воронцову, которого СТГ обозвала «вольнонаёмным писцом» канцелярии заведения.

Комментировать этот публичный «спор», думаю, нет надобности, он сам достаточно красноречиво живописует даже не столько обстановку в ВСПЗ, сколько колоритные фигуры обоих спорщиков и то, каковы были нравы и атмосфера в Тюмени девять десятилетий назад.

Докапываться до «истины» и выяснять, как те два конкурирующих СМИ в 1911 г., сколько процентов младенцев умирало — 88,4 или 86, мы не станем. По той или иной причине, смертность в грудном возрасте в самом деле была высока.

Школа

Те из подкидышей, кто выживал, как правило, оставались в заведении надолго. Устав заведения гласил, что девочки могли находиться в заведении до 16, а мальчики — до 17 лет. Из 405 детей, поступивших за первые 25 лет жизни приюта,

¹² Вестник Западной Сибири. 1911. 29 окт. №254.

только 93 были впоследствии взяты на воспитание родственниками.

Во ВСПЗ мальчиков учили переплётному, столярному, сапожному ремёслам, девочек — рукоделию. Заведение следило за судьбой своих бывших воспитанников. Руководству ВСПЗ, например, было известно, что шесть из них проживало у родных и опекунов, шесть девушек вышли замуж, «остальные работали»¹³. Работали выпускники заведения псаломщиками, слесарями, токарями, столярами, малярами, сапожниками, лакеями, горничными, швеями, модистками. Ещё проживая в заведении, воспитанники уже начинали зарабатывать деньги. Сапожное ремесло, которым занимались мальчики, с 1872 по 1897 гг. принесло заведению «доходу» 321 рубль 85 копеек, а рукоделие девочек — 304 рубля. Вся обувь, в которой ходили воспитанники, была изготовлена самими мальчиками, а девочки шили для заведения бельё. Расходы на наём учителей и приобретение материалов для сапожного мастерства составили за то же время 6769 рублей 1 копейку, а для рукоделия — 1026 рублей 98 копеек. Насколько доходной была трудовая деятельность воспитанников, видно невооружённым глазом.

Кроме ремесленных навыков, заведение обучало подкидышей грамоте. Там действовала двуклассная школа с четырёхгодичным сроком обучения. В каждом классе было два отделения — старшее и младшее. Священник был законоучителем в обоих классах и учителем по светским дисциплинам в старшем классе. Младших учила «особая учительница, тюменская мещанская девица, окончившая в местной прогимназии с правом на звание домашней учительницы»¹⁴. Дети осваивали Закон Божий, русскую и славянскую грамоту, арифметику, географию, русскую историю, чистописание и пение (подробнее — в Приложении 1). Занятия начинались в 9 часов и заканчивались в 12.30 (три урока с 10- и 20-минутными переменами). Учебный год продолжался с середины августа до середины июня.

В 1909 году при заведении было учреждено приютское приходское училище Министрства народного просвещения¹⁵.

Экспурсия

Предположим, что вы вошли в здание со стороны нынешней улицы Республики (правда, сейчас на месте парадного входа — окно) и попали в длинный коридор (25,6x2,5 м), ко-

¹³ Отчёт... — С.5.

¹⁴ ГАТО. Ф. И-115.

¹⁵ ГАТО, ф. И-115, д.4, л.3

торый делит здание на две половины: западную и восточную. Первая дверь на западной стороне (направо) — это квартира надзирательницы: большая зала (6,85x5,8 м) перегорожена на три комнаты, в квартире — четыре окна. Дальше — комната «для женских работ и рукоделия» (6,85x5,0 м), там два окна; потом — спальня для девочек среднего возраста (6,85x5,2 м). Разделяет две последние комнаты печь в стене. И, наконец, спальня для старших девочек — комната большая (6,85x8,2 м), светлая и тёплая, в ней — целых пять окон, а в углах комнаты — две печки, топились они из коридора. На восточной половине первого этажа — зал для второго старшего класса и общей столовой (17,1x6,85 м), в нём — две печи и четыре окна. Под церковью размещались две комнаты для больных детей (4,3x4,3 и 3,9x3,6), спальня для детей от года до пяти лет (8,5x4,5 м), две комнаты для грудных детей (5,4x3,6 и 4,3x3,6 м) и «особенная каменная пристройка для заразных больных» (9x3,9 м).

Второй этаж в основном повторял планировку первого: тёплый коридор с двумя окнами делит этаж на западную и восточную половины. На западной находились квартира надзирателя — такая же, как внизу, только окна побольше, сапожная мастерская (6,85x5,0 м),

¹⁶ ГАТО. Ф. И-115. Д.4. Л.1. (1911 г.)

«зала заседаний попечительского совета и канцелярия» и спальня младших мальчиков. На восточной половине — дощатая перегородка с ажурной решёткой делила залу на две части: в правой располагались столовая для мальчиков и спальня старших из них; в левой — первый младший класс, в глубине которого находилась дверь в церковь. Со стороны двора располагались тёплые сени со вторым входом в нижний этаж и вторая лестница в верхний; на лестничных площадках — входы в туалеты, оборудованные «в особой каменной пристройке».

Управлялось заведение попечительским комитетом. Его председателями в разные годы были С.М. Трусов, Ф.С. Серебрякова, городские головы, купцы: потомственный почётный гражданин Прокопий Иванович Подаруев, Пётр Иванович Матягин, Андрей Иванович Текутьев, Павел Иванович Никольский.

Церковь

В 1880—1885 гг. на средства С.М. Трусова и его дочери, вдовы полковника Ф.С. Серебряковой, к южному торцу корпуса ВСПЗ была построена церковь. План и фасад постройки 4 августа 1880 г.¹⁶ утвердила губернская строительная комиссия. Но прежде, чем появилась эта скромная короткая резолуция, проект прожил довольно длин-

ную жизнь. История с возведением церкви началась в конце 1879 г. (тогда в Тюмени только что открылось Александровское реальное училище, построенное П.И. Подаруевым). В 1879 г. неграмотный потомственный почётный гражданин и попечитель Владимирского сиропитательно-ремесленного заведения Семён Михайлович Трусов направил в Тюменскую городскую Думу заявление. К нему Трусов приложил план и проект каменного храма Св. Богоприимца Симеона. (К сожалению, как в этом письме, так и в последовавшей за ним обширной переписке чертежи только упоминаются. Ни к одному из этих документов сегодня чертежи не прилагаются. Возможно, они утрачены, возможно, хранятся где-то не на месте: в каком-нибудь центральном архиве. Ни в ГАТО, ни в ТФ ГАТО мне найти их пока не удалось). Трусов просил городскую Думу рассмотреть чертежи и разрешить постройку здания. Далее он уведомлял гласных, что на строительство «будет ассигнован капитал в 20 тысяч руб. серебром». Вместо неграмотного С.М. Трусова по его личной просьбе заявление подписал тюменский купец Алексей Григорьев Гласков¹⁷.

12 декабря 1879 г. городская Дума, выслушав заявление

о постройке церкви, постановила: выразить глубокую благодарность Трусову «за пожертвование 20 тыс. рублей на устройство церкви при сиропитательном заведении» и уведомить его, «что препятствий... не встречается; но с тем, чтобы на постройку церкви было испрошено... разрешение установленным законом порядке»¹⁸.

Порядок требовал, в частности, благословения правящего епархиального архиерея. В письме епископу Ефрему¹⁹ Трусов так объяснял своё желание воздвигнуть храм: «разстояние, переменная погода, то есть ненастье, или холод лишают детей сиропитательного заведения возможность посещать храм Божий в Воскресенье и в праздничные дни и (...) в устранении этого неудобства и для развития в детях религиозного чувства, он, Трусов, намерен устроить при самом заведении, в связи с зданием домовую церковь». Представляя на утверждение план и фасад церкви, он просил «о внимании к бесприютным и безродным сиротам, коих в настоящее время (1880 г.) призывается в заведении более 60 человек»²⁰. На эту просьбу 25 января 1880 г. Трусову через благочинного протоиерея Родионова было доложено, что «постройка церкви в силу закона разрешается, только по

¹⁷ ГАТО. Ф. И-1. Тюменская городская управа. Оп.1. Д.374. Л. 1

¹⁸ ГАТО. И-1. Оп.1. Д.374. Л. 2

¹⁹ Преосвященный в последний раз посетил приход в 1910 г. 6 февраля.

²⁰ ГАТО. Ф.И.1. Оп.1. Д.374. Л. 3-6

планам и фасадам, утверждённым где следует. Между тем, как об утверждении этом не сделано на плане и фасаде никакой надписи, поему план и фасад возвращён через благочинного Трусову с тем, чтобы по выполнении этого недостатка, т.е. по сделании надлежащей надписи, об утверждении оных, документы эти были возвращены в Консисторию для последовательного распоряжения».

27 января 1880 г. законопослушный гражданин С.М. Трусов обратился с прошением к тобольскому губернатору. Следующей инстанцией «утверждения планов на постройку церквей, общественных зданий» (на основании ст. 10 и 109 XII т. строительного устава 1876 г.) стала губернская строительная комиссия.

После чего проект должен был отправиться на повторное рассмотрение к Преосвященнейшему Ефрему, епископу Тобольскому и Сибирскому²¹.

Тобольская строительная комиссия, рассмотрев проект здания, обнаружила в нём несколько конструктивных недостатков, о чём 21 февраля 1880 года губернатор написал тюменскому городскому голове: «Строительная Комиссия донесла мне, что (...) комнаты нижнего этажа назначено покрыть сводами, устроенными на рельсах; при этом весь потолок средней части поддерживается только двумя метал-

лическими колоннами, тогда как он должен нести довольно большой посторонний груз, не говоря уже о своём собственном весьма значительном грузе, по причине устройства, поверх сводчатых покрытий, каменного пола, толщиной в 6 вершков. При подобном устройстве потолка, необходимо приложить подробный расчёт груза как собственного, так и постороннего, с показанием соответственного сопротивления металлических колонн, а ровно и поддерживающих их фундаментов; а также необходимо приложить и расчёт устойчивости сводиков перекинутых между рельсами. Было бы целесообразнее и дешевле, вместо назначенных средней части двух деревянных переборок, вывести на прочных фундаментах кирпичные стены хотя бы толщиной в два кирпича и на них устроить деревянный потолок; такие же потолки следовало бы устроить и над остальными помещениями нижнего этажа. В среднем помещении больницы и в большой комнате одной печи недостаточно — необходимо две; сени и кладовую для белья следовало бы сделать тёплыми; проход в ватерклозет через сени едва ли будет удобен; в церкви пол, в хорах, неизвестно на чём держится; свод над хорами в плане показан парусный, а в разрезе коробчатый; во всём разрезе следует сделать исправления и, сверх этого, к проекту должна быть

²¹ ГАТО. И-1. Оп.1. Д.374. Л. 3-6

приложена пояснительная записка составителя сего проекта, с подробным описанием конструкции всего здания»²²

Исполняющий должность тюменского городского архитектора Богдан Цинке позволил себе не согласиться с доводами губернской комиссии. 10 марта 1880 г. он изложил свои возражения в письме городскому голове: «... с ч и т а ю долгом объяснить, что согласно требования Епархиального Начальства, основанного на церковных законах и правилах о постройке православных церквей, где это Начальство требует, чтобы полы в церкви, хотя домашних церквей, во втором этаже были основаны на безопасном для пожара каменном своде, поэтому нашёл невозможным заменить каменный свод деревянными потолками согласно замечания Тобольской Губернской Строительной Комиссии. Изменить деревянные перегородки каменными стенами в средней комнате Божницы и также отапливать кладовую для белья, препятствуют мне предписанное требование Комитета Сиропитательного заведения и врача (...). Если и действительно требовалось устроить печь для отопления кладовой, в таком случае должно поместить печь в углу наружной и поперечной каменных стенах, но не коим об-

разом в середине помещения под верхней церкви, где таковая по заметке тобольской губернской строительной Комиссии показана, так как по расположению в верхнем этаже стен трудно отвести дымовую трубу от этой печи»²³.

Богдан Цинке отстаивал свою точку зрения, объяснял причины и обосновывал необходимость своего архитектурно-инженерного решения. Благодаря этой переписке мы наконец-то узнали, что автором проекта церкви при ВСПЗ был именно Богдан Цинке, впоследствии епархиальный архитектор, спроектировавший и построивший на территории Тобольской епархии немало храмов²⁴. Лично я очень рад этому открытию, потому что в Тюмени совсем немного памятников истории и культуры, имена архитекторов которых нам известны. Городская Управа уверяла тобольское начальство в «устойчивости и прочности предполагаемой постройки и употреблении на ём доброкачественных материалов» и ссылалась на удачный опыт работы архитектора Б. Цинке по «производимой под его наблюдением постройки здания под помещение Тюменского Александровского реального училища»²⁵. Вот ещё одно «открытие». То, что здание ТАРУ строилось

²² ГАТО. И-1. Оп.1. Д.374. Л. 7.

²³ Там же. Л. 9.

²⁴ Там же. Л. 7 — 10.

²⁵ Там же. Л.10.

по проекту столичного зодчего Воротилова — общеизвестно, а вот теперь выяснилось, под чьим непосредственным руководством и присмотром возводился этот дворец.

Процесс утверждения проекта затягивался. 12 марта 1880 г. Тюменская Дума просила губернатора утвердить проект, «так как жертвователю купец Трусов за неутверждением проекта стесняется в найме рабочих и заготовке материалов для предполагаемой им постройки церкви»²⁶

Только летом 1880 г. от тобольского губернатора тюменскому городскому голове был направлен долгожданный проект на постройку церкви при ВСПЗ, утвержденный Губернскою Строительною Комиссиею²⁷. Но переписка ещё продолжалась.

В 1881 году скончался Семён Михайлович Трусов, и вместо него все дела по возведению церкви приняла на себя его дочь Ф.С. Серебрякова. 29 июня 1881 г. в связи с кончиной Семёна Михайловича Трусова городская Дума обратилась с письмом к «Ея Высокоблагородию Фотине Семёновне Серебряковой». В биографии С.М. Трусова мне пока очень многое неизвестно, поэтому приведу этот документ без сокращений:

«Милостивая Государыня!
Фотина Семёновна!

Тюменское городское общество, глубоко скорбя о потере высоко уважаемого родителя Вашего, поспешило собраться в экстренное заседание Думы, где и постановило выразить самое живое и искреннее участие в Вашей скорби.

Проживя **около столетия**, покойный родитель Ваш большую часть трудов своих уделял на призрение неимущих, возведя дело помощи ближнему в цель долголетней своей жизни. **Не быв ещё постоянным жителем Тюмени**, покойный Семён Михайлович уже был известен Тюмени благотворительными делами на пользу местных граждан, **с переселением же его в Тюмень** деятельность на этом поприще постоянно выражалась в помощи тем, кто в ней истинно нуждался. Участвуя в каждом благотворительном деле, которое предпринимало общество, покойный родитель Ваш, при ближайшем Вашем содействии, находил в то же время возможность принести самостоятельно весьма значительные жертвы на благо страждущего человечества. Призрение сирот в устроенном покойным на собственные средства владимирском Сиропитательном заведении, благодаря личному наблюдению Семёна Михайловича и ближайшему Вашему руководству развилось настолько, что вполне удовлетворяет целям благотворительности, и являет

²⁶ ГАТО. И-1. Оп.1. Д.374. Л. 10.

²⁷ ГАТО. И-1. Оп.1. Д.374. Л. 12.

собою полное доказательство отеческой любви руководителей дела к призреваемым. Эта христианская любовь вполне обеспечила успех воспитания малолетних и получившие начальное образование в заведении, делаясь членами общества, оказываются вполне подготовленными к трудовой жизни. Щедрота, с которой покойный делил своё состояние с неимущими, и готовность протянуть руку помощи всякому просящему, олицетворяли в нём ту братскую любовь, которую завещал нам Божественный учитель.

Расточая вокруг себя добро, щедрая душа покойного не забывала страждущих и в отдалённых краях. Значительные пожертвования в пользу раненых воинов являют в уважаемом Семёне Михайловиче ту любовь к родине, которая присуща только истинно Русскому человеку.

Как ни велика польза, принесённая Семёном Михайловичем в деле помощи ближнему, но не ею одною увековечил он по себе память. Непрестанная забота о благолепии храмов, жертвования в пользу церквей и истинное служение интересам православной религии занимают одно из видных мест в ряду добрых дел покойного, которые он завершил сооружением храма при Владимирском Сиропитательном заведении.

Как ни тяжела для нашего общества потеря сограждани-

на, принесшего такую значительную пользу, но ещё тяжелее для Вас, многоуважаемая Фотина Семёновна, утрата родителя, с которым Вы привыкли делить полезные труды. Да поможет Господь с мужеством перенести постигшее Вас горе и да облегчит Ваши страдания, то общее участие, которое вызвала смерть незабвенного родителя Вашего. Твёрдая уверенность в том, что Всевышний отозвал достойного Семёна Михайловича к лучшей жизни, должна мирить Вас с незаменимой утратой.

С чувствами глубокого уважения к вам, имеем быть Гражданине города

Подлинный подписали: Городской Голова и Гласный Думы Подаруев; гласные: Пётр Иванов Трусов; Михаил Борисов Кузнецов; Иван Николаев Кузнецов; Иван Иванов Игнатов; Михаил Петров Патрушев; Николай Ракитин; Иван Тимошенков; Павел Иванов Колесов; Андрей Занемойский; Матвей Антонов Вяткин; Алексей Гласков; Михаил Ласкин; Василий Иванов Лысов; Иван Егоров Решетников Первый; Пётр Александров Коновалов; П. Войнов; Никита Илларионов Игнатов; Иван Петров Войнов; Лев Степанов Аласин; Марко Яковлев Вяткин; Василий Яковлев Елькин; Иосиф Антонов Рогожников; Василий Дмитриев Когуров; Федосей Михайлов Солюков; Иван Львов Меркушин; Матвей Семёнов Рылов»²⁸.

²⁸ ГАТО. И-1. Оп.1. Д.374. Л. 3-6 Л. 14-15

Домовую церковь Симеона Богоприимца освятили через четыре года после смерти С.М. Трусова, 22 июня 1885 г.²⁹ Ещё через год, 28 апреля 1886 г., «полковница» Фотина Серебрякова сообщала Управе, что церковь при Владимирском сиропитательном заведении построена, там «заведена утварь и ризница при ней». Первоначальной суммы в 20000 рублей оказалось недостаточно на строительство и обустройство храма, поэтому «из капитала С.М. Трусова было потрачено ещё 21000». Таким образом, «общая сумма (...) пожертвования на это святое дело заключалось до 41000 руб.³⁰, но сколько последовало из них на устройство церкви и заведение утвари и ризницы на каждый предмет в отдельности» Ф.С. Серебрякова объяснить не смогла, «потому что подробных записей покойного родителя моего об этом после смерти его не сохранилось»³¹. Про церковь писали, что «утварью, священными одеждами и богослужebными книгами (...) снабжена в достаточном количестве»³². Увенчанная четырьмя большими «кокошниками» и декоративным пятиглавием³³, церковь с колокольной³⁴ имела отдельный вход с улицы. Кроме того, в неё вели и три двери «из

внутреннего помещения заведения»: один из нижнего этажа, по церковной лестнице, и две — из верхнего этажа. Парадный вход в здание находился со стороны нынешней ул. Республики. Со двора имелся ещё один вход в здание.

Храм был небольшой (площадь 9,9х6 м; высота в куполе — 6,8 м; алтарь — 5,3х3,4 м, высота алтаря — 4,6 м), помещался он на втором этаже пристроя. Церковь освещали шесть больших и двое «меньших» окон, расположенных симметрично с правой и левой стороны храма. «Дубовый иконостас с резными колоннами» был изготовлен художниками и мастерами в Москве. Храм обогревали две большие изразцовые печи. Ещё одна, но простая, стояла в алтаре. Стены и купол были выкрашены масляной сиреневой краской (в алтаре — бледно-розовой) на средства бывшего председателя Комитета тюменского купца Петра Ивановича Матягина и «расписаны изображениями, напоминающими в миниатюре храм Христа Спасителя: в куполе — Господь Саваоф с младенцем на груди, а на четырёх склонах под куполом — четыре Евангелиста. В храм вели две двери: одна из классной комнаты — для воспитанников, другая — с парадного крыльца, для

²⁹ ГАТО. Ф. И-115.

³⁰ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1 Д. 374. Л. 18.

³¹ Там же. Л. 3 — 6. Л. 18.

³² Отчёт... С. 26.

³³ Б.А. Жученко, С.П. Заварихин. Тюмень архитектурная. Свердловск, 1984. С. 116.

³⁴ Отчёт... С. 18.

посторонних». Хоры располагались над дверями, вдоль всей западной стены. «Хороший иконостас, изящно отделанные стены с недурно исполненными св. изображениями, большие окна, прекрасный резонанс, всё это производит, — как писали в конце прошлого века, — впечатление чистого, светлого и благоговейного «дома Божия» и вместе с истовым богослужением и стройным пением воспитанников привлекает немало посторонних молящихся... Дети: мальчики с дядькой, девочки с надзирательницей, встают на свои места и молятся, певчие из них становятся на оба клироса и поют хором на правом клиросе под управлением регента, на левом — псаломщика, а иногда за литургией все дети становятся на середину храма и поют общим хором. За каждым почти богослужением священником произносятся для детей доступные им по содержанию и изложению поучения. Позади обоих клиросов, около северной и южной стен, на равном с амвоном возвышении — особые загороженные места: на правой стороне — для воспитанников, на левой — для воспитанниц; середина храма предназначена для посторонних молящихся, входящих по особому (пара-

дному) крыльцу. Богослужение совершается по воскресеньям и праздникам»³⁵.

Как и хотел С.М. Трусов³⁶, Симеоновский храм был первоначально приписан к Успенской церкви (до 1887 года). Самостоятельной сиропитательная церковь стала 1 апреля 1888 г. У неё появился свой штатный священник, псаломщика, правда, пока не было³⁷. В 1898 г. причт храма состоял из священника и «исправляющего должность» псаломщика «вольнонаёмного лица». Священник, кроме службы в храме и «требоисправления в заведении», работал учителем в приютской школе. За «церковную службу и классные занятия» священник получал от Комитета заведения 640 рублей в год и ещё 240 рублей в год от городской Управы «за службу в общественной Богательне и Больнице»³⁸. Ни квартирой, ни «квартирными деньгами» заведение его не обеспечивало. Священник жил в собственном доме. Псаломщик получал от церкви 180 рублей и 60 рублей в год от комитета. («Ведомость о церкви» сообщает, что в 1911 г. псаломщик получал из церковных сумм 200 р. в год и из братской кружки — 32 р. 40 к. Зарплата регента в 1913 г. составляла 100 р. и из кружки — 30 р. 54 к.)³⁹.

³⁵ Отчёт... С. 25

³⁶ ГАТО, Ф. И-115. Д.2, Л.4 об.

³⁷ Отчёт... С. 25 (ТОКМ, биб. №7861)

³⁸ ГАТО, Ф. И-115. Оп.1. Д.1. Клировая ведомость гр-Тюменской Симеоновской церкви о состоянии церкви (сведения о священниках, дьяконах, церковнослужителях, строительстве церкви, количестве прихожан), 1895 г. Л. 1.

³⁹ ГАТО, Ф. И-115. Д.2. Л.4 об.

Каждые три года для «заведывания церковным имуществом и продажей свеч» городская Дума избирала церковного старосту «из лиц, удовлетворяющих тем требованиям, которые изложены в инструкции церковным старостам». Этот пост в разные годы занимали тюменские купцы Стефан Григорьевич Селивёрстов (1890-е гг.), Николай Ульянович (Иулианович) Ядрышников (к. 1890-х)⁴⁰, Михаил Алексеевич Брюханов (с 1909 г.), Иван Стефанович Ракин (1917 г.)⁴¹, Иаков Васильевич Чусовитин (с 1918 г.)⁴² и др.

К Симеоновской церкви была приписана часовня при городской богадельне* В начале XX века в тюменской общественной богадельне «призревался» 31 человек (12 мужчин и 19 женщин)⁴³.

(Биографические справки о некоторых представителях духовенства ВСРЗ — в Приложении 2).

Усадьба

Помимо основного каменного здания на усадьбе заведений находились:

1. Деревянный, крытый железом флигель для кухонь и прислуги.

2) Деревянные амбары, кладовые и погреб с общим над входами в них навесом⁴⁴

3) Деревянная под железною крышею баня с прачечною.

4) Против амбаров и бани — вторая линия хозяйственных построек: коровник, конюшня, сарай и навес — все в общей связи, деревянные, крытые тёсом.

«Между линиями хозяйственных строений и перед боковым, выходящим во двор, фасадом сиротского дома находился обширный свободный плац, на котором был установлен столб для «исполинских шагов». В глубине двора, за боковыми фасадами хозяйственных строений, было отведено место для огорода, обращенное на юго-запад. Всё пространство земли, отведённой городом заведению, составляло 1920 квадратных сажень (64 сажени вдоль торговой площади и 30 — по улице). Усадьба была обнесена красивым и прочным забором. Из указанной земли 14 сажень по улице и 64 — в глубину было уступлено городом дополнительно в 1895 году для увеличения двора и устройства сада, который частично был разведён уже к 1898 г.». Современники отмечали, что на усадьбе сиро-

⁴⁰ Отчёт... С.26.

Николай Иулианович Ядрышников, по примеру предшественника Стефана Григорьевича Селивёрстова, ежегодно жертвовал на поддержание и улучшение хора до 200 рублей.

⁴¹ ГАТО, Ф. И-115. Д.5.

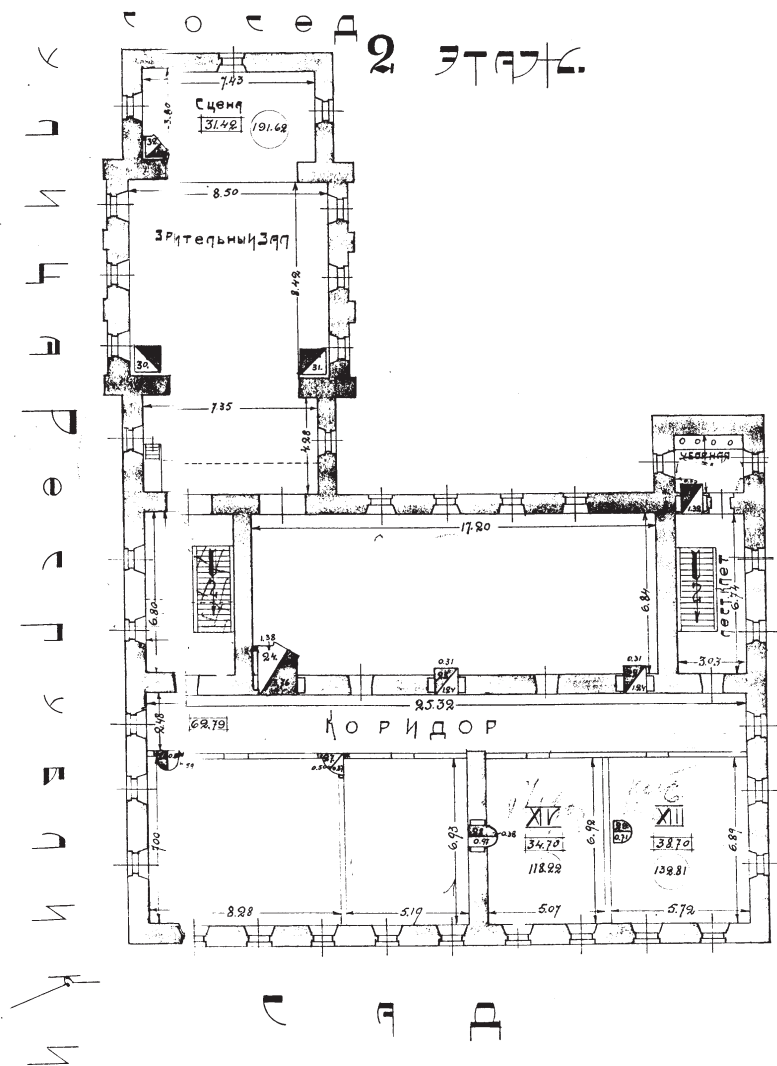
⁴² Там же. Д.8. Л.10.

⁴³ Там же. Д.1.

⁴⁴ Отчёт... С. 18.

Здание Сит. Б.

2 ЭТАЖ.

ПЛАН ВТОРОГО ЭТАЖА. 1930 г.

питательного заведения было «много простора, свежего воздуха». Местоположение приюта называли одним из «самых здоровых в городе».

Благотворители

После смерти в 1881 г. основателя и попечителя сиропитательного заведения Семёна Михайловича Трусова его дочь Фотина Семёновна в поданном ею 21 июля 1881 года заявлении объяснила Комитету, что «убитая горем (смертью отца) и удручённая болезнью она слагает с себя обязанности попечительницы и ни в какие дела не входит более», но фактически «до конца жизни своей продолжала горячо интересоваться делами заведения, душою жила в нём и если приведённые причины и тяжело сложившиеся личные и семейные обстоятельства не позволяли уже ей принимать участие в заседаниях Комитета, то она продолжала давать в его распоряжение все свои средства. Когда у неё истощился капитал, она передала заведению пенсию Государственного казначейства, доставшуюся ей после смерти мужа (285 руб. 90 коп. в год) и кроме того, жертвовала все свои гроши, оставшиеся от более чем скромной её жизни; пожертвования её, кроме внесённых в

Тюменский Общественный банк в основной его капитал 10000 рублей, за которые заведение получает из него ежегодно и будет получать вечно по 2000 рублей; составили с 1873 по 1888 год солидную сумму, более 7098 рублей»⁴⁵.

Люди со средним достатком и даже бедняки тоже вносили свою лепту на содержание заведения. Довольно часто тюменское общество устраивало благотворительные лотереи и спектакли, часть доходов от которых доставалась сиротам. С 1870-го по 1895 год⁴⁶ от организаторов таких акций приют получил 10150 рублей.

29 сент. 1900 г. «Сибирская торговая газета» извещала читателей, что «в театральном помещении А.И. Текутьева в скором времени будет дан спектакль г. Бабош-Королёвым при участии господ любителей драматического искусства в пользу Владимирского сиропитательного заведения»⁴⁷. Обещанное представление, поставленное по комедии какого-то S. под названием «Тёща в дом — всё вверх дном», было дано 19 октября 1900 г.⁴⁸.

Земли при церкви не было⁴⁹, был лишь «пожертвованный солдатской вдовой Анной Кирилловой в пользу приюта ветхий домик, отдаваемый в аренду за 40 руб. в год».

⁴⁵ Там же. С.2 — 3

⁴⁶ Там же. С.13.

⁴⁷ Сибирская торговая газета. 1900. 29 сентября.

⁴⁸ Там же. 1900. 15 октября.

⁴⁹ ГАТО. Ф. И-115. Д.2. Л.1-1об.:

Вот имена лишь некоторых благодетелей приюта и церкви при нём:

Василькова А.И. — 100 р. на храм;

Владимир Александрович и Мария Павловна, В е л и к и е князья — 1200 р.;

Кириллова Анна Ивановна, солдатская вдова (по духовному завещанию), деревянный дом на ул. Острожной (300 р. — с обращением дохода с него в пользу причта за вечное поминовение её и мужа)⁵⁰;

Колмогоров Филимон Степанович, тюменский купец — 5000 р.;

Колокольников Иван Петрович, тюменский купец — 200 р. на храм;

Куликова Ф.С. — 970 р. на храм;

Матягин Пётр Иванович, тюменский купец — 300 р. и ремонт церкви;

Подаруев Прокопий Иванович, тюменский купец — 500 р.;

Проскуракова Капитолина, вдова купца — 10000 р.;

Селивёрстов Стефан Григорьевич, тюменский купец — по 200 р. в год

Серебрякова Фотина Семёновна, дочь Трусова С.М., вдова полковника — 10000 р.;

Трусов С.М., тюменский купец — 41000 р.;

Ядрышников Николай Ульянович, тюменский купец — по 200 р. в год.

(Об источниках доходов и движимом имуществе ВСПЗ — в приложениях 3 и 4).

Заключение

Мне пока неизвестно, когда именно закрыли сиропитательное заведение. Что касается церкви, то почти все тюменские храмы перестали действовать в 1929 г. В 1930 г. здание ВСПЗ числилось уже «муниципализированным». Горкомхоз передал его в пользование Совпартшколе. Тогда же в доме «на углу ул. Республики и Базарной площади под № 50,24» началась реконструкция интерьеров: переоборудовали 11 печей для топки углём, сломали русские печи и установили голландские, побелили и покрасили стены и потолки. Потом неоднократно переделывались или убирались старые перегородки, устанавливались новые, закладывались двери, пробивались окна, коридор соединялся с бывшей кухней, умывальная — с лестницей. Лестницу сломали, а на лестничной клетке устроили комнату⁵¹. Церковь стала зрительным залом Совпартшколы, алтарь обратился в сцену, из досок сколотили кинобудку, бывшая столовая превратилась в читальный зал, частично разобрали церковные главы. Во дворе снесли забор и ворота, постепенно уничтожались сад и

⁵⁰ Отчёт ... С. 28.

⁵¹ Архив БТИ.

огород бывшего приюта. Часть сада стала улицей Орджоникидзе... И это далеко не все и не главные метаморфозы советской эпохи.

Говорят, что медицинская академия в конце 90-х гг. сдала в аренду свой морфологический корпус на 99 лет какой-то фирме, но в августе 1998 г. фирма разорилась. Бесхозное здание в

феврале 1999 г. потрясло тюменцев пожаром.

Не очень давно памятник истории и культуры областного значения⁵² — бывшее Владымирское сиропитательное-ремесленное заведение с домовою церковью Симеона Богоприимца — передали в ведение Тобольско-Тюменской епархии, и уже подготовлен проект его реставрации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Программа школы при ВСПЗ

Предмет	Содержание предмета	Умения, навыки
Первый год. Младшее отделение первого класса		
1. Закон Божий	общеупотребительные молитвы со слов учителя, с объяснением	рассказы о сотворении мира
2. Чтение	научить читать звуки и буквы, слога и слова	(по азбуке Бунакова)
3. Письмо	по клеткам	по методике Гербача
4. Арифметика	счёт до 10	(устно и письменно)
Второй год. Старшее отделение первого класса		
1. Закон Божий	священная история Ветхого Завета	по книге «Начальное наставление в православной вере» Д. Соколова;

⁵² «В градостроительном отношении представляет ценность как значимый элемент исторической функционально-планировочной структуры города, композиционный акцент главной улицы. Уникальный для Тюмени тип здания с высокими архитектурно-художественными свойствами».

2. Русский язык	«Родное слово» Ушинского; книга «Первинка» Бунакова	пересказ прочитанного, выучивание наизусть стихов и басен;
3. Арифметика	счёт до 80	задачи из сборника Евтушевского и Воленса;
4. Чистописание	простые и заглавные буквы, предложения Гербача по двум графам в клетку.	

Третий год. *Младшее отделение второго класса*

1. Закон Божий	Священная история Нового Завета	
2. Русский язык	чтение с пересказом, «Детский мир», часть 1 Ушинского и «Солнышко» Радонежского	
3. Грамматика	понятие о простом предложении и частях его, части речи	
4. Арифметика	счёт до 100 и задачи	четыре действия по сборнику Евтушевского
5. География	общее понятие о Земле: ось, луна, моря, горы, климат, народы и государства	(по учебнику Смирнова)
6. Чистописание	переписывание статей из книг, чтение по-славянски и перевод Евангелия	

Четвёртый год. *Старшее отделение второго класса*

1. Закон Божий	Символ веры и заповеди	(учебник Соколова, учебник «Богослужение православной церкви» Рудакова)
2. Русский язык	чтение и пересказ	(«Детский мир», часть 2, Ушинского)

3. Грамматика	все части речи с правописанием их	изложение, самостоятельное сочинение;
4. Русская история	краткий учебник Иловайского	(от начала Русского государства до Александра Третьего)
5. Арифметика	таблица мер, в пределах 1000	решение задач, дроби
6. Пение	Молитвы	

Приложение 2

Духовенство (законоучители школы, священнослужители, псаломщики церкви) ВСРЗ

1. **Аксарин Иоанн Георгиевич**, в заведении с 1889 г., священник, родился в селе Караульнорском Тюменского округа, сын крестьянина. Окончил курс в Тобольской духовной семинарии со званием студента (1887, 26 июня). Преосвященным Авраамием, Епископом Тобольским и Сибирским, рукоположен во священника село-Чернавской Прокопьевской церкви Курганского уезда. (1887, 25 окт.). Преосвященным Авраамием перемещён на священническую вакансию ко градо-Тюменской Симеоновской церкви сиропитательного заведения (1889, 21 фев.). Преосвященным Иустином награждён набедренником (1893, 4 июня).

Жена: Елисавета Матфеевна, 28 лет; сын Виктор, 4 года; дочь Елена, полгода

Недвижимость: собственный деревянный одноэтажный дом.

Произнесено в год поучений своего сочинения — 32, читано по книгам — 5.

Поведения весьма хорошего, скромного. Судим и штрафован не был⁵³.

2. **Миртов Василий Александрович** (родился в 1877, в 1909 г — 32 года), сын псаломщика, закончил Тобольскую духовную семинарию, где окончил полный курс наук по второму разряду (1898). Преосвященным Антонием рукоположен в сан священника село-Евсинской церкви Ишимского уезда (1899, 24 января). Епископом Антонием перемещён на вакансию второго священника к село-Тугулымской церкви Тюменского уезда (1900, 10 мая). Епископом Антонием перемещён к село-Кармакской церкви Тюменского уезда, на должность настоятеля (1901, 3 мая).

⁵³ ГАТО. И-115. Д.1

Епископом Антонием перемещён на вакансию диакона в градо-Тюменской Спасской церкви (1903, 10 марта). Епископом Антонием перемещён на должность настоятеля ко Градо-Тюменской Симоновской церкви при Владимирском Сиропитательном заведении (1908, 1 августа).

С 3 мая 1901 по 10 марта 1903 состоял заведующим и законоучителем в Зырянской второклассной церковно-учительской школе Кармакского прихода Тюменского уезда.

С 21 августа 1907 г. состоял членом Тюменского Уездного Отделения Тобольского Епархиального училищного совета. С 16 сентября 1908 г. — законоучитель Приютского Приходского Училища в г. Тюмени. С 9 декабря 1908 г. по 1912 г.⁵⁴ состоял духовным следователем по градо-Тюменскому благочинию. С 1 сентября 1910 г. — законоучитель частного Коммерческого училища Колокольниковых в г. Тюмени.

Как настоятель Симоновской церкви содержания от казны не получает; от Комитета заведения — 640 р. в год; как заведующий городской больницей и богадельней от города — 240 р.; как законоучитель министерской школы от города — 120 р.; из братской кружки в 1909 г. получил 105 р.⁵⁵. От приютского Училища получил третьёе не в зачёт жалованья — 40 рублей. Вдов. Детей нет⁵⁶.

За законоучительство в Частном коммерческом училище Колокольниковых получает 75 р. (1910 г.). За годовой урок и из братской кружки за 1913 год получил 91 руб. 62 коп. Преосвященным епископом Антонием награждён набедренником (1903 г. 25 марта) и скуфьёю (1909 г. 13 марта).

Недвижимого имущества нет. В 1902 г. в течение 2-х месяцев был в отпуске, явился в срок. Поведения очень хорошего. Брат псаломщика.

3. Миртов Владимир Александрович (с 16 ноября 1912 г.), псаломщик, сын псаломщика, из 3 кл. Тобольской духовной семинарии (1906 г.), брат священника Миртова В.А.. Жена — Евдокия Никифоровна, 20 л., дети — Борис (р. 30.04.1911), Александр (р. 30 авг. 1912 г.), Николай (р. 30.11.1913 г.). 19 декабря 1909 г. Преосвященным Антонием, епископом Тобольским и Сибирским, определён на вакансию псаломщика к село-Кармацкой церкви, Ишимского уезда. 16 ноября 1912 Преосвященным Алексием перемещён на ту же вакансию ко градо-Тюменской Симоновской церкви при Владимирском сиропитательном заведении.

Недвижимого имущества нет.

⁵⁴ ГАТО. И-115, Д.10.

⁵⁵ В к. XIX века ведро церковного вина стоило 8 рублей.

⁵⁶ ГАТО. Ф. И-115. Д.2. Л.2 об.

Из сумм церкви получает по должности псаломщика 200 рублей в год и из тех же сумм по должности регента — 100 рублей, и из братской кружки за 1913 г. получил 30 руб. 54 коп.⁵⁷.

4. Иноземцев Михаил Ильич, протоиерей, 58 лет (1917 г.), сын причетника. В 1882 г. окончил курс Тобольской духовной семинарии. Тогда же рукоположен в сан священника село-Дымковской Покровской церкви Туринского уезда. Состоял законоучителем сельского училища и Берёзовской церковной приходской школы (1882 г.). Утверждён в должности экзаменатора церковных школ (1888 г.). Избран членом Благочиннического Совета (1891 г.). 3 августа 1892 г. переведён к градо-Тюменской Вознесенской церкви и назначен благочинным городских церквей. В 1903 г. по собственному прошению освобождён от должности благочинного. С 1892 по 1894 г. состоял наблюдателем церковных школ, в 1882—1903 гг. — директором тюремного отделения г. Тюмени. В 1882—1913 Иноземцев — законоучитель Вознесенского приходского училища. В 1892—1904 гг. состоял законоучителем Мысовского училища, а в 1900—1913 гг. — законоучителем Колмогоровского приходского училища.

Недвижимого имущества нет.

В 1888 г. награжден набедренником, в 1892 г. — скуфьёю, в 1896 г. — камилавкою, в 1900 г. — наперсным крестом⁵⁸, в 1908 г. — орденом св. Анны 3-й степени. 6/8 мая 1914 г. возведён в сан протоиерея. По должности настоятеля церкви сиропитательного заведения получает 640 руб. в год, в частном коммерческом училище Колокольниковых 1050 руб. и кружечного дохода за 1917 г. получил 400 рублей, а всего 2090 рублей. В 1892 г. Иноземцеву объявлена Архипастырская благодарность. За заведование Вознесенской церковно-приходской школой объявлена Архипастырская благодарность, 1904 г. В 1905 г. избран в члены благочиннического совета. В 1900 г. утверждён в звании Председателя Тюменского отдела Епархиального Братства. С 16 мая 1905 г. по 13 ноября 1906 г. состоял председателем строительного комитета по постройке нового соборного храма в Тюмени.

Служил законоучителем в трёх первых классах тюменской женской гимназии, временно исполнял обязанности Председателя Тюменского уездного отделения Епархиального Училищного Совета (1906 г.), состоял членом комитета по образованию денежных сумм и имущества Троицкого монастыря (1905 г.).

За усердное отношение к учебно-воспитательному делу в Вознесенской церковно-приходской школе Иноземцеву преподано

⁵⁷ Там же. И-115. Д. 5

⁵⁸ Там же. Д.8. Л. 5.

архипастырское благословение (1912 г.). Состоял следователем по градо-Тюменскому благочинию (1912 — 1916 гг.). Назначен членом Тюменского уездного отделения Тоб. Еп. Училищного Совета.

21 января 1914 г. Варнавой, епископом Тобольским и Сибирским, перемещён к Семионовской церкви на вакансию настоятеля.

С 10 марта 1914 г. состоял законоучителем частного коммерческого училища Колокольниковых и благочинным градо-Тюменских церквей (1916, 6 сент.). В 1917 г. освобождён от должности благочинного.

Семья: жена Серафима Павлова (р. 1866, 20 июня).

Дети: 1. Надежда (р. 1890 г., 15 июня) состоит учительницей тюменского Вознесенского училища.

2. Екатерина (р. 1896, ноября).

3. Вера (р. 1902, 23 июня).

5. **Чернавин Христофор Митрофанов** (1909), родился в 1889 г. в Екатеринбургской епархии, в семье священника; Тобольскую семинарию не окончил, ушёл после первого класса.

6. **Львов Константин Павлович** (в 1909 г. — 64 года), заштатный священник, пенсия в 360 р. в год, сын протоиерея. Окончил Томскую духовную семинарию. Судился «за вымогательство за брак» с дворянина Яворского; Томским епархиальным начальством оштрафован в 1897 г. на 40 р. Награждён наперсным крестом, 1905 г. С 1899 г. служил в Тобольском кафедральном соборе. В 1904 — 08 гг. был тюменским благочинным. Вдов. Две дочери⁵⁹

7. **Шустов Александр Николаевич**, псаломщик, 22 года (1917 г), сын дьякона⁶⁰

Знаков отличия и наград не имеет, содержания от казны не получает. Из сумм церкви получает: по должности псаломщика 480 руб. в год; из братской кружки за 1917 год дохода получил 200 руб., а всего 680 р. Из первого класса Тобольской духовной семинарии резолюцией Преосвященного Варнавы от 29 сентября 1914 г. назначен псаломщиком к градо-Тюменскому Знаменскому собору. 20 ноября 1915 г. епископом Варнавой перемещён к градо-Тюменской Симеоновской церкви при сиропитательном заведении. Под судом и следствием не состоял.

Жена — первого брака Александра Ивановна, 25 лет⁶¹.

⁵⁹ ГАТО. Ф. И-115. Д.2. Л.4 об.

⁶⁰ Там же. Д.8. Л.5.

⁶¹ ГАТО. Ф. И-115. Оп.1. Д.11 Клировая ведомость гр.-Тюменской Симеоновской церкви при Владимирском Сиропитательном заведении Тоб. епархии за 1917 г. — Л.2.

8. Шумков Иоанн Фёдорович — бывший воспитанник сиропитательного заведения, 19 лет (в 1911 г.), в 1900 г. окончил тюменское четырёхклассное городское училище, холост⁶², с марта 1910 г. — и.о. псаломщика Симеоновской церкви.

Приложение 3

Перечень движимого имущества заведения

1. Платья, бельё, обувь и постельные принадлежности — 293 р. 45 к.
2. Столовое бельё — 9 р. 00 к.
3. Лампы и подсвечники — 17 р. 80 к.
4. Кровати, столы, шкафы, стулья и прочая мебель — 790 р. 60 к.
5. Учебники, библиотечные книги, карты, чертежи — 298 р. 22 к.
6. Картины, портреты, гравюры — 140 р. 50 к.
7. Иконы, кроме церковных — 65 р. 30 к.
8. Инструменты слесарные и токарный станок — 321 р. 10 к.
9. Инструменты столярные — 83 р. 05 к.
10. Инструменты сапожные — 23 р. 50 к.
11. Инструменты переплётные — 22 р.00 к.
12. Швейные машины, 3 шт. — 105 р.00 к.
13. Самовары, медная и железная или чугунная посуда — 148 р. 45 к.
14. Разная посуда столовая и чайная — 7 р. 60 к.
15. Разные хозяйственные предметы — 1046 р. 21 к.
16. Конная упряжь и сбруя — 120 р. 10 к.
17. Скот — 170 р. 00 к.

Всё достояние заведения, в т.ч. его здания с церковью — 70.000 рублей.

Капитал и движимое имущество — 122972 руб. 54 к.⁶³.

Приложение 4

Источники доходов заведения

Годовой доход (1898) заведения составляли:

1. Проценты с капитала, вложенного в Тюменский общественный банк — 2282 р. 13 к.
2. Проценты с капитала, вложенного в Государственный банк — 343 р. 90 к.
3. Проценты с билета Государственной ренты — 38 р.00 к.
4. Проценты с пяти билетов внутренних с выигрышного займа — 23 р. 75 к.

⁶² Там же. Д.4. Л.4.

⁶³ Отчёт... Тюмень, 1898. — С. 16

5. От Тюменского общественного банка за капитал, вложенный Ф.С. Серебряковой — 2000 р. 00 к.

6. От Тюменского городского ломбарда за капитал, вложенный И.Г. Войновой — 100 р. 00 к.

7. От Тюменского попечительного о тюрьмах отделения 367 р. 60 к.

ВСЕГО — 5155 р. 38 к.

Никаких долгов заведение на 21 ноября 1897 г. не имело⁶⁴.

В 1917 г. кружечный сбор в церкви составил 600 р., недвижимой суммы в кредитных учреждениях находилось — 3062 руб.

На содержание священно-церковнослужителей имелись:

1) билеты Гос. Комиссии Погашения долгов на вечный вклад 3,5%, 4%

2) три 5% облигации I внутреннего займа 1908 г. на 100 р. Облигации хранятся в тюменском отделении Государственного банка.

Кроме того, имелись капиталы причта:

а) 4% билет на 966 р.

б) 5% выигрышный билет второго внутреннего займа 1866 г. на 100 рублей и квитанция Тюменского Отделения Государственного банка на 200 руб.

Первый вклад (966 рублей) был внесён тюменской мещанской вдовой Феодосией Александровой Куликовой, второй (100 р.) — чиновническою женой Александрой Иоанновой Васильковой и последний — тюменским купцом Иоанном Петровичем Колокольниковым. Капиталов церкви на текущем счёту 459 руб.

Зданий, принадлежавших церкви, нет⁶⁵.

Церковные деньги хранились «за ключом старосты и печатью церковною». Неподвижной суммы в кредитных учреждениях состояло 3062 руб. 60 коп⁶⁶.

⁶⁴ Там же. С.17.

⁶⁵ ГАТО. Ф. И-115. Оп.1 Д.1. Клировая ведомость градо-Тюменской Симеоновской церкви о состоянии церкви (сведения о священниках, дьяконах, церковнослужителях, строительстве церкви, количестве прихожан), 1895 г. — Л. 1

⁶⁶ ГАТО. Ф. И-115. Д.10. Д. 1.

По материалам семейного архива

В метрической книге Демьянской церкви за 1900 год в части первой «О родившихся» сделана запись: счет родившихся — 13; месяц и день рождения — 18 февраля, крещения — 19 февраля; имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания — деревни Островной Антипий Андреевич Калашников и законная жена его Вера Григорьевна, оба православные; звание, имя, отчество и фамилия восприемников — с. Демьянского крестьянский сын Евмений Игнatieв Черняков и дер. Солунка девица Ирина Ефимова Мокроусова; совершил таинство крещения — села Уктусского священник Владимир Сосунов».

Так было отмечено появление на свет еще одного православного — Василия Антиповича (Антоновича) Калашникова.

Национальность — великоросс. Запись о национальности сделана 30 января 1932 года в «Трудовом списке» на основании личной книжки записн. РККА.

Мать Василия Вера Григорьевна в 1901 году во время родов второго сына умерла. Отец остался с двумя малютками на

руках: одному был годик, второй только родился. Через некоторое время Антипий Андреевич снова женился, от второго брака у него родилось двенадцать детей. В 1911 году Василий успешно оканчивает сельское начальное училище, о чем получает свидетельство за № 298, выданное Тобольским уездным училищным советом. До 1916 года он остается дома и работает в хозяйстве отца. В 1916 году с фронта возвращается отец. В этом же году Василий готовится за двухклассную школу и после испытательных приемных экзаменов поступает учиться в Тобольскую сельскохозяйственную школу. С этого времени в хозяйство отца он уже больше не возвращается.

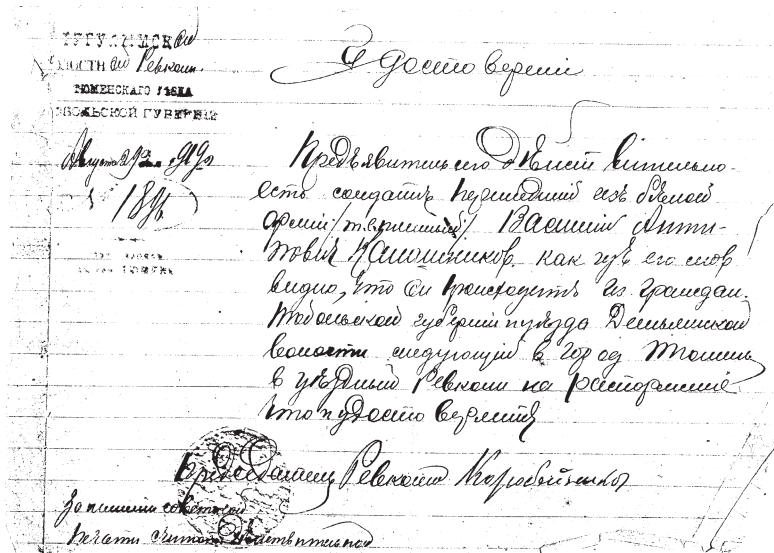
Учась в Соколовской сельскохозяйственной школе, Василий Калашников вместе с товарищами Иваном Зудиловым и Павлом Пахалковым стоял у истоков создания Тобольской организации коммунистической молодежи. В тобольской газете «Советская Сибирь» № 112 за 15 сентября 1979 года к 60-летию Тобольского комсомола напечатана статья «Они были первыми». В ней описан случай, как моло-

дые коммунары Зудилов, Пахалков и Калашников спасли от белочехов всю переписку и нелегальную литературу, выведя из-под удара тем самым организацию. Автор статьи ветеран комсомола А. Москвин — участник событий того времени.

В 1919 году на территории сельхозшколы разместился штаб колчаковской дивизии. Колчаковцы узнали о молодежной организации. Коммунары ушли из школы, организовав две боевые дружины. Василий не успел уйти из города и был мобилизован в армию Колчака. Служил писарем в штабе 4-го Чистопольского полка. В этом же 1919 году он переходит к красным, что подтверждается удостоверением, вы-

данным Тугулымским волостным ревкомом Тюменского уезда Тобольской губернии от 29 августа 1919 года № 1896. В удостоверении сказано, что «предъявитель сего действительно есть солдат, перешедший из белой армии (т.е. пленный)» и следует он в город Тюмень в уездный ревком, что и удостоверяется. Подписано удостоверение председателем ревкома Коробейниковым. Поставлена печать и сделана приписка: «за неимением советской печати считать действительной».

С 29 октября 1919 года В. Калашников служит в РККА в 29-м Военно-Полевом строительстве, как написано в документах, в третьем батальоне инженерной бригады писарем в штабе.

С. Дессин Вершин

Мухоморова А. А.
1896

*Предъявитель сего Василий Викентьевич
есть солдатский, перешедший из белой
армии (пленный). Василий Анто-
нович Калашников, как сын его сестры
видю, что он перешел в бригаду
Тобольской губернии в уездный ревком
во время следования в город Тюмень
в уездный ревком на рассмотрение
что и удостоверяется*

Председателю Ревкома Коробейникову

*Записано секретарем
Калашниковым Василием Викентьевичем*

Удостоверение, выданное В.А. Калашникову, на путь следования до Тюмени

15 апреля 1921 года на основании приказа РВСР № 316/М Калашников был откомандирован в распоряжение Тобольского земельного отдела как специалист по сельскому хозяйству. При увольнении из РККА ему дана аттестация (текст приводится без изменений).

Аттестация

Дана сия письмоводителю строевой части ШТАБА 3-го Военно-Инженерного Батальона при 29-м Военно-Полевом Строительстве тов. КАЛАШНИКОВУ Василию Антиповичу в том, что ОН состоял на службе в 3-м Батальоне с 15-го октября 1920 года и по день его откомандирования, т.е. по 14-е апреля 1921 г. как специалиста по с/х — при выполнении возложенных на него обязанностей письмоводителя являл собой пример в высшей степени: аккуратного, добросовестного и исполнительного служащего, а потому он т. КАЛАШНИКОВ при увольнении из части всем гражданским и военным учреждениям РЕСПУБЛИКИ может быть рекомендован как хороший в деле работник, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Под судом и следствием в Б-НЕ не состоял.

14 апреля 1921 года.

№ 2787

*Командир 3-го Воинбата
(подпись)*

Военный комиссар (подпись)

Адъютант Б-НА (подпись)

С 1921 года Василий Калашников работает в Тобольском уездном земельном управлении по своей специальности. Формально сельхозшкола им не закончена, так как в армию Колчака он был мобилизован перед выпускным экзаменом. Поэтому в 1922 году он в особой комиссии экстерном держит экзамены за сельхозшколу, представляет письменный отчет о практической работе, после чего получает свидетельство об окончании школы.

С 1922-го по 1924 гг. он работает в аппарате Тобольского окружного земельного управления. По своей должности проводит среди крестьян большую работу. Сохранился интересный мандат, выданный Василию 17 февраля 1923 года (текст приводится без изменений).

Мандат

Предъявитель сего техник по сельскому хозяйству Тобуземууправлению тов. КАЛАШНИКОВ, Василий Антонович командируется в волости: Новосельскую, Надцинскую, Уватскую, Юровскую и Демьянскую для участия как представитель Тобуземууправления в крестьянских беспартийных конференциях, где ему поручается сделать доклады:

1) О предстоящей весенней посевной кампании 1923 года и связанных с нею задачах;

2) Разъяснить населению земельный кодекс.

Вместе с этим т. КАЛАШНИКОВУ поручается:

1) *Наладить в этих волостях работу волзоотехнических комиссий.*

2) *Проверить и наладить работу прокатпунктов и ремонтных мастерских.*

3) *Проверить на складах продконторы в селе Демьянском семенное зерно в смысле целесообразности его хранения, всхожести, натуре, сортности и влажности.*

4) *Пробудить администрацию складов к скорейшему отсортированию семзерна, давая нужные технические указания.*

Всем учреждениям, должностным лицам предлагается оказывать широкое и безоговорочное содействие тов. КАЛАШНИКОВУ в исполнении возложенных на него заданий с безпрепятственной подачей бесплатных подвод для передвижения.

Предуисполком (подпись)

Завузем управления (подпись)

Секретарь уисполкома (подпись)

Из командировки Калашников вернулся 19 марта 1923 года, на мандате стоят отметки убытия и прибытия. В то время взрослоли быстро. Молодому человеку всего двадцать три года, а ему была поручена работа, которая в настоящее время под силу только целому коллективу, и она была им успешно выполнена.

В мандате мы видим допущенную кем-то ошибку. В документах из армии его отчество Антипович, а здесь — Антонович, Антоновичем он и остался на всю жизнь.

О серьезном отношении к порученному делу, о его деловых качествах говорит работа, которая ему поручается. Вот еще один сложный вопрос, который ему пришлось решать. 26 марта он был направлен в село Абалак в Абалакский мужской монастырь.

Мандат

Предъявитель сего КАЛАШНИКОВ Василий Антонович действительно командирован в с. Абалак для взятия на учет движимого и недвижимого имущества, а также и всего с/х инвентаря, находящегося до сего времени в ведении Абалакского мужского монастыря. Тов. КАЛАШНИКОВУ поручается на месте создать комиссию, пригласив в такую члена Исполкома, представителя от населения, производя строгий учет через посредство описей и должных актов, а потому предлагается Абалакскому Вол. Исполкому оказывать всяческое содействие по данному вопросу.

Кроме того, всем Волисполкомам предлагается оказывать безоговорочное содействие в подаче подвод для предъявителя БЕЗПЛАТНО.

Начальник Тобольского уездного земельн. у-ния (подпись)

Секретарь (подпись)

Из командировки Калашников вернулся 30 марта.

С 1924-го по 1930 г. Василий Калашников работает агрономом Дубровного района Тобольского округа. Работая, он постоянно продолжает заниматься повышением уровня знаний. Сохранились следующие документы:

справка № 18 от 3 февраля 1926 года, выданная в Свердловске, о том, что ученый агроном В.А. Калашников является слушателем двухмесячных курсов агроземработников;

удостоверение от 27 октября 1928 года о командировании в г. Свердловск на областное совещание по поднятию урожайности, имеющие быть 3 ноября с.г. (сохранен стиль письма удостоверения).

Со своей будущей женой В. Калашников встретился в сельхозшколе. После выпуска из Ольгинского приюта для детей-сирот переселенцев она поступила в сельхозшколу и училась на специальности «пчеловод». К 1930 году у них было уже трое детей. На семейном совете они решают, что если им переехать в южные районы (планировался район Колпашево), то Мария Федоровна сможет работать на пашке и одновременно заниматься воспитанием детей. Но то было время, когда специалисту просто и переехать в другое место было невозможно. Руководство управления посовето-

вало Калашникову заключить договор для работы в районах Крайнего Севера сроком на один год; отработав его, можно будет уехать в любое место. Василий Калашников так и делает: он заключает договор для работы в Сургуте. При увольнении по этому договору из Дубровного Калашникову выдали отзыв о его работе, который гласил: «*Выдан настоящий от Президиума Дубровного Районного Исполнительного Комитета гр-ну Калашникову В.А. в том, что он, Калашников, работая в должности районного агронома в названном выше районе с 1 августа 1924 года по 31 июня 1930 года, все возлагаемые на него обязанности по должности районного агронома за все время службы выполнял добросовестно, не жалея сил и знаний, отдавая делу развитие и перестройки сельского хозяйства*» (стиль написания сохранен). Отзыв № 2-Б-1 от 16 июля 1930 года.

В Сургут Калашниковы приезжают 25 августа 1930 года по удостоверению № 43-2607. В удостоверении говорится, что предъявитель сего агроном Дубровного района т. Калашников В.А. командировается в Сургутский район на должность зоотехника. Он был первым, кто приехал для работы в Сургут по договору. С июля 1930 года он принят на должность райзоотехника в Сургутский РИК Остяко-Вогульского округа.

В августе 1930 года Калашниковы на пароходе отправились из Тобольска к новому месту службы в Сургут. Для них было заказано две каюты. На этом же пароходе из отпуска возвращались Аркадий Степанович и Анна Андреевна Знаменские с сыном Аркадием: они работали в Сургуте учителями. С Аркадием Степановичем Мария Федоровна была знакома еще с приюта. Когда она была воспитанницей, а он гимназистом, они встречались на вечерах. Знаменским достались общие места. Калашниковы поделились с ними каютой: в одной остались они с двумя младшими детьми, а в другой — Знаменские, их сын и старшая дочь Калашниковых Серафима. По приезде в Сургут первое время Калашниковы жили у Знаменских. Затем временно под жильё им отдали Дом пионеров. А уже после того, как В. Калашников отработал по договору год, а закон о неувольнении специалистов остался в силе, более практичная в жизни Мария Федоровна настояла на покупке своего дома, говоря мужу: «Не дай бог, с тобой что-то случится, и семья останется на улице».

Работая зоотехником, Василий Антонович много сил отдавал развитию животноводства района. По каждому колхозу у него были заведены журналы, в которые заносились все необходимые для работы данные. Бла-

годаря этим журналам В. Калашников владел, например, информацией, когда и сколько было надоено конкретно по каждой корове молока, и проводил выбраковку скота, улучшая, таким образом, породу.

В Сургуте он начинает заниматься звероводством. Под его руководством в колхозах стали строиться зверофермы по разведению песцов и черно-бурых лис.

Понимая, что полученных в сельхозшколе знаний в настоящее время уже не хватает, он поступил учиться в Заочный институт сельского хозяйства, занимался на курсах повышения квалификации. Сохранилось удостоверение о направлении его на курсы и удостоверение об окончании курсов повышения квалификации, проходивших в Москве по профилю районных звероводов. Занимаясь на этих курсах, он по всем дисциплинам получает отличные отметки, за что комиссар по земледелию приказом № 517 объявил ему благодарность.

Полученные знания В. Калашников постоянно передавал людям. Прекрасно понимая, что знать самому предмет — это одно, а суметь передать знания, доходчиво донести их до людей — совершенно другое, он учился и этому. Сохранилась справка: *«Выдана районному зоотехнику Сургутского РИК тов. Калашникову в том, что на проводимых одномесячных курсах колхозных конюхов бригадирах и двух-*

месячных курсах колхозных животноводов в селе Сургут в период февраль-апрель 1934 г. тов. Калашиниковым по основным специальным дисциплинам на указанных курсах прочитано сто пятьдесят часов. Отношение к курсовой работе тов. Калашикова и качество работы добросовестное. Справка выдана на предмет предъявления заочно в Ленинградский агропедагогический институт. Справка выдана Сургутско-Ларьякским Районным Интегральным Союзом Кооперативов и колхозов Сургутского района Остяко-Вогульского округа».

15 февраля 1938 года Сургутской районной инспектурой народно-хозяйственного учета Калашиникову выдано удостоверение № 20-9, подтверждающее его участие во всесоюзной переписи скота на 1 января 1938 года в качестве старшего регистратора по Усть-Балыкскому Совету Сургутского района, где указано, что к работе он относился добросовестно и материал переписи сдал на «хорошо».

В 1939 году он принимает участие во Всесоюзной переписи населения в качестве счетчика по Сургутскому району, что подтверждается справкой, выданной Бюро Всесоюзной переписи населения 1939 года № 23 от 12 декабря 1939 года.

К работе Василий Антонович относился с полной отдачей сил, не щадя себя, этого же требовал и от других. Требовал

своевременного и точного исполнения необходимых для нормальной работы указаний и распоряжений от всех, несмотря на занимаемые должности. Нагрузки последние лет отразились на его здоровье, он серьезно заболевает, перенеся частичный паралич.

Поднявшись после болезни, понимая, что исполнение прежних обязанностей пока ему будет не под силу, он по личной просьбе переводится зоотехником племотдела в аппарат РайЗПО. Затем его переводят участковым зоотехником Тундринского участка, а в 1940 году он назначается зоотехником Сургутского зооучастка.

В 1940 году В.А. Калашиников в составе делегации от Сургутского района направляется в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВДНХ) с 17 по 21 июня.

В 1933 году, чтобы подтвердить свое происхождение, он вынужден был сделать запрос по месту жительства своего отца. 21 октября 1933 года Черноярским сельским Советом ему была выслана справка, что он происходит из крестьянской семьи, отнесенной в настоящее время к середняцкой группе, и что из семьи он выбыл в 1917 году и в хозяйство отца больше не возвращался.

Василий Антонович был заядлым рыбаком и охотником. Много читал и привил любовь к книгам своим детям. Калаш-

никовы владели прекрасной библиотекой. Уже будучи на фронте, Василий Антонович писал жене: «Если будет совсем трудно, то продай все: сети, снасти, но сохрани библиотеку». Но библиотека, к сожалению, практически не сохранилась: сургутяне брали читать, но не всегда возвращали книги назад, а Мария Федоровна никому не отказывала, она говорила так: пусть это будет память о нашей семье. В домах старого Сургута можно было часто встретить книги с надписью «В. Калашников».

В 1936—1937 гг. начальник Сургутского НКВД попросил

Калашниковых представить список книг домашней библиотеки. После ознакомления со списком он отметил часть книг и предупредил, чтобы читать их никому не давали и из дома не выносили, в противном случае библиотеку будут вынуждены конфисковать.

В НКВД Василия Антоновича приглашали и по такому случаю: в Сургуте жили политссыльные врачи, муж и жена Кригеры. Калашниковы поддерживали с ними дружеские отношения. С Василием Антоновичем провели беседу, ему предложили прервать с ними отношения, но он ответил, что

член КПС
Рыжиков
Федотов

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

БИЛЕТ НА ВЫСТАВКУ
ВЫДАН

Командировочное удостоверение № 55363
Выдано тов. Калашников Василии Антонович
(фамилия, имя, отчество)

в том, что он командирован в гор. Москву на Всесоюзную Сельскохозяйственную Выставку 1940 года, как Эккурса́нт от Сургутского
(написать: „участник выставки“ или „эккурса́нт“)
Рыжиковского колхоза „Красный рабочий“ округа
(наименование колхоза, совхоза, МТС и т. д.)
района Сельский области, края, республики.

Настоящее удостоверение дает право на получение общежития в Москве сроком на 5 дней с 17 по 21 июня включительно.

Главный Комитет
Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставки

Подпись руководителя командирующей организации Федотов

Удостоверение, выданное В.А. Калашникову,
на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку

не может отказать от дома людям, спасшим жизнь его детям. Впоследствии Кригеров перевели в другое место.

В сентябре 1941 года В. Калашникова увез в Омск эшелон с военнообязанными, и домой он уже не вернулся — ушел на фронт. Сохранился рапорт, написанный им политруку батареи.

Рапорт

Доношу, что по прибытию в Омск на пересыльный пункт с эшелонном военнообязанных — 103 человека и лошадей 369 (для Красной Армии), эшелон в ночь был расформирован по частям. Вследствие чего мною не закончена передача лошадей, недооформлены и не отосланы Ханты-Мансийскому Окружному Военкому и Сургутскому Исполкому денежные и другие важные документы. Денежных документов имею на руках на 18565 рублей.

Представляя эти документы на 34 листах с сопроводительным в два адреса, прошу оказать действие в их пересылке по назначению через штаб полка.

Писарь 3-й батареи В. Калашников.

11 октября 1941 г.

Политрук 3-й батареи 1-го дивизиона документы переслал по адресам и даже рапорт, написанный ему, переслал семье Калашникова.

В письмах с фронта жене Василий Антонович пишет, чтобы

она обязательно подняла на ноги детей и дала им образование. Он пишет, чтобы все ребята, хоть на коленках, но добивались вершины образования, это его завещание, и если он не вернется, пусть помогают учиться друг другу и берегут друг друга.

Старшей дочери Серафиме (в 1941—1942 гг. она училась в Омском учительском институте) он наказывал, чтобы она обязательно заканчивала учительский и готовилась в педагогический институт. Он писал: «Наука дается не легко, но перед трудностями не отступай, а, наоборот, упорно преодолевай их. Готовь себя к работе в школе. Не пугайся первых ошибок и шероховатостей, у начинающих во всяком деле они бывают, будут они и у тебя. Никогда не уходи с учительской работы, не меняй ее ни на какую другую. Труд учителя, может, и тяжеловат, но это благодарная работа, почетная». Когда дочь закончила институт и начала работать, он писал: «С учениками веди себя без лишнего панибратства, но и без грубостей и высокомерия. Не допускай сынков и пасынков. Будь требовательна к ученикам и к себе». В другом письме он пишет ей: «Сима, твои успехи радуют меня. С преподавателями и всеми окружающими тебя людьми будь выдержана, вежлива, справедлива. Не допускай гордости, грубости, будь проста в обращении с людьми. Рабство, подхалимство,

я знаю, тебе чужды, от этих пороков ты свободна».

Василий Антонович Калашников домой не вернулся — скончался в госпитале 29 ноября 1943 года. Похоронен в деревне Шахово Старорусского района Новгородской области.

Жена и дети выполнили его завещание: обе дочери, Серафима и Тамара, стали педагогами и всю жизнь проработали в шко-

ле. Владимир закончил Уральский политехнический техникум, а Леонардо закончил Свердловский автотодорожный техникум.

(По материалам семейного архива, по рассказам бабушки Марии Федоровны Калашниковой и матери Серафимы Васильевны Федуловой).

На санях и верхом к сибирским прокаженным

Страницы из книги [Лондон, 1894 (англ. яз)]

Приятный сюрприз ожидал нас в Тюмени...

Мистер и миссис Вардропер встретили нас в своем доме так, как будто мы были их собственными детьми. Мы уселись усталые, перепачканные, в синяках, за горячий ужин, а затем отправились на ночной отдых. Мы повалились на мягкие и лакомые постели в чем были и вскоре заснули...

Тюмень — старый город с длинными, широкими улицами и несколькими церквями, окрашенными в белый цвет, с зелеными куполами, придающими им светлую и свежую внешность.

Госпиталь в городе, я извиняюсь за сказанное, наихудший, который я где-либо видела. Ко-

нечно, после моего опыта чистых, светлых английских госпиталей мне необходимо убавить критику.

Я приняла приглашение посетить роскошное поместье около 40 миль от Тюмени.

В комнате, в одной из деревень, где мы остановились, было много горшков с цветами и большими китайскими розами, которые могли расти только в доме, теплицах, но даже здесь, в этой ужасно холодной стране, комнаты так сдерживали тепло, что в лучших стеклянных жилищах все виды цветов могли быть обнаружены.

Нам оказали щедрое гостеприимство.

Мы были удивлены, найдя в таком диковинном месте раз-

ные европейские приспособления для сельского хозяйства, маслобойки и производства сыра...

Коровы были в великолепном состоянии, однако же не хорошей породы. Их странная внешность дала мне идею сравнить их с лохматой шотландской пони и английской коровой. Если бы английский фермер захотел выиграть приз на сельх. выставке за необычность, ему было бы достаточно привести в порядок эти странные создания.

В двух или трех близлежащих соседних деревнях первоначальное обучение детей ведется одним человеком, который умеет читать и писать; и этот человек является маленьким скрытым властителем. Если губернатор провинции захочет получить частную информацию о ком-нибудь из ее обитателей, он посылает к этому человеку, и тот, если несправедлив, имеет хорошую возможность свести старые счета и доставить своего врага в тюрьму.

В следующей деревне я посетила школу, только что построенную с помощью моих хозяев. Окруженная детьми, я слушала их чтение. Вдруг появился старый человек и попросил позволения поговорить со мной. Видимо, глядя на красный крест на санях, он думал, что я какая-нибудь важная персона, и поэтому пришел просить о помощи. Он сказал, что

река наполнена отбросами бумажной фабрики, что в десяти милях отсюда, и поэтому целая деревня посредством этого губится (портится)...

Я спустилась к реке, понюхала воду, а затем попробовала ее и нашла, что та непригодна ни для человека, ни для зверя. Возвратившись в деревню, я увидела удивительную и неожиданную сцену. Люди умоляли меня помочь, кланялись низко и упрасивали. Я бы никогда не подумала, что люди могут так умолять. Они говорили, что скот отказывается пить воду. Многие мужчины, женщины и дети заболели от употребления этой воды и теперь вынуждены ходить за 4—6 миль к ближайшей деревне за каждой каплей воды. Зимой люди использовали растаявший снег для питья и страшились лета, потому что оно означало для них одно — смерть. Старые и молодые мужчины с обнаженными головами, застенчивые в своем волнении, трогательные с их серьезными лицами, и женщины, издающие жалобы, — все старались дать понять важность дела.

Здесь жило около 300 людей, которые, по-видимому, были разорены и умирали от истощения, от деспотической эгоистичности одного человека, и все они бессильны помочь самим себе...

Я, конечно, прибыла в Сибирь не для того, чтобы смот-

реть за грязными реками, но как могла я отказаться выслушать эту трогательную мольбу? Я сказала им, что направляюсь в Тобольск, где я увижу губернатора и буду ходатайствовать от их имени, и если этого будет недостаточно, при случае положу ходатайство перед высшей властью

Выслушав, они поклонились низко и сказали, что будут молиться каждый день от всего сердца. Мой друг затем попросил меня показать им фотографию королевы, которую Ее Величество милостиво дала мне с Ее собственной подписью; и, видя их, столпившихся вокруг, всматривающихся робко в изображение, одних с открытыми ртами, других в почтительной позе, с непокрытыми головами, многих с полуистощенными, утомленными лицами, мне искренне стало жаль их.

Когда я опустила в сани, все люди сняли головные уборы. Под крики «С вами бог» мы тронулись в путь. Затем мы поехали на бумажную фабрику, которая находилась за 7 миль отсюда...

Это была длинная и утомительная езда, но те усталые лица гнали меня дальше. Около фабрики я обнаружила, что утверждение крестьян было очень правдиво: химикалии, использовавшиеся для помывки тряпья, сбрасывались в реку

Рано утром прибыла депутация из двух деревень, в которых

мы были за день до этого, с петицией, содержащей описание их положения. Мы направились в Тобольск в надежде застать губернатора до того, как тот покинет город, дабы рассказать ему о загрязненной реке и положении этих несчастных людей.

Мы прибыли в Тобольск около полуночи следующего дня. Губернатор нанял комнату для нас в отеле. Пройдя маленький деревянный домик, мы увидели недалеко от него большое кирпичное здание. О! Это как раз то, о чем мы мечтали, подумали мы. Мы огорчились, услышав в ответ, что это дом губернатора. Когда мы въехали в грязный двор, то подумали, что здесь какая-то ошибка. В смежном дворе стоял полуразрушенный деревянный дом. И это был отель? Огорченные нашими расстроенными надеждами, мы поднялись вверх по ступенькам и вошли в комнату, воздух которой был душный и горячий...

Горячая комната и русское великодушие к гостям были намного теплей чувств гостей. Двойные окна были наглухо заделаны кругом, уничтожая малейший шанс проникновения свежего воздуха.

В комнате было две кровати и один матрас (это был один из немногих отелей, в который гости должны были приносить собственные простыни). Стены были грязны. Мы ясно поняли, что будем спать на полу. А

в комнате становилось все жарче и жарче, несмотря на то, что значительное время дверь была отворена. Мы почувствовали болезненность.

Размышляя, я пришла к решительному и скорому методу, позволяющему получить свежий воздух, но побоялась, что шум падающего стекла может создать суматоху в доме и, конечно, во всем городе. Затем я увидела, что стекло замазано вверх бумагой. Тогда я осторожно отодвинула осколок, просунула руку через отверстие и нажала резко на второе стекло. И вот! Глядите-ка, подвиг был совершен!

Вскоре мы уснули на полу.

...Тюрьма в Тюмени со всеми ее скверностями ярко впечаталась в моей памяти...

Тобольская тюрьма приятно удивила нас.

Ничего не могло быть лучше и в отношении чистоты и сани-

тарии. В каждой тюремной камере находилось несколько заключенных, а различные религиозные секты содержались порознь в отдельных помещениях. Вместо нар для сна были приличные кровати, снабженные матрасами и убирающиеся с помощью лямок на дневное время в стену.

Госпиталь также был очень чист и не переполнен. Здесь также были чистая и привлекательная церковь, примыкающая к тюрьме, и хорошенский маленький музей.

Одной из главных целей моего посещения Тобольска было рассказать губернатору о загрязненной реке.

Он пригласил нас позавтракать, и я выложила перед ним этот вызывающий сострадание случай, происшедший в этих бедных деревнях. Он проявил живой интерес к делу и обещал расследовать его самолично.

Перевел В.А. Ефремов.

На дальнем плане —
Ильинская церковь.
(Фото конца XIX—
начала XX вв.)

Я хочу обратиться к читателям не то чтобы с опровержением на свою собственную статью, а с «прибавлением», как писали в прошлом веке. Я хочу извиниться за неточность, которую допустил два года назад. Для второго номера «Лукича» я подготовил статью об истории Успенской и Ильинской церквей¹. На С. 152 я написал, что деревянная церковь Ильи Пророка, построенная в 1773 году, прожила недолго. «Она сгорела. В 1803 году на её месте заложили церковь каменную с одним престолом во имя Покрова Богородицы...». Должен признать, что это неправда. Неправда то, что Ильинская церковь сгорела и что новую Покровскую церковь построили на месте сгоревшей. Всё было не так. Недавно я это выяснил.

Оказывается, деревянная Ильинская не сгорела, и **каменная церковь строилась не на её месте, а рядом с ней. Во-первых, это видно на плане Тюмени конца XVIII — нач. XIX в. (после 1796 г.) План хранится в фондах ТОКМ, на нём под номером 11 значатся «Церковь Пророка Ильи и при ней вновьстроящаяся каменная церковь и богадельня». Две церкви на плане изображены рядом. Деревянная церковь Ильи не была снесена и после завершения строительства каменной Покровской церкви. Более того, приход с двумя церквями долгое время сохранял наименование Ильинского.**

В указах и предписаниях Тюменского правления за 1829 г. имеется такая фраза: «... в Покровском приходе, который доселе назывался Ильинским»².

¹ Чулин В.А. Две церкви в Тюмени.// Лукич. 1998. №2. С. 146-159.

² ГАТО. Ф.И-1. Оп.1. Д.4. Л.12.

В указе из Тобольской духовной консистории от 12 октября 1828 г. написано: «... изыясняя рапорт градо-Ильинской церкви священно-церковно-служителей и старосты о том, что деревянная во имя Пророка Ильи церковь, освящения 1773 г., июля, обветшала, в которой служить опасно, поелуку в ней пол, потолок и крыша ветхие, но даже сами стены во многих местах согнили, в мнении своём заключило: (...) /т.к./ церковь самим правлением признаётся опасною, для продолжения в ней служения велеть ильинским священно-церковно-служителям вместе с церковным старостой: 1) Св. Антиминс немедленно представить в правление 2) из церкви Ильи св. иконы вынести в анбар, под колокольню 3) церковь разобрать и лес оный употребить на печение просфор или на отопку существующей в Ильинском приходе каменной Покровской церкви 4) по разобрании оной Ильинской церкви выстроить из того же лесу на месте, где стоял святой престол, часовню. (27 октября 1828 г.)³

Итак, деревянный храм Ильи Пророка разобрали, но каменная церковь Покрова Богородицы, построенная в 1803–1811 гг. «непрочно, с повреждением», недолго оставалась «в одиночестве».

Указ от 29 апреля 1833 г. из Тюменского духовного правления в тюменскую Покровскую церковь священно-церковно-служителям и старосте мещанину Василию

Шапошникову гласил: «Тюменское духовное правление по слушании сообщения тюменского общаго Окружного Управления, в котором написано: Его Высоко-Родие, господин исправляющий должность Тобольского гражданского Губернатора в предписании к тюменскому Окружному Начальнику Жилину от 31 прошедшего марта изыяснить изволил, что Его Высокопреосвященство, Афанасий, Архиепископ Тобольский, дозволив строить по сочинённому губернским архитектором Трофимовым плану, здесь в Тюмени, вместо ветхой каменной церкви, вновь такой же во имя Пророка Ильи, с приделом Покрова Пресвятой Богородицы, просил его распоряжения о поручении, кому следует за правильною постройкою (...) по данному плану и фасаду иметь надзор, почему Его высокородие поручил (...) иметь неослабный надзор Ему, господину Окружному начальнику Жилину»⁴.

3 июля 1833 г. рядом с Покровской заложили другой каменный храм. Строительство новой церкви осуществлялось по плану и фасаду, выданному Епархиальным начальством, одобренному и утверждённому строительным отделом Тобольского Губернского Управления. Престолов в новой церкви было два: главный — летний собственно в храме — во имя Ильи Пророка, а для зимнего богослужения в приделе — во имя Покрова Богородицы.

³ ГАТО. Ф. И-1. Оп.1. Д.4. Л.18-19.

⁴ ГАТО. Ф.И-104. Оп.1. Д.4. Л.69-69 об.

Мне, коренному сургутянину, было интересно, когда в руки попала книга С.П. Швецова (был в ссылке в Сургуте с 11 сентября 1880 года по 28 мая 1881 года) «Очерки Сургутского края». Книга написана о моих прадедушках и прабабушках. Вот взгляд на них человека, попавшего в Сургут не по доброй воле, а за то, что хотел привести людей, в том числе и сургутян, в светлое будущее. «Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры Черты лица сургутянина неправильны и резки, развитые скулы, широкий некрасивый рот, узкие глаза без выражения или, пожалуй, с выражением придурковатости — все это делает его вид не особенно привлекательным, не говоря уже о грязи, толстым слоем покрывающей голову, лицо и руки многих из них. Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой и ловкостью».

Неужели такими были сургутяне? Как же могли они произвести на свет следующее, а это уже были наши бабушки и дедушки, такое красивое поколение? Смотрю на старые фотографии и обидно становится: предки мои, каким же черным глазом увидел вас господин С.П. Швецов.

А вот другой взгляд на сургутян того же времени. И.И. Завалишин провел в Сибири почти сорок лет — с 1827-го по 1865 гг., сначала каторжник, а затем поселенец. В журнале «Югра» за ноябрь 1997 года в очерке И.И. Завалишина «К ледовитому оке-

ану» написано: «Особенность этого отдаленного края — это березовские и сургутские казаки. Они вошли теперь в состав поселенного Тобольского Казачьего пешего батальона. Они понятливы, ловки, стройны и очень красивы. В Сургуте у них школа на 70 мальчиков».

И все сразу же стало на свои места. Такими сургутян я всегда видел, знал и знаю. И даже возраст не портил их лица, они всегда оставались красивыми.

Специально не называю ни одной фамилии, назвав одних и не назвав других, я просто могу, не желая того, обидеть своих дорогих земляков, всегда отличавшихся умом, статью и силой.

А.А. Федулов

* * *

С первой публикации в «Новом мире» Николай Шамсутдинов был для меня поэтом с большой буквы.

Судьба свела меня с ним в г. Сургуте, где одиозная Лиля Цареградская «подобрала» меня на улице и доверила возглавить редакцию художественной литературы в ее «Северном доме».

В тот год план изданий был уже сверстан, и мне оставалось лишь знакомиться с рукописями, которым предстояло увидеть свет. Наряду с блуждающими по помещениям издательства рукописями П. Бахлыкова, В. Мартынова, Н. Коняева и др. надо было знакомиться с тем, что лежало в «портфеле» редакции. А лежало д...обра немало.

Среди всего прочего было и четыре рукописи Николая Шамсутдинова. По разным разделам художественной литературы: проза, публицистика, пародии и стихи. Как говорится, чем богаты...

Рассказывали, что Меркамалович сумел не только засунуть четыре рукописи в темплан, но и сорвал за них авансы. Не исключено, что об этом только говорили. Ибо все знали, что выцарапать из Лильки (так звали директор концерна «Северный дом» за глаза) гонорар, тем более аванс — это не пуп царапать.

Лилия Васильевна, попросила меня написать внутреннюю рецензию на рукописи Н. Шамсутдинова.

То, что мне довелось прочесть, потрясло. То, что уже не публиковали даже в районных газетах, выдавалось за публицистику. При этом тексты были удивительно однообразно серые...

Во мне еще жило потрясение от знакомства с его первым стихотворением. Я не знал, что делать. Решил для поднятия духа почитать «Гамбургский счет» В. Шкловского. Издавался такой сборник в конце восьмидесятых.

Нечаянно наткнулся на фразу. Она звучала примерно так: «Есть два вида халтуры: греческая и татарская. Греческая — это когда человек знает, может, но... И татарская, когда не знает, не может, но козыряет правильностью своего направления». Тексты автора, которого предстояло рецензировать, были очень даже в русле сказанного...

Оттолкнувшись от В. Шкловского, я быстро сделал внутреннюю рецензию.

Главный редактор, моя покровительница и заступница Светлана Кожевникова, прочитав опус, начала поругивать: «Вы что, хотите скандала? Вы же раздуваете межнациональную рознь...». Понять Светлану Алексеевну, когда она шутит, а когда говорит серьезно, я никогда не мог. Не зря она впоследствии написала методическое пособие о том, как научиться смеяться.

А Л. Цареградской внутренняя рецензия понравилась (не исключено, что она таким образом решила защищаться от напористого Н. Шамсутдинова) и она ее опубликовала в газете «Северный дом».

Николай — парень гордый. Пришел в издательство и забрал все свои рукописи. Но, как говорят, авансы не вернул.

Не зная, кто автор публикации, и будучи страшно нелюбопытным, а реагируя лишь на форму фамилии, Николай изредка поговаривал по Сургуту, что какая-то Мандрика зарезала его рукописи.

Как-то собрался в литературном кафе местный бомонд, приехали к тому же телевизионщики из Нижневартовска. За неплохо накрытым столом (это единственное, что умели в «Северном доме») собралось человек восемь.

Я не знаю, как выглядит Н. Шамсутдинов, а ему не представляли меня.

Когда застолье начало достигать средней фазы, по тому, как звучали стихи из уст одного из присутствующих, я понял, с кем сижу за одним столом:

— Вы случайно не Шамсутдинов, как-то напечатавший одно упругое стихотворение в «Новом мире»? — старался после прочтения его рукописей построить совсем уничтожительную фразу я.

Из Николая потекли ручьи словес, что он... да он...

— Вы, как Пьецух, который говорит, что до того обнаглел, что считает своим долгом каждый год печататься в «Новом мире»...

Меркамалович по-прежнему не замечал иронии. Его распирало от гордости, что он и сам почти как Пьецух. И вообще, его, настоящего поэта, место отнюдь не в Сургуте.

— Вы знаете, — пытался я продолжить больше монолог, нежели диалог, — сегодня на планерке я предложил Лиле Васильевне принять в наше литературное кафе официантом члена Союза писателей. Для солидности учреждения...

— Да знаете, — заорал на меня Меркамалович, — я Вас всех видел на своем большом¹...

---

¹ Эту историю мне очень нравится рассказывать в различных компаниях. Нравится она всем. Особенно тем, кто знает задиристый характер поэта. Может, поэтому и смеются. Смеются все. И вдруг однажды тюменская поэтесса, слушавшая с большим вниманием о происходившем в Северо-Сибирском книжном издательстве, после слова, над которым значится надстрочная цифра, прервала меня:

— Пусть только не врет, — и добавила нечто такое, о чем не принято говорить даже в мужских компаниях.

— Кто чем хвастается, — парировал я. — Кто большим... а кто талантом.

Шутка страшно дежурная. Но сидевший за столом и прислушивавшийся к перепалке бомонд почему-то одновременно грохнул от смеха.

Николаю это явно не понравилось. Он чинно снял перстень и полез на меня с кулаками...

С тех пор нам как-то и не удалось сойтись...

В минувшем году, когда праздновали его пятидесятилетие, одна из сургутских контор решила спонсировать сборник Н. Шамсутдинова обязательно через издательство, в котором сейчас я работаю.

Несмотря на то, что мы могли бы успеть издать к юбилею книжку, он отказался. Все сборники появились в свет, когда о его красной дате все и думать перестали...

Не простил!